НОВАЯ ПОЛЬША

№6(153) 2013

ЭЛЬЖБЕТА САВИЦКАЯ УРОКИ НАСТОЯЩЕГО ПАТРИОТИЗМА

МАРТИН ВОЙЦЕХОВСКИЙ ВСЁ НЕПЛОХО, НО ЛЮБВИ НЕ БУДЕТ

ВОЙЦЕХ МАЗЯРСКИЙ ПОЛЯКИ И УКРАИНЦЫ ПОМИРЯТСЯ БЕЗ ПРИКАЗА СВЕРХУ

РОМАН ДАЩИНСКИЙ РУССКИЙ КЛИЕНТ — НАШ ХОЗЯИН

АГНЕШКА ЛЕСЯК МЕЖДУ ПОЛЯКОМ И НЕМЦЕМ

ЕЖИ СТЕМПОВСКИЙ О ЛЬВЕ ШЕСТОВЕ

ВАРШАВА

ISSN 1508-5589

Международный конкурс на лучший перевод произведений Тадеуша Ружевича

Дорогие друзья!

Фонд «За вашу и нашу свободу» рад сообщить, что польское министерство культуры и национального наследия совместно с Институтом книги поддержало проект по проведению конкурса «Ружевич 2013».

Приглашаем вас принять участие в международном конкурсе на лучший перевод произведений крупнейшего поэта Польши Тадеуша Ружевича.

Жюри конкурса: Наталья Горбаневская (председатель), Томас Венцлова, Адам Поморский, Андрей Хаданович, Игорь Белов.

Тексты стихов для перевода представлены на сайте нашего фонда «За вашу и нашу свободу»: www.zawolnosc.eu. Переводы следует присылать по электронному адресу: ruzewiczkonkurs@gmail.com.

Срок подачи переводов — до 1 октября 2013 года.

Победителям будут вручены премии:

1 премия — 30 000 рублей.

2 премия — 20 000 рублей.

3 премия — 10 000 рублей.

Итоги конкурса будут объявлены 1 ноября 2013 года на сайте Фонда. Церемония награждения победителей состоится в декабре 2013 года в посольстве Польши в Москве.

Переводы участников конкурса, вошедших в шорт-лист (первые 10 мест), будут включены в состав сборника, который выйдет в 2014 году. Их авторов мы пригласим во Вроцлав (Польша) для участия в переводческих мастер-классах.

Желаем удачи!

НОВАЯ ПОЛЬША

№ 6 (153)
2013
июнь

ISSN 1508-5589

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЕЖЕМЕСЯЧНИК

Ежи Стемповский 3
ВОСПОМИНАНИЯ О ЛЬВЕ ШЕСТОВЕ

Магдалена Хабера 6
НЕОЧЕВИДНАЯ ВСТРЕЧА
Ежи Стемповский и Лев Шестов

Мартин Войцеховский 9
ПОЛЬША — РОССИЯ: НЕ ТОЛЬКО В ТЕНИ СМОЛЕНСКА

Агнешка Лесяк 11
МЕЖДУ ПОЛЯКОМ И НЕМЦЕМ

С КАЖДЫМ ДНЕМ МЕНЯЕТСЯ НАШЕ 15
ПРЕДСТАВЛЕНИЕ О ПРОШЛОМ
Беседа с профессором германистики Губертом Орловским

Виктор Кулерский 23
ХРОНИКА (НЕКОТОРЫХ) ТЕКУЩИХ СОБЫТИЙ

Войцех Мазярский 33
ПОЛЯКИ И УКРАИНЦЫ СОЗРЕВАЮТ ДЛЯ РАЗГОВОРА

Збигнев Завадский 35
СОБСТВЕННЫЙ ЖАНР

Роман Дащинский 38
РУССКИЙ КЛИЕНТ — НАШ ХОЗЯИН

Эва Зюлковская 43
Я РОДИЛСЯ В ОЛОНЦЕ

Эльжбета Савицкая 45
УРОКИ ИНОГО ПАТРИОТИЗМА

Милош Беджицкий 47
СТИХОТВОРЕНИЯ

Лешек Шаруга 55
РЕАЛЬНОСТЬ НЕСУЩЕСТВУЮЩЕГО

Яцек Денель 57
САТУРН, или МРАЧНЫЕ КАРТИНЫ
В ЖИЗНИ МУЖЧИН ИЗ РОДА ГОЙИ

Анна Памула 64
НАПИШИ ОБО МНЕ ТАК, ЧТОБЫ МАМА ГОРДИЛАСЬ

Эльжбета Савицкая 68
КУЛЬТУРНАЯ ХРОНИКА

Анна Герман 72
МУЗЫКА ВЕРНУЛАСЬ КО МНЕ

Себастьян Лупак 75
СИСТЕМА СЛИШКОМ ПРОЧНАЯ

Лешек Шаруга 78
ВЫПИСКИ ИЗ КУЛЬТУРНОЙ ПЕРИОДИКИ

НА УХО ВЛАСТИ 81
Беседа с Мареком Домбровским

Переводчики: И. Белов, А. Векшина, Т. Дубинина, Е. Гендель, Н. Горбаневская, Н. Кузнецов, О. Лободзинская, В. Окунь, Д. Пелихов, С. Политыко, Е. Шиманская

© Фото: Paulina Zielona (стр.55), Piotr Mordel (стр.15)

Редакционный совет
Стефан Братковский
Генрик Возняковский
Ежи Клочовский
Кароль Модзелевский
Януш Тазбир
Станислав Цёсек

Ежи Помяновский
(главный редактор)

Редколлегия
Элиза Вольская
Наталья Горбаневская
Галина Дубик
Никита Кузнецов
Виктор Кулерский
Петр Мицнер ***(зам. гл. редактора)***
Евангелина Скалинская
(секретариат)
Гжегож Пшебинда
Ежи Редлих
(зам. гл. редактора, секретарь редакции)
Эльжбета Савицкая
Лешек Шаруга
Дмитрий Шевионков-Кисмелов
(главный художник)

Графика и макет
Дмитрий Шевионков-Кисмелов

Техническая редакция
Паулина Зеленая

Адрес редакции
INSTYTUT KSIĄŻKI
al.Niepodległości 213
02-086 Warszawa
Ал. Неподлеглости, 213
02-086 Варшава
тел: **(22) 608 27 95; 608 25 65**
факс: **(22) 608 25 05; 608 27 96**
e-mail: **nowpol@instytutksiazki.pl**
Информация о журнале для стран СНГ
Издательство МИК, Москва,
ул. Большая Переяславская, д.15, кв.49
тел: **621-41-42**
e-mail: **mic@inbox.ru**

Журнал издается по поручению Министра Культуры и Национального Наследия Республики Польша
WYDAWCA:
Instytut Książki, 31-011 Kraków
DZIAŁ WYDAWNICTW:
al. Niepodległości 213, 02-086 Warszawa
tel/fax (22) 608 24 88
Тираж 4700 экз.

Ежи Стемповский **Перевод Натальи Горбаневской**

ВОСПОМИНАНИЯ О ЛЬВЕ ШЕСТОВЕ

В конце ноября 1938 г. в Париже скончался в возрасте около 70 лет Лев Шестов. Живший в Булонина-Сене бедным эмигрантом, Шестов общался с немногими за пределами круга близких друзей, к которым принадлежали Ремизов, Бердяев, Мейерсон. Книги, написанные до войны, лишь частично были переизданы, и большинство их стало недоступно читателям. Сам автор тщетно разыскивал экземпляр своей работы о Чехове. Новые русские сочинения нелегко находили издателей и частично оставались в рукописях. Французское собрание сочинений застряло на нескольких томах. В силу этого жизнь и сочинения Шестова прошли почти не замеченными литературной общественностью. Однако у всех, кто имел возможность ближе познакомиться с ним, это знакомство оставляло воспоминания, не так-то легко изглаживающиеся из памяти. Среди новых поколений Шестов производил впечатление одинокой скалы, обломка великой литературной Атлантиды, затопленной волнами неблагоприятных времен.

*

В последние довоенные годы внимание русской литературной общественности обратили на себя выходившие одно за другим, красиво изданные модным тогда издательством «Шиповник» литературные труды эссеиста, писавшего под псевдонимом Шестов. Это были «Шекспир и его критик Брандес», «Добро и зло в учении Толстого и Ницше*», «Достоевский и Ницше — философия трагедии», «Творчество из ничего (Чехов)», «Апофеоз беспочвенности». В этих эссе поражало знание великой литературы, необычайное не только размахом и точностью эрудиции, но прежде всего инаковостью и глубиной контакта с миром литературного вымысла. В воображении Шестова герои, созданные мастерами слова, как будто продолжали жить самостоятельной жизнью. Шестов знал все их тайны, умел задавать им такие вопросы и получать такие ответы, что его сочинения, казалось, прокладывали дорогу к какому-то совершенно новому, значительно углубленному знанию классической литературы. Предметом его рассуждений были нравственные позиции писателей и их отношение к главным метафизическим вопросам. Под его пером авторы и их герои, словно в жизнеописаниях греческих философов, приобретали характеры упрощенный и одновременно радикальный, побуждая к дальнейшим, нередко тревожным выводам.

В русской литературе эссе не обладало такой устойчивой традицией, как во французской или английской. Не входя в область чистой философии, труды Шестова значительно отходили от того, что тогда было принято писать в России о литературе. Их неопределенный литературный жанр вводил рецензентов в недоумение, а читателей привлекал и в то же время тревожил.

*

В это время молодой киевский врач принес мне первые сведения о том, кто скрывается под псевдонимом Шестова.

В Киеве на Крещатике находился известный всем жителям города, как там говорили, мануфактурный склад (магазин готового платья) Шварцмана**. В городе, лежащем посреди страны, развивавшейся как новая Калифорния, этот магазин был процветающим предприятием. Сын и наследник основателя этой фирмы, выпускник юридического факультета Киевского университете Лев Исаакович Шварцман** был этим таинственным Львом Шестовым. До полудня он проводил время в конторе,

* У Шестова везде — Нитше. — *Здесь и далее прим. пер.*

** У Стемповского оба раза ошибочно — Шварц.

а пополудни занимался философией и литературой. Когда один знакомый — рассказывал мне мой собеседник — спросил его, почему он, будучи философом по призванию и зажиточным человеком, проводит полдня в конторе, Шестов якобы ответил: «Знаете, я не люблю бедности».

К этому сложному образу следует прибавить, что в молодости Шестов получил незаурядное и нестандартное знание латыни и греческого. Уже во времена его эмиграции, прохаживаясь с ним однажды вблизи бегового поля в Лоншане, мы провели наизусть своего рода соревнование по цитатам из Тертуллиана. Шестов помнил чуть ли не целые его страницы, странные, малоизвестные пассажи; фигура Тертуллиана являлась из них необычайной, трагической, резкой и таинственной, как все фигуры авторов, пробудившие ненасытное любопытство Шестова.

Эта первая, киевская часть его биографии, известная мне только по слухам и так мало напоминающая сочинения Шестова и человека, с которым я потом познакомился в Париже, вскоре должна была стать для него самого лишь отдаленным прошлым.

*

Живого Шестова я увидел впервые в 1921 г., на вечере, посвященном Достоевскому, в скромном зале на рю де ла Помп, где русские эмигранты обычно отмечают свои юбилеи. Это был морозный зимний вечер, Шестов пришел с женой и дочерью, в довольно потрепанном костюме и резиновом плаще, который был признаком полной нищеты. Свое эссе «Музыка и призраки» он читал по рукописи, быстро, не поднимая глаз и не рассчитывая ни на какой контакт со слушателями.

Когда несколько лет спустя я познакомился с ним ближе, Шестову было под шестьдесят. Волосы и борода у него были совсем белые; темные и слегка туманные глаза выглядели слегка усталыми. Шестов жил в Булони-на-Сене, в рабочей квартире, состоявшей из двух комнат, между которыми находилась небольшая светлая кухня. В этой кухне он сажал меня за некрашеный деревянный стол и с простотой нового бедняка — nouveau pauvre — разжигал примус, на котором заваривал чай. Потом мы выходили в Булонский лес, который начинался в конце улицы.

Шестов давно уже оставил литературные темы. Его новые сочинения либо носили характер философских трудов, и предметом их были тогда Спиноза, Гегель, Платон, Гуссерль, либо это были небольшие фрагментарные эссе, по форме несколько напоминавшие Ницше.

Несмотря на эту смену тематики Шестов всё-таки всегда оставался человеком литературы. Из моих знакомых никто настолько не знал и не любил литературу. Его разговор был мозаикой цитат, лугом, на котором расцветали живые, яркие, удивительные словесные цветы Плотина, Паскаля, Шекспира, Киркегора, Достоевского. Впрочем, только на таком языке можно было сформулировать великие метафизические волнения, которые, по свидетельству Диогена Лаэртского, Сенеки и Лукиана, толкнули греков и римлян на столькие безумства и среди которых жил Шестов. В разговорах его выводы из метафизических посылок противостояли друг другу в трагическом напряжении, которое можно было выразить только словами короля Лира, которые он часто повторял:

Ты будешь
Спасаться от медведя; но, завидев
Бушующее море пред собой,
Невольно повернешься к пасти зверя.
(*Король Лир, акт III, сцена 4. Пер. Т.Л. Щепкиной-Куперник)*

Разговоры с Шестовым вращались вокруг странных и тревожных тем. Из самых простых текстов Шестов умел извлечь не замеченные до тех пор сведения.

Однажды, например, он прочел мне извлечение из старых воспоминаний, где было описано гала-представление в одном лондонском театре в присутствии королевы Виктории. В ложу, писал мемуарист, вошла королева Виктория в сопровождении шести придворных дам. Садясь, дамы предусмотрительно поглядели себе за спину, чтобы проверить, стоят ли кресла на своих местах. Только королева уселась величественно, не оглядываясь назад. «Обратите внимание, — говорил Шестов, — на разницу логики.

Придворные дамы рассуждают, как все смертные: есть кресло, следовательно я могу в него сесть. Королева рассуждает наоборот: сажусь, следовательно на этом месте должно быть кресло. Так что мы не всегда подчинены общепринятым правилам логики. Есть надежда вырваться из их принуждения».

И собеседников своих он так же мягко подводил к распутьям и ловушкам, где наш обычный язык как бы терял свой первоначальный смысл, вынуждая к неожиданным импровизациям. Несколько лет назад я описал его разговор с Мейерсоном (см. «Вядомости литерацке», 1933, №56). Накануне нашего визита к Мейерсону Шестов рассказал мне о разговоре, который у него состоялся за несколько лет до этого с Гуссерлем.

В 1923 г. Шестов опубликовал работу о Гуссерле «Potestas clavium». Несколько лет спустя, находясь на философском съезде в Амстердаме, он получил от Гуссерля телеграмму с просьбой задержаться в этом городе на несколько дней. О встрече и беседе с Гуссерлем Шестов рассказывал с большим волнением. Говорить начал Гуссерль, сказав, что работа Шестова была одним из величайших разочарований в его жизни. Ибо Шестов, по его мнению, принадлежал к тем немногим, кто должен был о многом догадаться и понять. Когда Гуссерль как бывший профессор математики был приглашен в Геттинген возглавить философскую школу с задачей вырастить новое поколение немецких философов, у него появились бесчисленные сомнения, и наконец ему стало ясно, что ему, собственно, нечего сказать. Это были самые страшные месяцы его жизни. Выступление против Зигварта, повышенный голос, каким он требовал признать непогрешимость науки и «der Schrankenlosigkeit der objektiven Vernunft», — всё это вытекало тогда исключительно из страха перед скептицизмом. Вместо того чтобы атаковать эту бескомпромиссную позицию, Шестову — именно ему — следовало понять ее с этой стороны. *«Это был настоящий философский разговор»* [по-русски в тексте], — заключил Шестов. Гуссерля Шестов считал виднейшим философом со времен Декарта.

Среди других славных философов нашего времени Шестов возлагал некоторые надежды на Хайдеггера, которого считал продолжателем Киркегора. Побывал у него во Фрайбурге, но до «настоящего *философского разговора»* у них, как он говорил, дело не дошло.

*

Трудно в немногих словах объяснить, в чем состояла философия Шестова. Сам он считал такие изложения мысли философов бесцельными и рассказал мне об этом следующий случай. Когда он лежал в одной парижской больнице, то заметил, что два молодых врача шёпотом советуются, потом один из них, подойдя ближе, сказал: «Мы только что узнали, что перед нами знаменитый философ. Не могли бы вы нам в нескольких словах сказать, в чем состоит ваша философия?» Шестов, однако, не последовал примеру Лао Цзы, который на подобный вопрос ответил, написав свое единственное, бессмертное сочинение. «Если бы я был здоров, то наверное попытался бы им это объяснить, но, больной и усталый, не испытывал никакого желания. И спросил: «Вы изучали геометрию?» — «Да, разумеется». — «А могли б вы в нескольких словах объяснить мне, в чем состоит геометрия?» Вот видите, точно так же и я не могу кратко объяснить, в чем состоит моя философия».

*

С литературной точки зрения сочинения и жизнь Шестова представляют, быть может, недооцененный момент величайшей славы и величия литературы. Произведения беллетристов были традиционным легким чтением, любимым предметом развлечения высших, а потом и средних кругов общества. Чтение их, по примеру Шестова, как произведений философских — в том смысле, в каком мы читаем Платона, Лейбница или Шопенгауэра, стало новым этапом великой карьеры художественной литературы.

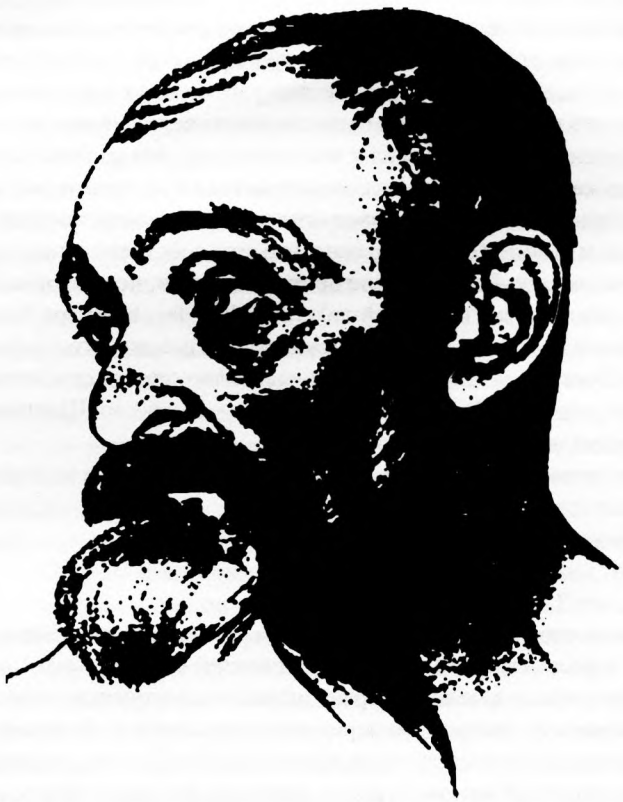
Несколько лет назад американский эссеист Истмен грозил литературе тем, что она замкнется в тесных границах лирики, так как с остальных традиционно принадлежащих ей территорий литературу вытесняет наука. Сочинения Шестова, обнаруживая в литературе метафизическую зону или, как теперь принято говорить, слой, противоречат таким предсказаниям и, прямо наоборот, как будто расширяют традиционные понятия о значении и достоинстве литературы.

Вядомости литерацке. 1939, №3

Магдалена Хабера

НЕОЧЕВИДНАЯ ВСТРЕЧА

Ежи Стемповский и Лев Шестов



Лев Шестов

В «Записках для призрака», личном дневнике, который Ежи Стемповский писал по-французски («Notes pour une ombre»,), с 28 августа 1940 до февраля 1941 г., мы находим рассказ автора о первых месяцах его эмигрантских странствий. Стемповский решил стать эмигрантом в первые дни исхода, в сентябре 1939 г., когда, находясь в доме Станислава Винценза в Слободе-Рунгурской вместе со своей подругой Людвикой Реттингер (по прозвищу Вихуна), узнал, что началась война. Вместе с Винцензом и его старшим сыном он перешел границу с Венгрией. Через Будапешт, Белград, Загреб, Любляну, Милан и Домодоссолу в апреле 1940 г. добрался до Берна. В конце концов переехал в Мурию, деревню близ Берна и прожил там до самой смерти.

Адресатом «Записок для призрака» была Вихуна, скончавшаяся в Слободе в первую военную зиму. Для нее Стемповский решил выйти из молчания, предпринимая руд «чернить бумагу» в момент, когда Европа капитулировала. Это капитуляция реальная, страна за страной сдаются под напором гитлеровских войск, в крайнем случае вынуждены признать главенство Гитлера.

Для Стемповского капитуляция Европы носит тотальный характер — она не только отражает тогдашнее политическое положение, но совершается и в сфере мышления. Европа как будто отказалась мыслить, утратила свое сознание. Европа пылает, сгорает в пепел. В таких обстоятельствах чернить бумагу может выглядеть жестом беспочвенным, который как бы даже противоречит убеждениям эссеиста, считавшего, что «выход из молчания, которое кажется настоящей позицией мысли, — это своего рода отступничество от ее запросов. Он требует изливаться в слове, материале ненадежном, то слишком устойчивом, то слишком расплывчатом, послушном иным законам, нежели законы мысли, и испускающем при манипуляциях над ним неожиданные искры и скрежеты».

На страницах «Записок для призрака» Стемповский анализирует политическое положение Европы его времени, однако нередко возвращается к периоду до катастрофы, до исхода, говорит о современных ему кассандрических фигурах, в том числе о Шимоне Аскенази, выдающемся польском историке-еврее, и Роберте Делле, английском журналисте, корреспонденте «Манчестер гардиан», с которым познакомился под конец Первой Мировой войны: «...время от времени мы встречались в местах действия истории нашего времени: в Париже во время мирных переговоров, в Женеве на пер-

вых заседаниях Лиги Наций, в ходе бесчисленных международных конференций (...) Около 1923 г. мы обнаружили, что будущее Европы зависит от внутренней эволюции Германии и принялись изучать лабиринты политики, поддерживая всякие признаки лучшего будущего (...) Из общих тревог родилась наш взаимная симпатия».

Встреча с Робертом Деллом выпала на период сотрудничества Ежи Стемповского с польским МИДом. Тогда эссеист совершал многочисленные поездки по Европе. И в Париже в 1921 г. впервые увидел Льва Шестова. Об обстоятельствах знакомства Стемповский рассказал в «Воспоминаниях о Льве Шестове». Этот очерк вышел в «Вядомостях литерацких» 15 января 1939 г., почти два месяца спустя после смерти автора «Апофеоза беспочвенности» (Шестов умер 20 ноября 1938).

Зимним парижским вечером 1921 г. в зале на рю де ла Помп русские эмигранты отмечали столетие со дня рождения Достоевского. Стемповский слушал, как Шестов читает эссе «Музыка и призраки». Он запомнил философа усталым, истощенным, поспешно читавшим текст, «не рассчитывая на контакт со слушателями». Первое впечатление не было ни ошибочным, ни безосновательным. Шестов находился тогда в критическом материальном положении. Он потерял имущество в России; издатели, подписавшие с ним договоры на его книги по-русски и по-немецки, отказывались печатать Шестова, прочитав его текст «Что такое русский большевизм».

История их настоящего знакомства, которое, по свидетельству Стемповского, положило начало сердечной дружбе, относится,вероятно, году к 1926-му: «Когда несколько лет спустя я познакомился с ним ближе, Шестову было под шестьдесят. Волосы и борода у него были совсем белые; темные и слегка туманные глаза выглядели слегка усталыми. Шестов жил в Булони-на-Сене». Но возможно также, что это произошло в 1930 г., как раз тогда Шестов с семьей после ряда переездов поселился в парижском предместье Булонь-сюр-Сен, в названной Стемповским рабочей квартире.

Для Ежи Стемповского Лев Шестов был прежде всего «человеком литературы», то есть идеальным собеседником, товарищем в разговорах. Завзятым читателем и знатоком литературы, свободно вплетающим в свои высказывания цитаты из Плотина, Тертуллиана, Шекспира, Достоевского и прочих мыслителей и писателей, которые оживали в работах Шестова, идя об руку с течением его мысли, рождающейся в «трагическом напряжении».

Стемповский пробует разъяснить природу этого «трагического напряжения», присутствующего в мышлении Шестова, напоминая об одном своем посещении квартиры Шестова в Булони-на-Сене: «Однажды, например, он прочел мне извлечение из старых воспоминаний, где было описано гала-представление в одном лондонском театре в присутствии королевы Виктории. В ложу, писал мемуарист, вошла королева Виктория в сопровождении шести придворных дам. Садясь дамы предусмотрительно поглядели себе за спину, чтобы проверить, стоят ли кресла на своих местах. Только королева уселась величественно, не оглядываясь назад. «Обратите внимание, — говорил Шестов, — на разницу логик. Придворные дамы рассуждают, как все смертные: есть кресло, следовательно я могу в него сесть. Королева рассуждает наоборот: сажусь, следовательно на этом месте должно быть кресло. Так что мы не всегда подчинены общепринятым правилам логики. Есть надежда вырваться из их принуждения»».

Смысл этого фрагмента открывается в заглавии одного из сочинений Шестова, «Апофеоза беспочвенности», который, по мнению Сергея Булгакова, был основополагающим манифестом Шестова. Этот манифест возвращался как рефрен, приобретая форму различных суждений в работах философа. В письмах друзьям он иногда служил орудием полемики, например в переписке с Бердяевым. В одном письме Бердяеву Шестов писал: ««Единство» истины — один из таких идолов. Кажется, и говорят так все, что «единство» положит конец «вражде» и начнет эру «любви», на самом деле наоборот: ничто не приносит миру столько вражды, и самой ожесточенной, сколько идея единства» (Париж, 1924).

Быть может, поэтому — на что обращает внимание в «Воспоминаниях о Шестове» Ежи Стемповский — философ часто заводил своих собеседников на распутья. Он стремился направить на другие рельсы их ход рассуждения, застывший в общепринятых мыслительных схемах, неспособный на импровизацию.

К подобным экспериментальным ходам мысли прибегал и сам Стемповский. Об этом вспоминала Галина Мицинская-Кенерова. Вместе с эссеистом она принимала участие в дискуссиях в «Домике в Коломне» на Хотимской улице в Варшаве, организованных Дмитрием Философовым, который эмигрировал из России после большевицкой революции: «Я уже не припомню, какова была тема доклада Философова, знаю только, что доклад был затянутый и «мутный», как заявили молодые философы, и в нем обильно цитировались отцы Церкви. А при обсуждении пан Ежи с тонкой иронией предостерег докладчика от этих цитат, ибо, как он сказал, в ста с лишним томах западных и восточных отцов в издании Миня нетрудно найти и поддержку противоположного тезиса».

В воспоминаниях об авторе «Апофеоза беспочвенности» Стемповский упоминает также об их общем визите к Эмилю Мейерсону. Встреча произошла в Париже на рубеже 1930 и 1931 гг. Стемповский писал об этом в очерке «Воспоминания о Мейерсоне», напечатанном в «Вядомостях литерацких» 31 декабря 1933 года: «В начале декабря минувшего года скончался в Париже на 75-м году жизни Эмиль Мейерсон. Родившийся в Люблине, получивший образование в Германии, Мейерсон осел в Париже, где прожил почти пятьдесят лет, принимая участие во всех тамошних философских кружках и дискуссиях. За свою долгую жизнь Мейерсон нигде не преподавал и почти ничего не писал. Главным предметом его интересов было функционирование научной мысли, ее оттенки и внутренние конфликты».

Кроме подробного описания квартиры Мейерсона на площади Альма, устройство и меблировка которой, казалось, передавали состояние ума ее жителя, Стемповский приводит подробности разговора двух философов, посвященного нелегким попыткам выхода из молчания: «Мейерсон спросил Шестова, в каком возрасте он начал писать. Тогда Шестов рассказал, что на тридцатом году жизни побудило его писать, и его рассказ ознакомил нас также с одним из самых драматических и странных приключений мысли».

Можно предположить, что стимулом для того, чтобы заняться писательством, стало для автора «Афин и Иерусалима» чтение «Гамлета» Шекспира, которого Шестов назвал своим первым учителем философии: «От него я услышал столь загадочное и непостижимое, а вместе с тем столь грозное и тревожное: время вышло из своей колеи» (Памяти великого философа. Эдмунд Гуссерль // Умозрение и откровение. Париж: YMCA-Press, 1964).

В 1895 г. Шестов написал свою первую статью о литературе и философии «Георг Брандес о Гамлете». А в 1897 г. закончил книгу «Шекспир и его критик Брандес», о которой позже говорил Бенжамену Фондану: «В моей книге «Шекспир и его критик Брандес» я еще стоял на точке зрения морали, которую оставил несколько времени спустя... Вы помните строки: «Время вышло из своей колеи». Я тогда пытался вставить время обратно в колею. Только позже я понял, что надлежит оставить время вне колеи. Пусть оно разлетится в куски. Не стоит говорить, что в этом меня надоумил не Брандес, он был далек от такой проблемы... Для Брандеса трагедия Шекспира была развлечением, наслаждением искусством» (Benjamin Fondane. Rencontres avec Léon Chestov. Paris, 1982. [Рус. перевод приводится по кн.: Наталья Баранова-Шестова. Жизнь Льва Шестова. По переписке и воспоминаниям современников. Т.1. Париж: La Presse Libre, 1983].

Мартин Войцеховский

ПОЛЬША — РОССИЯ: НЕ ТОЛЬКО В ТЕНИ СМОЛЕНСКА

Всё неплохо, но любви не будет

У нас разные стратегические интересы. Мы заинтересованы вовлечь Украину, Молдавию и Белоруссию в Европу, Москва же — удержать их в своей сфере влияния.

Можно было предвидеть, что российское предложение о строительстве нового газопровода через Польшу вызовет у нас разнообразные отклики — от изумления и дезориентации до протеста. Однако есть смысл добросовестно изучить эту оферту и выбрать самое выгодное для Польши решение. Напомним, что на протяжении многих лет именно Варшава морочила голову Москве, что та в 90-х годах обязалась проложить через Польшу две нитки Ямальского газопровода, из которых построили только одну. Польша прибегала к этой аргументации с целью заблокировать «Северный поток», — что не удалось. И заблокировать прочие транзитные связи [России] с Западом, минующие нашу страну, — что также не привело к успеху. Долгие годы Россия оставалась глухой к нашим призывам по поводу «Ямала-2». Что же произошло такое, из-за чего она сейчас изменила тактику? Все аргументы, которые прозвучали в последние дни, в какой-то степени справедливы. «Газпром» действительно испытывает трудности, так как спрос на российский газ в Европе ослабевает, а после увеличения добычи сланцевого газа позиция российского монополиста станет еще хуже. Россия заинтересована в маргинализации Украины и значения транзитных трубопроводов, проходящих через эту страну. Отсюда и идея о прокладке «Северного потока», «Южного потока», а теперь еще и труб*ы* через Польшу. Однако отказ от строительства *перемычки* (по-русски в оригинале. — *Ред.*) через Польшу ни в коей мере не затормозил дальнейших российских попыток энергетического обхода Украины.

Быть может, речь идет теперь о стремлении Москвы провести тест, готова ли правящая в Польше коалиция принять крупное экономическое предложение от России или же всё по-прежнему остается без перемен, иными словами, в соответствии с принципом: с Москвою мы стратегическими операциями не занимаемся. Из-за этого в последние годы провалились проекты возведения атомной электростанции в Калининграде, прошлогодней приватизации российским капиталом «Лотоса» [польской финансовой группы, которая ведет в основном разведку, добычу и переработку нефти] или тарнувских «Азотов». Все эти сделки были рискованными и неоднозначными, но отвергли их главным образом по причине скрывающегося за ними политического риска: как бы Москва не использовала бизнес для давления на Варшаву.

Оценкой российского предложения по вопросу нового газопровода должны заняться эксперты и политики. Необходимо всё тщательно исследовать и принять решение в соответствии с польскими государственными интересами, в которые входит и наша лояльность к Украине и ее привлечению в ЕС. Важно, однако, отметить, что еще несколько лет назад выдвижение Россией Польше подобного предложения было бы совершенно немыслимым. Это и есть реальное мерило нормализации польско-российских взаимоотношений с конца 2007 г. благодаря приходу к власти коалиции «Гражданской платформы» и крестьянской партии ПСЛ.

Эти взаимоотношения не идеальны и, видимо, никогда таковыми не будут по очень многим причинам.

У нас разные стратегические интересы, особенно в кругу наших близких соседей. Мы заинтересованы вовлечь Украину, Молдавию и Белоруссию в Европу, Москва же — удержать их в своей сфере влияния.

Мы продвигаем демократию и верим в нее, Россия считает демократию пустым словом.

Мы боимся коррупции, которая разрушает государство, а Москва де-факто превратила ее в фундамент своего государства и способ удовлетворения потребностей его верхов.

Мы верим в мирное международное сотрудничество и взаимопонимание, а Россия по геополитическим соображениям поддерживает такие страны, как Иран, Сирия, Северная Корея. Этим объясняется, почему польско-российские отношения могут быть в лучшем случае корректными, но не идеальными. Кстати говоря, обе стороны прекрасно отдают себе в этом отчет и уже несколько лет последовательно стремятся к тому, чтобы только не становилось хуже, — пока с успехом.

Это нелегко из-за разногласий вокруг Смоленска, из-за скандалов по этому делу в Польше и из-за недостатка или даже отсутствия с российской стороны воли к сотрудничеству в отдельных вопросах. Это нелегко ввиду негативных процессов идущих в самой России, которую всё труднее назвать даже фасадной демократией — для нее всё больше подходит термин «авторитарная система».

Принимая во внимание трудный контекст наших взаимоотношений, следует поэтому ценить последнее предложение Москвы, но это, однако, не означает, что его нужно принять. У России всё более слабые отношения со всем Евросоюзом и США. Уже нет демонстративного взаимного воркования между Москвой и Берлином, Римом или Парижем. Перезагрузка на линии Москва—Вашингтон — это мелодия прошлого. Поддерживая корректные, хотя и отнюдь не горячие отношения с Россией, мы располагаемся на среднем евросоюзном уровне или даже несколько выше. А это как раз то, что требуется.

gazeta WYBORCZA

Мартин Войцеховский — вице-президент Фонда международной солидарности. Несколько лет был корреспондентом «Газеты выборчей» в Москве.

Агнешка Лесяк

МЕЖДУ ПОЛЯКОМ И НЕМЦЕМ

Земли по ту сторону границы, неподалеку от Щецина, издавна слыли самыми бедными областями Германии. Император Вильгельм I шутил, что когда придет конец света, то на Переднем Поморье он наступит... с опозданием на сто лет. По мнению современных немецких политиков, если бы не поляки, весь Бранденбург следовало бы объявить национальным парком.

В то же время почти на границе с Германией расположен Щецин с 400-тысячным населением. От деревень на немецкой стороне, таких как Розов или Тантов, до центра города меньше 20 километров, а благодаря дорогам, не уступающим по качеству автострадам, до центра из Германии доезжаешь быстрее, чем из многих правобережных районов.

— Мы едем 15 минут, — говорят Радослав и Доминика Попели из Розова.

— Выходим из дому и через полчаса, миновав три светофора, уже на работе, — добавляют Бартош и Данута Вуйцики из Швенненца.

— У меня фирма в Полице, километров пятьдесят, по нынешним временам это рядом, — считает Габриэля Карп, которая продает дом в Щецине и перебирается с младшим сыном на другую сторону.

■ Сынок, что ты делаешь?!

Радослав Попеля был в Варшаве генеральным секретарем Демократической партии. На уик-энды ездил в Щецин к жене и сыну. Он чувствовал, что такая жизнь, по большому счету, семье не на пользу. Когда после Кайтека родился Франек, в двухкомнатной квартире стало тесно, а цены на недвижимость по всей Польше как раз начали расти.

— Когда я сказал маме, что хочу обосноваться в Германии, она вся побледнела. Воскликнула: «Сынок, что ты делаешь!», — вспоминает Попеля. — Наши деды с немцами воевали, родители за границей ни разу не были, а мы сегодня живем в Германии.

— Наше детство прошло под знаком Второй Мировой войны, но действительность, которую мы здесь застали, оказалась намного приятнее. В Германии «Heimat», малая родина, — это совсем иное, нежели та большая — «Vaterland». Сегодня для меня «Heimat» по обеим сторонам границы, я не ощущаю этого перехода, — добавляет Богдан Кубицкий, стоматолог с практикой в Щецине, живущий в Тантове с семьей, в которой представлены два поколения.

В их рассказах повторяется мотив страха. Страха тех, кто остался в Польше. Когда Дана и Бартош показывали знакомым отремонтированный дом, некоторые, входя к ним, говорили: «Ну, хорошо смотрится, и вы, наверное, уже не боитесь...».

— Я теперь отвечаю, что не боюсь, но сплю с пистолетом под подушкой, — говорит Богдан Кубицкий.

Старший сын Радека Попели, Кайтек, у которого, кроме брата Франека, уже в Германии родилась сестра Костка, в первый раз пошел в немецкий детский сад 1 сентября, в 70-ю годовщину начала Второй Мировой войны. В обеих странах шла дискуссия об исторической политике.

— А мы отвели польского ребенка, не знавшего по-немецки ни слова, в немецкий детский сад! Кайтек вернулся и говорит: «Мама, одного мальчика зовут так же, как нашего Франека, только говорится немного по-другому», — вспоминает Радек. Попели еще два месяца держали место в детском саду в Щецине, но оно не понадобилось. Их родителей в отремонтированном доме в Розове приветствовал многолетний бургомистр округа Карл Лау, семья которого живет в этой местности по меньшей мере с 1690 года. Он привел их в церковь, которая после реставрации за счет фондов Евросоюза выполняет одновременно функции евангелического храма и центра памяти под названием «Церковь памяти

— Немецко-польский памятник беженства, изгнания и нового начала». Здесь впервые был показан документальный фильм Михала и Павла Куликов «Рассеяние» о поляках и немцах, живущих поблизости. В скором времени здесь раз в неделю будут проводиться и католические мессы. В тот день Попеля и Лау поднялись на стальную церковную башню, которой местные жители очень гордятся. Со смотровой площадки они вместе оглядели окрестности.

■ Вместо ипотечного кредита

Поляки переселяются за немецкую границу примерно с 2007 года. Большинство из них работает или имеет фирмы в Польше. Это предприниматели, люди свободных профессий, но также и рабочие с электростанции «Нижняя Одра» и химического завода «Полице», семьи польских строителей с крупных строек Берлина. Всё решают цены. В 2007 г. Богдан Кубицкий купил большой дом за цену студии в Щецине. Разница в ценах до сих пор очень привлекает, что лучше других знают Попели. Сегодня Радослав и Доминика руководят агентством недвижимости: «Мы открыли бизнес спонтанно. После нашего переезда поляки все время спрашивали об организационных вопросах, а немцы — не знаем ли мы кого-нибудь в Польше, кто купил бы их недвижимость».

Радослав подсчитывает: за 50-метровую квартиру в Щецине нужно заплатить 300-350 тыс. злотых. За половину этой суммы можно получить в Германии 60-метровую супер-квартиру, уже с отделкой, готовую к заселению.

Габриэля Карп упоминает, что землю за границей разделяет автострада на Берлин; к югу от нее живут поселившиеся здесь с незапамятных времен крестьяне, а на северной стороне часто встречаются люди, переселенные из бывшей Восточной Пруссии, окрестностей Гданьска, Щецина.

— В нашей деревне много переселенцев из близлежащих местностей. Они переехали недалеко, надеясь, что смогут вернуться. Мы купили дом у женщины, мать которой после войны бежала из Щецина, — говорят Вуйцики. Оба они работают в обществе «Место искусства ОФФис». В разговоре они упоминают американского профессора, изучающего трансграничные процессы. Збигнев Антоний Крушевский, политолог из университета в Эль-Пасо, в прошлом участник Варшавского восстания, был в этих краях до 2004 г., то есть до нашего вступления в Евросоюз, и потом снова, три года тому назад. Он уезжал, удивленный тем, что люди, когда-то жестоко воевавшие друг с другом, вместе играют в волейбол, обмениваются интересными экземплярами садовых цветов, а их дети вместе ходят в школу. Он признал это польско-немецкое сосуществование феноменом мирового значения.

— Мы находим общий язык, хотя с обеих сторон можно было бы ожидать целой массы стереотипов, предрассудков, запутанных семейных историй. Не было уверенности, что все сложится идеально. Здесь видишь, что человечество не так уж плохо, — говорит Бартош Вуйцик. — Мы ощущаем сердечность, открытость, тепло, — добавляет его жена. — У нас есть ощущение, что мы в безопасности, что нас здесь приняли.

— Мы задумываемся вот над чем: если бы во время войны на их месте оказались мы, хватило бы нам смелости поступать не как все, выражать протест. В экстремальных ситуациях у людей проявляются плохие черты, а в обычной, повседневной жизни на первый план выходят положительные стороны, — считают Вуйцики.

■ Новая жизнь старых домов

— Название нашей улицы происходит от кузницы, — говорят Радослав и Доминика. И теперь еще, работая в саду, можно наткнуться на подкову. Попели живут в стильно отремонтированном доме. На первом этаже офис, где их агентство принимает клиентов.

— Дом был красивый, но, когда мы начали ремонт, всё рассыпалось. Остались стены, крыша, балки, всё остальное поставили заново, — вспоминает Доминика. Перестройка продолжалась больше двух лет. Полтора года ремонтировали сами по проекту брата Доминики, архитектора. — Мы очень гордимся: где-то криво, где-то что-то не получилось, но это наше, сделано своими руками, — рассказывают они.

В саду у них старое грушевое дерево, в дополнение к которому посажены молодые фруктовые деревца, есть грядки с овощами, цветник. Если им станет тесно, за домом ждет переоборудования 300-метровый столярный цех, построенный в индустриальном стиле. В нем уже вставлены новые окна, починена крыша...

Их будущий дом был в 600 метрах напрямую от границы, на размышление им хватило недели.

Дана и Бартош обозначили точку в центре Щецина и описывали круги. Километр, два, шесть — в каждую сторону. Осмотрели домов сто. Их дом стоит на пригорке — и в деревне, и в то же время вокруг свободно.

— Он стоял пустой. Мы по меньшей мере три раза вешали объявление «Охотно куплю!», но никто не отзывался, — вспоминают они. Хозяйка позвонила, когда они уже торговались на предмет покупки другого дома.

— Нас радовало, что он был в хорошем состоянии и без мебели — последняя владелица, мать-одиночка с четырьмя детьми, переехала со всем имуществом в более крупный город. В других домах лежала одежда, на столах стояли чашки. Такие дома сначала нужно освободить, а вывоз вещей в Германии стоит безумных денег. Вот мы и почувствовали себя в этом пустом интерьере такими свободными, хотя бы от решений: оставить, не оставить, хорошее, нехорошее, — говорят они. В деревне Даны и Бартека есть церковь и магазин. Лекарства привозят на дом бесплатно, как почту. А корреспонденцию отправляют в магазине. Соседи были по отношению к ним любопытны, но не навязчивы. — Нетрудно догадаться, что мы здесь предмет для обсуждения. Сантехник, который помогает нам с масляной печью, состоит еще в обществе рыболовов в одной из соседних деревень. Говорит, что недавно нас хвалили за то, что мы вовремя убираем все эти сорняки вдоль дороги, полоть которые входит в обязанность жителей. Сблизиться помогла... кошка. Она родилась 12 лет тому назад в доме Вуйциков, хозяйка бросила ее, и кошка так и бродила по деревне. Окрестные бабушки подкармливали ее, но она одичала.

Отец Бартоша, прораб на стройке, подбрасывал ей сырые куриные грудки. Прошел год, пока кошка осмелилась вновь войти в дом, где родилась. Соседи говорили им: «Это же Сузи, она здесь росла вместе с детьми».

— Пожалуй, это кошка впустила нас к себе, а не мы кошку, — смеются Вуйцики.

Соседи — это еще и кладезь полезной информации. Когда у Вуйциков не действовал колодец, они услышали: «А насчет воды спросите у господина, что живет вон там. Ведь это он ее проводил, да и вообще строил верхнюю часть вашего дома». Господин оказался отцом одного из детей бывшей владелицы и действительно всё знал об этом хозяйстве.

Радек и Доминика в нагрузку к дому получили бабушку:

— Слева от входа в наш офис живет дочь столяра, которому принадлежал этот дом. После встречи с госпожой Таберт мы решили, что если она не хочет выезжать, то может остаться. Ее площадь мы сдаем ей за символическую плату. Она здесь родилась, ей уже за семьдесят... Мы сочли, что нам хватит 200 квадратных метров. Общий язык с ней мы находим, ее навещают сестры. Когда при первом визите мы впервые сидели вместе за чашкой кофе, то и они, и мы нервничали. Понятно, что им тяжело: они здесь жили. Но получилось очень славно: они благодарны, что мы спасли их семейный дом, который уже разваливался. Им понравилось, что всё действует, живет, что сад ухожен, что мы вложили столько труда. Я чувствовал доброжелательность, — вспоминает Радослав.

■ Чисто, потому что все убирают

Поляки в восторге от немецких деревень: здесь всё функционирует, как часы. Когда идет снег, его убирают с улиц, решаются все административные проблемы. Местные дороги узкие, но асфальт как на автостраде. В учреждения, банки, медицинские центры принимают на работу сотрудников, говорящих по-польски, чтобы облегчить новым жителям общение.

— Мы переехали из многоквартирного дома в центре города, для нас обычаи локальной общины были чем-то новым не потому, что это немецкая община, а потому, что это совсем другая жизнь. Хотя бы радушие при первом контакте, может и внешнее, но оно есть — все друг с другом здорова-

ются. И на улице, и в учреждениях люди любезны друг с другом. Обслуживание в здешних сельских ведомствах персональное, очередь бывает редко, хотя посетителей там принимают всего три дня в неделю, ну и обеденный перерыв с 12 до 14 часов — это святое. В это время всё закрывается, в том числе банки и магазины, а немцы идут на обед, — рассказывают Вуйцики.

У Габриэли Карп фирма по производству профессиональных препаратов для ногтевой стилистики. В Розове она купила не работавший сельский трактир. Теперь перестраивает его в пансионат с бальным залом, 50-метровым салоном с двумя каминами и номерами наверху. Мимо ее дома будет проходить международная велосипедная трасса с юга на север Германии.

— В уик-энды из окна нам видны толпы туристов, — добавляют Дана и Бартош. Мы были на Бомхольме, и он нас разочаровал, у нас красивее. С нашей террасы открывается прекрасный вид.

Эта красота — не только заслуга матери-природы. Весной все жители собираются, чтобы прополоть скверы, подрезать кустарник. Они заботятся об общественном, как о своем.

— Здесь такой порядок, — делятся Вуйцики, — всё, что на частной территории видно снаружи, должно быть опрятным. Не как в Польше: у себя дома что хочу, то и ворочу. Мы пропалываем сорняки при нашем участке дороги, с кладбища идут старушки и говорят: «Как много вы работаете», — а мы в ответ: «Ну да, для нас это тяжело, мы ведь каждый день допоздна на работе», — а они: «Но это всего часика три в день, и вы справитесь». Никто нам ничего не скажет, если немного запоздаем, но нас совесть мучает, вот и беремся за грабли.

В историях поляков постоянно появляются немецкие пенсионеры. Молодежь просто уехала отсюда.

— Молодая женщина, да еще с ребенком, — это, скорее всего, полька, — замечает Габриэля Карп. Именно благодаря польским детям перестали закрываться школы и детские сады. Поляки уже основывают небольшие фирмы, действующие по обе стороны границы, и начинают давать работу немцам. Некоторые немецкие учреждения не существовали бы без жителей-поляков, взять хотя бы больницу в Пазевальке.

Вероятно, через какое-то время в приграничной полосе поляки станут большинством. Пока в Бранденбурге и соседнем Мекленбурге их живет более 30 тысяч.

■ Превратятся ли они в немцев?

Дед Даны Вуйцик был немцем.

— Как я могу сказать, что эти люди мне чужды, враждебны, что я их боюсь? Мне трудно видеть и воспринимать этот мир разделенным.

— Когда едешь из Польши в нашу деревню, географической границы уже не существует, — добавляет Попеля. — Для многих есть еще граница в сознании, но не для нас. Наши сыновья, когда мы поехали в отпуск, первую границу увидели в Хорватии. Они с женой мечтают, чтобы Кайтек и Франек получили высшее образование в Берлине, который от Розова отделяют сто километров.

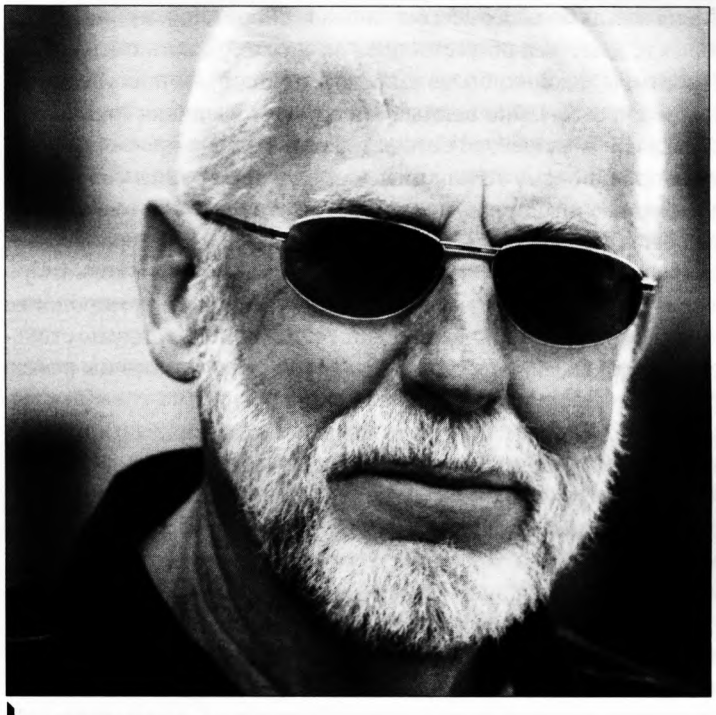
— Я перешел на немецкий хлеб, он хороший, долго не черствеет, — говорит Попеля. Продукты он закупает в Польше, к врачу ходит в Германии. Сладости — немецкие, потому что они лучше, алкоголь тоже, потому что дешевле, овощи в Щецине. Забавно, что поляки ездят в немецкие торговые центры, а немцы — в польские.

Когда я спрашиваю Радослава Попелю, не жаль ли ему политической карьеры в Варшаве, он отвечает, что в будущем он наверняка станет здесь первым польским бургомистром, будут и польские члены местного совета. Немцы этого не боятся, так как у них есть положительный опыт на немецко-французской границе. Они уже однажды пережили такое проникновение.

— Там живут точно такие же люди, как и везде в мире, и у них точно такие же проблемы — с любовью, деньгами, амбициями, фрустрацией, отсутствием перспектив. Живут в достатке, не бедствуют. Никто не мерзнет и на голову никому не капает, а значит безопасно, — говорит Габриэла Карп. Да и у полек, живущих в многоквартирных домах в Лёкнице, по пятеро детей. Кто мог такое предвидеть!

«С КАЖДЫМ ДНЕМ МЕНЯЕТСЯ НАШЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЕ О ПРОШЛОМ»

С профессором германистики Губертом Орловским беседует Лукаш Мусял



Губерт Орловский

— Я помню, господин профессор, что на письменном столе в вашем кабинете, когда вы еще работали в познанском Институте германской филологии, стояла репродукция акварели Пауля Клее «Angelus novus». Почему?

— Меня не столько интересовала сама акварель, сколько ее истолкование, которое сделал несколько позднее Вальтер Беньямин. По сей день оно не оставляет меня равнодушным.

— Это истолкование повествует об ангеле, выглядящем так, «словно он готовится расстаться с чем-то, на что пристально смотрит. Глаза его широко раскрыты, рот округлен, а крылья расправлены. Так должен выглядеть ангел истории. Его лик обращен к прошлому. Там, где для нас — цепочка предстоящих событий, там он видит сплошную катастрофу, непрестанно громоздящую руины над руинами и сваливающую всё это к его ногам. Он бы и остался, чтобы поднять мертвых и слепить обломки. Но шквальный ветер, несущийся из рая, наполняет его крылья с такой силой, что он уже не может их сложить. Ветер неудержимо несет его в будущее, к которому он обращен спиной, в то время как гора обломков перед ним поднимается к небу. То, что мы называем прогрессом, и есть этот шквал» (пер. с нем. Сергея Ромашко). Что вас, человека, называющегося себя иногда в шутку «человеком прозаическим», интригует в этом поэтическом образе?

— Меня интригует прошлое, меняющееся по мере того, как мы отдаляемся от него. Или по-другому: картины прошлого, настоящего и будущего, представленные одновременно, но именно этой своей одновременностью вызывающие беспокойство. Мы видим, что оставляет после себя история, но не знаем, что ждет нас в будущем. Более того, с каждым наступающим днем меняется и тот образ прошлого, каким мы его видим. С того момента, как я прочитал этот текст, а может даже еще раньше, во времена моего детства, — и осознаю я это лишь теперь — я начал думать о литературе, художественной литературе как о скупом фрагменте большого мира смыслов, создававшихся некогда, в прошлом, людьми, обществами, человечеством. Я полностью разделяю мнение Беньямина: наш взгляд на прошлое меняется (Беньямин даже употребил в другом месте не слишком модное сегодня слово

«диалектический» взгляд): оценивая прошлое, мы постоянно пересматриваем нашу точку зрения.

В определенном смысле Вальтер Беньямин не сказал ничего нового. Иными словами, он лишь выразил то, что ранее отметил Кант, — что не существует познания вне времени и пространства. Об этом говорит, впрочем, и название тридцатого тома «Познанской немецкой библиотеки», в редактировании которой я принимаю участие: «В пространстве мы читаем время» (автор труда — Карл Шлёгель). Не существует познания вне времени и пространства — таким образом, каждое новое познание совершается в новом культурном пространстве, в новом мире знаков и хотя бы уже по этой причине оно всегда будет отличаться от более ранних.

— Интересно, что Беньямин сводит прошлое к руинам — на них-то и взирает Ангел Истории. Что представляют собой эти руины? И что вы, исследователь прошлого, ищете в них?

— Что ищу? Не отвечу напрямик. Меня всегда большее всего волновал вопрос «почему?». Почему человек — человек как личность, но прежде всего как общественная личность, то есть такая, самосознание которой формируется, в частности, и какой-то более широкой группой, — поступает так, а не иначе? Я считаю, что литература — это чрезвычайно ценный инструмент познания группового самосознания, поэтому нашей главной задачей — нашей, то есть литературоведов и прочих гуманитариев, — стала попытка дать ответ на вопрос, почему те или иные социальные группы совершали в прошлом то, что совершали. В этот момент возникает, разумеется, множество дополнительных вопросов, без которых первый вопрос был бы общим, причем банальным. Итак, для примера: в какой мере мы можем считать себя хозяевами нашей индивидуальной и коллективной жизни, коль скоро в исторических процессах столь значительную роль играет случай (или, обращаясь к терминологии Ричарда Рорти, контингенция)? При этом, говоря об исторических процессах, я имею в виду не столько политическую или экономическую историю, сколько то, что создаёт ментальные матрицы в виде религиозных и интеллектуальных убеждений, в виде матриц самосознания и т.п.

Если исходить из моего личного опыта, то думаю, что, глядя на моё происхождение и социализацию, следовало бы говорить обо мне как о представителе своеобразного «меньшинства в меньшинстве». Правда, на первый взгляд могло бы показаться, что я отношусь к преобладающему большинству: я происхожу из семьи безусловно католической, с родословной, которую я проследил (во всяком случае в Вармии) от начала XVIII века. Таким образом, мое происхождение — этнически польское. Добавьте к этому вероисповедание, повлиявшее на весь мой облик, — в данном случае со всей определённостью католичество. Чего еще желать, чтобы заслужить звание представителя большинства? Однако если присмотреться повнимательнее, то окажется, что вармийское католичество было католичеством диаспоры, сравнительно немногочисленной, погруженной в море немецкой этнической стихии. Последняя же по сути была в основном евангелической, или если точнее — лютеранской. И в качестве таковой оказывала значительное влияние на форму вармийского католичества. Я иногда в шутливой форме привожу это к некоей упрощенной формуле: когда житель Мазовии или Галиции отправлялся паломником в Ченстохову, то возносил молитвы Деве Марии с просьбой отремонтировать ему испорченную крышу. А житель Вармии просто ставил стремянку и, не обращаясь к сверхъестественным силам, делал это сам. Итак: да, католичество, но несколько иного рода. Впрочем, и польскость иная, если рядом с нами, в нашей деревне, жили немцы — лютеране и католики. Так что наша жизнь была, уже хотя бы по этой причине, жизнью на пограничье, жизнью меньшинства среди других меньшинств.

Такая ситуация научила меня одному: не доверять обобщениям, не доверять слову. Разумеется, с одной стороны, я ценю его весомость (ведь именно отсюда взялся мой позднейший интерес к исторической семантике или долговременным стереотипам), однако с другой — я всегда чутко реагировал на фальшь, которая может в нем содержаться и часто опирается как раз на распространенные обобщающие суждения, на коллективные ментальные матрицы. Эту фальшь я ощущаю, вижу так четко именно потому, что сам происхожу из культурного пограничья, где почти каждый был «меньшинством в меньшинстве», то есть кем-то, кто всегда был немного аутсайдером, чей взгляд как на немецкие, так и на польские дела всегда был «чужим». Видите ли, «Познанская немецкая библиотека», в редактировании которой я участвую, была бы совершенно иной, если бы я был родом, например, из

Чехии. Конечно, ее название, «Познанская немецкая библиотека, а не, скажем, «Польская немецкая библиотека, — это некий маркетинговый прием, некий реверанс городу, в котором я жил, учился в вузе, работал и работаю. Но ведь, задумывая ее, я исходил также из того, что существует некто еще, кто как «виртуальный житель Познани» трезвее и рациональней видит немцев и немецкие дела, без излишней эмоциональности.

— Иными словами, житель Вармии открыл для себя в жителе Познани братскую душу.

— Да, потому что невозможно скрыть, что всё это так или иначе находит отражение в моем личном сентиментальном чувстве, которое приобретает подчас чуть ли не анекдотическое свойство. Когда я обращаюсь к таким сюжетам, то вспоминаю, например, что в наших вармийских, чрезвычайно скромных, домашних библиотечках книжек было очень мало. Причина проста: у нас в Вармии не было своей интеллигенции. Слой интеллигенции составляли священники и монахини, но они не сумели создать вокруг себя такую интеллектуальную ауру, какая царила, например, в домах немецких пасторов. Поэтому и не происходило (вос)производства вармийского культурного капитала. Но весьма интересно, что среди тех немногочисленных книг, которыми мы располагали дома, многие были изданы именно в Познани, тамошним Издательством Св. Войцеха. Это были мои первые встречи с польскими книгами, еще в те времена, когда я учился в немецкой школе (1944).

— Вы рассказываете с такой широтой, с таким характерным «орлиным» блеском в глазах о переплетении корней своего вармийского самосознания, хотя наверное с подобным самосознанием, немного «размытым», немного «подозрительным», нелегко жилось после войны, когда многокультурность еще не была в моде?

— Такая ситуация несомненно вынуждала постоянно делать выбор, который другим, рожденным где-то в «этнически польской» Мазовии или где-нибудь под Радомом, наверняка делать не приходилось. Между тем мое самосознание формировалось как производное определенного выбора, который, безусловно, происходил с помощью культуры, понимаемой как мир смыслов и знаков. На этом я был помешан и, наверное, помешан по-прежнему: мир для меня существует главным образом через тексты. Правда, они представляют собой переход к реальному миру, но все же первичны они. Конечно, миры эти бывали разными, однако два из них были особенно важными: польский «мир текстов», как бы сказал Рышард Ныч, мир Вармии до 1945 г. и более поздний, и мир немецких текстов. Что касается этого второго, тут дело вновь приобретает признак почти анекдотический. В то время, сразу после войны, я был «мародером» (кстати, мародерство — это огромное явление, о котором стоило бы написать целый роман. Что такое было мародерство? Как оно меняло людей?), я похищал книги. Вокруг полно красноармейцев, которые бегали, кричали, ездили на санях и на машинах, пили, насиловали, а я, восьмилетний подросток, прокрадывался в немецкую лесную сторожку, где надеялся найти немецкие книги.

И в своих расчетах я не ошибся: книги там действительно были. Я также отправлялся по железной дороге в свою «родовую» деревню Большая Пурда, чтобы привезти оттуда толстенные подшивки «Газеты ольштынской» конца XIX века, которые нашел в библиотеке моего деда. Хотя бы вот так я постоянно делал выбор.

Но пойдем дальше: в гимназии у меня немецкий язык не преподавали. Вступительный письменный экзамен в вуз я, правда, сдал, но слабо, на тройку с минусом. Так у меня же на протяжении семи лет, с конца войны и до 1952 года, не было живого контакта с этим языком! И я ограничивался лишь пассивным чтением — энциклопедии Брокгауза или романов Карла Мая. Я читал также много книг, издававшихся во времена Третьего Рейха, которые я, надо понимать, стащил. Еще и сейчас в моем собрании есть изумительные образцы печати того времени. Вы сами понимаете, что немецкая культура не была для меня тогда культурой «высокой». Ибо мои первые с ней контакты происходили не в стерильной академической обстановке, а среди случайно найденных газет, брошюр, идеологических пропагандистских изданий, книг про индейцев, то есть благодаря этому богатейшему космосу раздобытых после войны «обрывков текстов», которые, я думаю, доставили бы большую радость и самому Беньямину.

— Я вот думаю, зачем всё это было нужно вам, в то время подростку, у которого за плечами было столько болезненных переживаний, связанных с войной? Откуда возник у вас интерес к

языку, культуре, истории своих, как бы то ни было, мучителей? Откуда позднее — уже в связи с занятиями германистикой — произошло возвращение к тому, что неизбежно должно было быть связано с воспоминанием о боли и страданиях? С разными травмами, о которых вы пишете хотя бы в своей книге «Вармия издалека»?

— Когда я обо всем этом размышляю, то пытаюсь понять, когда, собственно, я начал осознавать все ужасы войны. На протяжении очень долгого времени мне казалось, что жестокость, страдание и смерть — это нечто очевидное. Что вот так просто это и должно быть. Что и дядя должен был погибнуть, и отец тоже. Впрочем, прежде чем это произошло, мой отец в течение нескольких недель возил в Ольштын советских офицеров, с которыми у него сложились хорошие отношения. Причем несмотря на то что до этого красноармейцы забрали у нас пару великолепных коней, закололи всех свиней, а зерно пустили на производство водки (к счастью, мать избежала насилия, хотя она была в то время еще молодой женщиной; в нее влюбился, платонически, русский повар, и он иногда подбрасывал нам кое-что из еды). Однако потом в окрестностях появились энкаведешники, которые забрали из нашей и из окрестных деревень около тридцати мужчин. Дядя умер от голода и истощения еще на этапе, а отец немного позже, в лагере под Харьковом. Для меня, в то время восьмилетнего мальчишки, это было в каком-то смысле обычным делом: когда приходит враг, то он убивает, насилует, грабит.

А кроме того... я вовсе не хотел изучать германистику. Я тогда думал, что выбрать: полонистику или право. Право — в связи с моим интересом к криминалистике и вообще в связи с интересовавшим меня вопросом «почему?». Почему человек, почему группа людей совершает то или это? Вынужденно? Обязательно ли это? Сколько в их действиях свободной воли, а сколько подчинения «впечатанным» в их сознание ментальным матрицам. Это интереснейший вопрос, на который, к сожалению, удивительно редко обращают внимание. А ведь чтобы выжить, человеку требуется не только тепло, еда, крыша над головой, но также смысл. Возможности у него, как мне кажется, тогда две: или «Sinnfindung» (нахождение смысла) или «Sinnsuche» (поиски смысла). Первое предполагает, что человек находит какой-то смысл, чаще всего в больших нарративах, например, религиозных. И такая ситуация очень удобна. Но что делать человеку, который не может найти никакого смысла в существующих мировоззренческих или идеологических текстах? Тогда, наверное, ему надо попытаться отыскать его самостоятельно, хотя бы так, как это предлагал делать Альбер Камю. Виктор Франкл, австрийский еврей и психиатр, который выжил в Аушвице, написал в какой-то работе, что к тем влечениям, которые перечислял и описывал Фрейд, следовало бы добавить еще одно, весьма важное, а именно влечение к смыслу. У его истоков — тем самым мы возвращаемся к исходной точке — стоит вопрос «почему?». Почему этот «черный ящик», который зовется моим ближним, поступает таким, а не иным образом? В случае с немцами, представителями определенной общественной группы во время Второй Мировой войны, это особенно загадочный вопрос, и при этом он имеет колоссальное значение. Собственно он и привел меня к проекту «Познанской немецкой библиотеки», к этому своеобразному «лексикону немецкости». Согласен, лексикону субъективному, но ведь в этой интеллектуальной «игре» принимает участие множество людей, соглашаясь с предлагаемыми в ней правилами игры.

Мои коллеги всегда невероятно радуются, когда под конец своей профессиональной работы получают от своих учеников и сотрудников так называемую «книгу на память». А между тем у меня самая замечательная книга на память, какую только можно себе представить: расписанная на тридцать объемистых томов — и наверняка их будет еще больше. А какие авторы принимают участие в этом мероприятии! Ведь не только те, кто дает свои тексты, я назову лишь некоторых: Вальтер Беньямин, Готфрид Бенн, Норберт Элиас, — но и польские исследователи, выдающиеся специалисты в своей области, которые принимают участие в работе над этой «Библиотекой» в качестве редакторов отдельных томов, авторов предисловий и даже переводчиков. Все они, каждый в отдельности и вместе взятые, составляют тот обширный космос, каким является «Познанская немецкая библиотека», кладезь открытой немецкости.

— Нельзя не заметить, что в нашей беседе, мы все время находимся словно бы в орбите размышлений Беньямина...

— Безусловно, это так и есть, хотя нечего скрывать — этот амбициозный замысел Беньямина ни-

когда не дождется своей полноценной реализации, поскольку в конце концов всё, на что мы можем рассчитывать, — это фрагменты, обрывки целого, попытки, иногда более, иногда менее удачные. Наверняка было бы хорошо, если бы у нас в Польше появилось больше подобных проектов, пусть это будут «библиотеки» русская, украинская или французская. Особенно русская была бы для нас чрезвычайно важна, ибо она позволила бы нам — подобно тому, как «Познанская немецкая библиотека», — в какой-то степени дать новое определение нашей «польскости». Ведь как общество, как нация, мы идентифицируем себя не по сравнению с чехами, словаками или украинцами (к последним мы относимся просто, я бы сказал, утилитарно), а прежде всего по сравнению с немцами и с русскими. Наше отношение к ним можно было бы определить — что вполне правомерно отмечает в последнее время хотя бы философ Адам Хмелевский — как опасный микст из комплексов неполноценности и мании величия.

Весьма любопытно, что специалисты в области политической, то есть «событийной», истории — а таких у нас в Польше полным полно — как правило не замечают такого рода вопросов. Я называю их долговременными сенсациями. Примером этого — чтобы на какое-то мгновение покинуть поле наших локальных интересов — может послужить ситуация на Балканах. Инициированные там некогда разделы (во времена Марии-Терезии пограничные земли Габсбургской монархии заселили воинственными сербами, которые должны были противостоять туркам) в значительной степени функционируют по сей день, прочно войдя в существующие на этих землях ментальные матрицы. Но и в нашем обществе существуют, конечно же, определенные неменяющиеся принципы, постоянно действующие образцы поведения (которые не следует путать с национальным духом, ибо такового не существует), как например «код фольварка», «синдром фольварка».

Впрочем, в подобном духе высказывался Антоний Мончак, исследователь проблемы клиентелизма, который по-прежнему у нас распространен, являя собой один из важнейших образцов поведения, хотя бы в форме церковного клиентелизма. Разумеется, в случае с немцами мы тоже имеем дело с определенными принципами и ментальными матрицами. Но они приобрели форму, отличную от нашей, и осознанию этого должна послужить в частности, «Познанская немецкая библиотека». Она показывает, что в истории должны приниматься во внимание не только «событийность» и факты, но также и то, что происходит в головах людей. В частности, в одном из томов серии, получившем название «Sonderweg. Споры о «немецком особом пути»», ставилась задача наглядно осветить этот вопрос.

— На протяжении тринадцати лет существования ваш издательский проект прочно встал на ноги, недавно он дождался выхода уже тридцать первого тома. Вы хотели благодаря «Познанской немецкой библиотеке» «объяснить» полякам Германию?

— В таких вопросах я — лютеранин. Лютер сказал: «Даже если я знаю, что завтра мир разлетится на куски, я все равно посажу яблоню». Кто знает, может быть, этот проект и есть такая яблоня? С того времени, как он появился, я насчитал около сотни рецензий, но самое важное для нас даже не эти рецензии. Самое важное — ссылки и цитаты, а они в последнее время появляются всё чаще и чаще. Причем во всем этом важна не столько личная сатисфакция — важен тот факт, что в наш академический дискурс постепенно внедряется новый тип семантики, новый способ мышления. А это, естественно, находит отражение и в университетской педагогике. В библиографиях многих семинаров, которые проходят на исторических и политологических факультетах, уже появляются ссылки на публикации «Познанской немецкой библиотеки».

— Сегодня интерес в Польше к совместному польско-немецкому прошлому, к немецкой литературе, философии, социологии, искусству явно ослабевает. Вина ли в этом самой Германии, которая уже, возможно, не способна нас интеллектуально «соблазнять», или, может быть, прежняя парадигма взаимных отношений, которая давала столь великолепные плоды в дискуссиях 90-х годов, исчерпала себя?

— Формулировка «соседство обязывает» не утратила своего значения по сей день. Более того, по некоторым соображениям сегодня она гораздо важнее, нежели в 90-е годы. Линия политического водораздела была в то время в каком-то смысле более четкой: тут мы, там они. Между тем сегодняш-

няя ситуация выглядит значительно более неопределенной. По-прежнему некоторые политические партии пытаются поигрывать немецкой картой. Если один из высокопоставленных польских политиков говорит, что Северный газопровод означает повторение пакта Риббентропа—Молотова, то он использует формулировки, в которых немецкость (и российскость, кстати говоря, тоже) вновь оказываются синонимом зла. Иными словами, этот политик прибегает к инсинуации, давая понять, что Германия и Россия вместе способны лишь на козни, направленные, разумеется, против поляков. Однако он не задал вопроса, почему польская сторона вовремя не присоединилась к этому выгодному как с политической, так и с экономической точки зрения делу. У меня же нет претензий к Бисмарку по поводу того, что он, согласно собственным политическим интересам, проводил Kulturkampf, в ходе которого Польше здорово досталось. У меня есть претензии к нашим политикам, которые не в состоянии уследить за самыми простыми вещами. И которым недостает прагматизма. Конечно, я далек от мысли, что не следует бдительно следить за инициативами немецкого общества и государства. К сожалению, наш инструментарий, используемый в подходе к этому вопросу, — начиная с публицистических кругов и заканчивая министерскими — лишь служит подтверждением того, что задача более близкого ознакомления польского «мыслящего класса» с интеллектуальными и ментальными категориями широко понимаемой немецкой культуры остается, как мне кажется, и по сей день актуальной.

Что касается поставленного вами вопроса, то я скажу так: в познанском Западном институте я участвую в проекте, имеющем целью подвести итоги тех политических, общественных, культурных, экономических и пр. перемен, которые произошли в Германии за последние два десятилетия. Сфера, которой я занимаюсь, касается изменений в немецком культурном пейзаже. Таким образом, я систематически наблюдаю за всем, что в этом смысле происходит на другом берегу Одры. И отмечаю там огромное богатство предложений в области культуры.

Я наблюдаю за переменами в культурном пейзаже немецких городов начиная с 1989-1990 гг., чтобы привести какой-то впечатляющий пример, слежу за архитектурой, музеями и галереями — с точки зрения отношения их к прошлому. Ведь это один из интереснейших аспектов в области культурных перемен на европейском континенте за последние десятилетия! А мы в Польше не имеем об этом ни малейшего представления. Мы говорим: ну да, я был в Париже, Лондоне, Риме, Барселоне (разумеется, чтобы увидеть творения Гауди). А что, спрашиваю я, происходит в Германии? Боже мой, послушайте, да взять хотя бы Берлин, один только Берлин за последние два десятилетия был с культурной точки зрения перепахан буквально полностью! Музеи экзотических культур в Далеме, прекрасный Музейный остров, существующий еще со времен Фридриха Вильгельма и недавно отреставрированный, или новый музейный комплекс на Потсдамской площади, я уж не говорю о знаменитом Музее топографии террора или Памятнике жертвам Катастрофы. А сколько всего происходит сегодня в бывших столицах малых немецких княжеств! Дессау, Бауцен, Хемниц — и хоть бы одна собака у нас заинтересовалась великолепной современной архитектурой, которая там в последнее время создается. Иногда мне хочется привести письмо Гейне, отправленное в 1822 г. из Познани, куда он ездил навещать своих польских коллег, с которыми провел студенческие годы; писал он примерно вот что: поляки едут в Париж, чтобы научиться модным манерам и приобрести духи, не обращая внимания на Германию — этот сермяжный «Kartoffelland», через который они проезжают. Может быть, тогда это было оправдано, может быть, Франция действительно в то время могла предложить гораздо больше в сфере культуры и цивилизации, чем Германия. Но почему же сегодня повторяется всё та же ситуация, как будто ничего в истории не изменилось?

— Вы могли бы обозначить какие-то перспективы выхода из этого тупика? Или вы тоже склонны считать, что известная парадигма в наших взаимных отношениях окончательно исчерпала себя, что закончилась определенная очень важная эпоха?

— Проблема состоит в том, что у нас по-прежнему не так уж много исследователей — как тех, кто хорошо разбирается в истории польской культуры со всеми ее «болевыми точками», так и тех, кто способен должным образом понять специфику немецкой стороны. Несомненно, это затрудняет взаимопонимание. Но к этому добавляется еще одна проблема. Если поколению немецких «Flakhelfer-Generation», из которого вышли Гюнтер Грасс, Зигфрид Ленц, Криста Вольф и Ганс-Дитрих Геншер, еще было

свойственно какое-никакое чувство вины за то, что случилось в прошлом, то более младшим поколениям — и это, как я хотел бы особо подчеркнуть, вполне понятно — такое чувство вовсе не присуще. Между тем польская сторона (в том числе молодежь) по-прежнему демонстрирует раздражающую меня позицию, в основе которой лежит постоянная претензия: мы страдали, поэтому вы нам должны всё время что-то давать. Разве я преувеличиваю? Может, и преувеличиваю. А может, и нет.

— Своеобразной эпитафией «тучным» 90-м годам стала недавно выпущенная вами антология «Моя Германия — мои немцы. Воскрешение памяти». В этой публикации, имеющей очень важное значение, собраны высказывания нескольких десятков польских исследователей, публицистов, писателей и переводчиков, основанные на их личном и автобиографическом опыте общения с немцами...

— ...связанные, что следует обязательно подчеркнуть, с переоценкой собственной личности, с воскресшими воспоминаниями. Категория воскрешения памяти, которую я на протяжении многих лет упрямо стараюсь «протащить» в дискурс гуманитарных наук, в данном контексте является ключевой, хотя не я был ее автором (о «воскрешении памяти» первым сказал, насколько я знаю, Норвид). О чем здесь идет речь? Постараюсь объяснить: у гуманитария — историка, историка искусства, социолога, неважно — всегда есть какая-то собственная биография, очень личная. Спустя годы он возвращается к ней, еще раз ее переосмысливает, совершая своеобразную переоценку собственной личности с точки зрения времени, которое у него осталось за плечами, с точки зрения собственного жизненного пути, с точки зрения собственного интеллектуального уровня и т.п. Не столько заново выстраивая собственную биографию, сколько вскрывая одно за другим наслоения из забытого, которые скопились в его сознании за всю истекшую жизнь.

Как возникла идея антологии «Моя Германия — мои немцы»? В свое время я был удивлен и даже изумлен тем смыслом, который был заложен в интервью Рейнхардта Коселлека, данном накануне его неожиданной смерти. Во всех более ранних публикациях этого прекрасного ученого не получала никакого отражения его личная жизнь. И вот мы вдруг узнали, что Коселлек, родом из Горлиц и выходец из патриотической, но не нацистской семьи, принимал участие в войне как солдат Вермахта. Как-то уже в конце войны он был схвачен красноармейцами, которые привезли его в Аушвиц с целью преподать ему, так сказать, «наглядный урок». Мы можем легко догадаться, что он там увидел. Я не уверен, что ему не пришлось собственными руками — а до этого дело тоже доходило — переносить трупы, которые лежали там буквально штабелями. Вспоминая то время, Коселлек использует характерное слово «einbrennen» — «вытравлять», «выжигать». Всё это были картины, которые остались в его памяти на всю жизнь. Прочитав это, я подумал, что надо бы поспрашивать у польских ученых, самых разных, а также у политиков, публицистов, журналистов, писателей: а как они относятся к этому самому «немецкому вопросу», и не только в личном плане, но в более широком смысле, на фоне исторических процессов. Вот так и родилась идея этой книги.

— Эта антология оправдала ваши ожидания?

— В ней содержится много интересных высказываний, хотя, что скрывать, некоторые авторы отнеслись к поставленной перед ними задаче слишком буквально, другие же ограничились обычным перечислением («что, где, когда»). Но и это о чем-то свидетельствует. Так что, в общем и целом я доволен. Антология содержит почти пятьдесят текстов (в частности, Ежи и Барбары Шацких, Ежи Едлицкого, Генрика Самсоновича, Стефана Хвина). У истоков всего этого лежит, безусловно, воскрешение памяти, которое становится таким образом категорией аналитической. И я надеюсь, что как таковая она войдет в дискурс польских гуманитарных наук. Впрочем, уже появляются первые признаки этого.

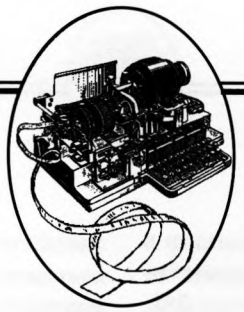
— Невозможно в этом контексте не вспомнить слова Макса Вебера, который сто лет назад предложил собственное определение культуры, и написал, что «она всего лишь конечный фрагмент той лишенной смысла бесконечности событий в мире, который с точки зрения человека обладает смыслом и значением». Вы очень часто приводите эти слова в своих работах.

— Да, ибо, по моему мнению, данное определение — самое замечательное, во всяком случае, наиболее подходящее определение культуры, которое когда бы то ни было и кто бы то ни было пред-

ложил. Оно может быть приложимо как к великим культурным процессам, так и к более мелким повседневным событиям. Прихожу я вчера в кабинет, в котором мы сейчас с вами беседуем, и вижу, что столы расставлены не так, как обычно. Так, думаю я про себя, тут был семинар. А может, и нет, может, просто кто-то на этом столе занимался любовью? Так или иначе, некие знаки существуют, и их следует прочитывать по возможности очень добросовестно.

— Вы сказали: «Только крик боли — это подлинное, остальное — конструкты». Речь идет о насилии, в самых разных его проявлениях. Очень часто вы обращаетесь к таким жертвам насилия, которые не дождались собственного рассказа, которых обошли вниманием великие исторические повествования.

— Меня интересуют люди обойденные, меньшинства в меньшинствах. У меньшинств чаще всего не бывает своих памятников, музеев, исторических памятных мест и т.п. Недавно у меня в очередной раз была возможность посетить Ольштын. Некоторое время тому назад там возник новый, прекрасно расположенный университетский кампус. На его территории поставили памятник жертвам Катыни. И очень хорошо. Только у меня сразу возник вопрос: а почему же там не поставили, как впрочем, и во всём Ольштыне, ни одного памятника замученным во время войны жителям Вармии? А ведь что-то же с этими людьми произошло, их нет, они исчезли. Вот так просто взяли и исчезли? А если это не так, то почему для них нет места в исторической памяти? На тему первого попавшегося кавалерийского полка, откуда-нибудь из захолустья Подолья, можно встретить множество монографий, работ, очерков. О каждом «кресовом» местечке существуют публикации, лучше ли хуже ли, но они есть. Чтобы в этом убедиться, достаточно переступить порог Главного магазина научной книги им. Болеслава Пруса в Варшаве, где полки буквально прогибаются под тяжестью книг подобного рода. А что с Вармией и ее жителями? Ее нет, нас нет. Нас, жителей Вармии, нет. Вот отсюда и боль. Ведь что остается? Ничего не остается. В этом смысле я — «последний из могикан». Мой сын уже считает себя «исконным познанским жителем», не говоря уж о моих любимых внуках...



Виктор Кулерский

ХРОНИКА (НЕКОТОРЫХ) ТЕКУЩИХ СОБЫТИЙ

» **222-я годовщина принятия Конституции 3 мая. «Всегда есть смысл даже из событий далекого прошлого извлекать для себя урок на будущее, — подчеркнул, обращаясь к собравшимся у Королевского замка в Варшаве, президент Польши Бронислав Коморовский. (...) Премьер-министр Дональд Туск по случаю праздника принял участие в традиционном, 23-м по счету, спортивном забеге, посвященном Дню конституции».** ***(«Жечпосполита», 4-5 мая)***

» «3 мая, в праздник Пресвятой Девы Марии, Царицы Польши, архиепископ Юзеф Михалик, председатель конференции Епископата Польши, обратился к верующим, собравшимся на Ясной Горе в Ченстохове, со следующими словами: «Мы не должны равнодушно смотреть на рост агрессии и падение нравственной культуры, в том числе в рядах политической партии, которая позорит отчизну» (...) Он также призвал «не покупать антицерковную прессу». *(«Газета выборча», 4-5 мая)*

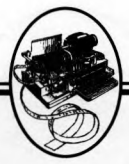
» **«Мы считаем себя развивающейся страной, хотя на самом деле это уже не так. В экономическом смысле мы уже играем в высшей лиге, что подтверждают оценки инвесторов. Когда Польшу называют безопасной европейской гаванью, это не выдумки нашего министерства финансов — так о нас действительно говорят во всем мире. И то, что наши ценные бумаги всё больше соотносимы по своей рентабельности с немецкими облигациями, показывает, что инвесторы относятся к нам гораздо лучше, чем раньше», — заместитель министра финансов Войцех Ковальчук** ***(«Жечпосполита», 24 апр.)***

» «Польша укрепила свои позиции во многих зарубежных рейтингах. В отчете Всемирного банка и Международной финансовой корпорации «Doing Business» мы занимаем 55-е место, поднявшись на целых семь пунктов. Согласно Foreign Direct Investment Confidence Index A.T.Kearney, польская инвестиционная привлекательность выросла на 16 позиций, переместившись с двадцатого места на шестое. У 150 из 280 мировых корпораций есть филиалы в Польше, что обеспечило нам 12-е место в сводке CB Richard Ellis. Впервые мы оказались в группе наиболее развитых стран, заняв 42-е место среди 169 государств на шкале социально-экономического развития Human Development Index. Четвертая позиция среди 36 стран Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) была занята нами благодаря тому, что 50% молодых поляков получают высшее образование». *(«Польска», 30 апреля — 1 мая)*

» **«Доходы государства в 2012 г. составили 612,2 млрд. злотых, что на 4,3% больше, чем в 2011-м, сообщает Главное статистическое управление (ГСУ). Примерно на столько увеличилась номинальная стоимость ВВП. В пересчете на одного поляка это около 15,9 тыс. злотых. Объем государственных услуг, полученных средним гражданином страны, составил 17,5 тыс. злотых. (...) В 2012 г. инвестиции государственного и муниципального секторов составили 73,8 млн. зл., сообщило ГСУ. Это на 15,5% меньше, чем в 2011-м. В отличие от ВВП, объем инвестиций снизился до 4,6 % по сравнению с 5,7% в прошлом году, оказавшись одним из самых значительных снизившихся показателей во всем Евросоюзе».** ***(«Жечпосполита», 21 апр.)***

» «Запланированный в бюджете на этот год рост экономики, который должен составить 2,2%, — это абсолютно нереально», — признался вчера министр финансов Яцек Ростовский. (...) Согласно нынешним прогнозам правительства, рост может составить 1,5%. (...) В то же время ГСУ объявило, что дефицит госбюджета за прошлый год равен 3,9% ВВП, что на один процентный пункт (16 млрд. злотых) больше, чем официально прогнозировалось год назад». *(«Жечпосполита», 23 апр.)*

» **«Еврокомиссия не собирается прекращать начатую в 2009 г. процедуру применения санкций против Польши за превышение дефицита**



бюджета. (...) Бюджетный дефицит Польши в 2012 г. составил 3,9%, в то время как допустимый уровень дефицита в Евросоюзе — 3%. Ранее Польше удалось выторговать для себя определенные льготы (...) Еврокомиссия согласилась на ослабление санкций в случае, если бюджетный дефицит снизится до 3,5%. (...) Однако, несмотря на данные Брюсселю обещания, снизить дефицит до 3,5% нашему правительству не удалось». *(Из Брюсселя Анна Слоевская, «Жечпосполита», 4-5 мая)*

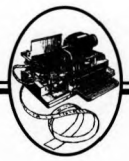
» «В последнее время министерство финансов форсирует внедрение концепции поэтапного перевода пенсионных накоплений из Открытых пенсионных фондов (ОПФ) на счета Управления социального страхования (УСС) в течение последних 10 лет перед выходом на пенсию. Принятие такого решения сделает невозможным достижение одной из главных целей пенсионной реформы (...) и будет означать определенный возврат к распределительной пенсионной системе. Средства, поступающие из ОПФ в УСС, будут сразу же выплачиваться нынешним пенсионерам. Когда же мы сами выйдем на пенсию, собственных пенсионных накоплений мы не получим — их просто не окажется», — проф. Войцех Отто, проф. Мариан Вишневский, сотрудники факультета экономических наук Варшавского университета. *(«Жечпосполита», 6 мая)*

» **«Существуют две разные пенсионные модели. Распределительная, когда деньги не накапливаются, а сразу выплачиваются в виде пенсий и рент, и накопительная, при которой денежные средства откладываются и инвестируются в будущие пенсии граждан, имеющих соответствующие пенсионные счета. (...) Предложение министерства финансов, закамуфлированное под «перечисление денежных средств из ОПФ на 10 лет в адрес передаточного звена, называющегося УСС» (...) — это не что иное, как попытка скрыть посягательство на пенсионные сбережения поляков. (...) Нечестно внушать людям, что единственной причиной задолженности государства и эмиссии облигаций стали уплаты в ОПФ. Рост государственного долга в течении последних 14 лет в три раза превышает суммы, которые были перечислены в ОПФ. Важно, что огромное количество этих сумм имело обеспечение в виде доходов от приватизации. (...) По большому счету, это попытка нагреть руки на сбережениях поляков, сосредоточенных в ОПФ», — Лешек Бальцерович. *(«Жечпосполита», 19 апр.)***

» «Министр Яцек Ростовский утверждает, что действующая пенсионная система никуда не годится, так как ОПФ берут за свои услуги слишком большие деньги и вдобавок — что не соответствует действительности — не хотят выплачивать пенсий пожизненно. Вранье министра не имело бы никакого значения, если бы министерство Ростовского, выдавая его слова за чистую монету, не пыталось присвоить себе право распоряжаться сбережениями пенсионеров — то есть, по сути, отнять их и сразу потратить». *(Павел Яблонский, «Жечпосполита», 7 мая)*

» **«Поляки хотят сами решать, куда пойдут их деньги — в УСС или ОПФ, следует из опроса, проведенного институтом «Homo Homini», в ходе которого у респондентов спросили: хотели бы вы иметь выбор между УСС и ОПФ при осуществлении пенсионных накоплений? Больше половины опрошенных ответили на этот вопрос утвердительно, против была одна треть. Второй вопрос звучал так: что из этих двух вариантов — УСС или ОПФ — выбрал бы ты? (...) Государству свои накопления доверили бы 46% опрошенных, а ОПФ — 44%. Одна десятая анкетированных не смогла определиться с выбором». *(«Дзенник — Газета правна», 24 апр.)***

» «О ликвидации ОПФ, что на практике будет означать национализацию сосредоточенных в них сбережений поляков (а это около 270 млрд. злотых) через передачу этих денежных средств в распоряжение УСС, не может быть и речи (...) Возможно, причиной тому стало предостережение, вынесенное рейтинговым агентством Moody's, подчеркнувшим: если правительство захочет поглубже запустить руку в финансовые недра ОПФ, уровень доверия зарубежных кредиторов к Польше может существенно снизиться. (...) Ситуация на фондовой бирже и так нестабильна после того, как два года назад взносы в ОПФ были урезаны. Это снизило ежемесячный уровень продажи акций на сотни миллионов злотых. Страшно подумать, что будет, если продажа акций прекратится вообще, а правительство присвоит находящиеся в распоряжении ОПФ акции примерно на 100 млрд. злотых». *(Милош Венглевский, «Ньюсуик Польша», 22-26 апр.)*



» **«По мнению министра финансов Яцека Ростовского, предложенный его ведомством вариант решения проблемы, заключающийся в поэтапном переводе денежных средств, принадлежащих клиентам ОПФ, на счета УСС в течение 10 лет перед выходом этих людей на пенсию, не приведет к обвалу на рынке ценных бумаг».** ***(«Жечпосполита», 30 апр. — 1 мая).***

» «Министры правительства Дональда Туска задекларировали денежные средства, находящиеся на их счетах в ОПФ, как принадлежащие им на праве собственности. Они считают эти деньги своими, частными, в то время как министр финансов настаивает на том, что они государственные». *(«Жечпосполита», 7 мая)*

» **««Защитим наши деньги!» — под таким девизом проходит акция биржевой газеты «Паркет» («Биржа»). Под открытым письмом, подготовленным редакцией газеты, уже подписались десятки представителей польских финансовых структур, инвесторов и других людей, связанных с рынком ценных бумаг. Акцию также активно поддержали пользователи Фейсбука».** ***(«Жечпосполита», 7 мая)***

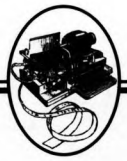
» «Дебаты «Государство — враг предпринимателя?», организованные предпринимателями из «Business Center Club» (BCC), начались с демонстрации фрагментов фильма «Закрытая система» Рышарда Бугайского. (...) Согласно результатам опроса, проведенного среди двух тысяч членов клуба, 91% опрошенных считает, что прокуроры и чиновники не несут никакой ответственности за совершаемые ими ошибки. BCC зафиксировал 300 случаев, когда действия прокуратуры и органов государственной власти приводили к вынужденному прекращению работы того или иного частного предприятия. Случаев же с менее трагическими последствиями насчитываются тысячи». *(Артур Келбасинский, Якуб Вонтор, «Газета выборча», 23 апр.)*

» **«С самого начала демократических преобразований в Польше растет социально-экономическое расслоение. 15% наиболее зажиточных поляков улучшили свое материальное положение в период между 1998 и 2006 гг. в среднем почти в два раза. (...) В те же годы укрепил свои позиции и средний класс. В 1992 г. 70% поляков (...) полагали, что им не хватает денег на удовлетворение своих базовых потребностей, а в 2011-м эту проблему называли только 26% жителей Польши».** ***(Эдвин Бендык, «Политика», 24 апр. — 7 мая)***

» «В 2012 г. иностранцы купили у нас 4680 земельных участков общей площадью 3460 гектаров, в том числе около полусотни сельскохозяйственных и лесных участков (408 га). Министерство внутренних дел выдало в прошлом году 318 разрешений на покупку земли (на девять больше, чем в прошлом году). (...) В основном приобретения такого рода интересовали немцев, голландцев и украинцев. В прошлом году граждане Украины получили 50 разрешений на покупку земли (в 2011 г. — 43), что составило 15% от всех выданных иностранцам разрешений. (...) Начиная с 1999 г. иностранцы купили у нас в общей сложности 46 тыс. гектаров земли, то есть 0,15% территории страны. Разумеется, площадь земель, приобретенных через подставных лиц, неизвестна. (...) Купленная польскими гражданами земля оказалась в собственности фирм с иностранным капиталом — немецким, датским, голландским». *(Гражина Завадка, Изабела Кацпшак, («Жечпосполита», 12 апр.)*

» **«Правительства государств-членов ЕС искушают иностранных инвесторов перспективой предоставления гражданства в обмен на инвестиции в экономику их стран. (...) Одним из немногих исключений остается Польша, законодательство которой не предусматривает предоставления гражданства или разрешения на пребывание взамен за инвестиции».** ***(Нино Джикия, «Дзенник — Газета правна», 24 апр.)***

» «Всего в ЕС в сельском хозяйстве занято почти 200 тыс. человек. Столько насчитывается собственников земельных участков площадью свыше 15 гектаров — по меркам ЕС такое количество земли позволяет сельхозработнику содержать себя и семью, вкладывая при этом деньги в развитие собственного хозяйства и продавая (а не проедая) свою продукцию. И никакой кризис им нипочем. Согласно данным Евростата, реальные доходы наших фермеров в перерасчете на совершеннолетнее лицо в прошлом году оказались на целых 82% выше, чем в 2005 году. (...) Почти 70% польских фермеров — младше 55 лет, а 35% — моложе сорока (четыре года назад — 29%). Четыре года назад средним и высшим образованием могли похвалиться 44% селян, сегодня — уже 58%». *(Кристина Нашковская, «Газета выборча», 26 апр.)*



» **«Брюссель лишит Польшу 79,9 млн. евро за неудовлетворительное управление фондами европейской сельскохозяйственной политики. (...) Это решение касается фондов, выделяемых согласно планам 2004-2006 и 2007-2010 гг.», — сообщила Фанни Дебертранд, пресс-секретарь Еврокомиссии».** ***(«Газета выборча», 4-5 мая).***

» «Еврокомиссия запретила применение трех разновидностей пестицидов из группы неоникотиноидов на территории стран-членов ЕС. (...) Это имидаклоприд, клотианидин и тиаметоксан. В официальном бюллетене, распространенном Постоянным комитетом ЕС по пищевой цепи и здоровью животных, говорится о том, что запрещенные пестициды убивают пчел и других насекомых, питающихся пыльцой: они либо погибают сразу, либо оказываются обречены на медленную смерть по причине нанесенного их нервной системе и иммунитету невосполнимого вреда». *(Кшиштоф Ковальский, «Жечпосполита», 4-5 мая)*

» **«Предложение Еврокомиссии о повышении цен на квоты выброса CO2 вчера было встречено сопротивлением. (...) 322 депутатов Европарламента голосовали против, 315 — «за», а 63 — воздержались от голосования. (...) Это фактически означает прекращение изоляции Польши, которая ранее воспринималась в качестве главного противника европейской политики противодействия изменению климата. (...) Впервые в ходе такого важного голосования поражение потерпела фракция, поддерживающая «зеленое» лобби. «Это, безусловно, исторический момент», — заявил Йорис Ден Бланхен из «Гринпис».** ***(Из Брюсселя Каролина Баца-Погожельская, Анна Слоевская, «Жечпосполита», 17 апр.)***

» «С 1 января 2013 г., когда вступило в силу решение Конституционного суда, а в Еврокомиссию было направлена соответствующая оговорка, в Польше запрещен ритуальный убой животных. Несмотря на это, главный ветеринарный врач не только ничего не сделал, чтобы прекратить эту нелегальную практику, но даже не сообщил подчиненным и предпринимателям об изменениях в законодательстве». *(«Политика», 24 апр. — 7 мая)*

» **«Премьер Дональд Туск заявил, что министр сельского хозяйства и министр охраны окружающей среды должны подготовить такие правила убоя скота, которые бы уберегли животных от особо тяжких страданий. При этом он уточнил, что речь идет о так называемой вращающейся клетке для коров: находящееся в сознании животное фиксируют в такой клетке, переворачивают вверх ногами и в этой позиции перерезают горло, после чего животное умирает от кровопотери, захлебываясь собственной кровью и содержимым желудка, проникающим в трахею. (...) Туск подчеркнул, что правительство должно действовать в интересах мясной отрасли».** ***(Эва Седлецкая, «Газета выборча», 24 апр.)***

» «Правительство доложило об обстоятельствах подписания без ведома премьера апрельского польско-российского меморандума относительно строительства газопровода, идущего с территории Белоруссии через Польшу в Словакию. Премьер освободил министра госказны Миколая Будзановского от занимаемой должности». *(«Газета выборча», 20-21 апр.)*

» **«Александр Квасневский и его люди лоббировали интересы российского производителя удобрений, компании «Акрон», пытающейся взять под контроль азотные комбинаты в Тарнове-Мостицах. (...) Во время вчерашней пресс-конференции премьер-министр Туск заявил: «Я объяснил, что стратегия нашего правительства абсолютно иная, а позиция российских инвесторов противоречит нашим национальным интересам. (...) Один лишь азот используется для производства около 20% газа, потребляемого в Польше. А польские власти хотят, чтобы поставки газа происходили исключительно через польские фирмы, занимающиеся дистрибьюцией этого сырья»».** ***(Доминика Велёвейская, «Газета выборча», 20-21 апр.)***

» «Баланс внешней торговли между Польшей и Белоруссией в 2011 г. достиг 2,3 млрд. долларов, при этом экспорт товаров из Польши в Белоруссию составил 1,2 млрд. долларов, а импорт белорусских товаров в Польшу — 1,1 млрд. долларов. (...) В 2011 г. поляки инвестировали в белорусскую экономику 85 млн. долларов». *(«Пшеглёнд православный», апр.)*

» **«Немецкие ученые ставят опыты на польских эмбрионах. Погибли десятки, а возможно, и тысячи человеческих существ», — заявил в эфире телекомпании TVN Ярослав Говин. (...)**

Польский министр юстиции обвиняет немецких ученых, не представляя при этом никаких доказательств. Проф. Вальдемар Кучинский: «Министр солгал, заявив, что немецкое законодательство запрещает эксперименты лишь на немецких эмбрионах, разрешая ставить опыты на зародышах иностранного происхождения. На самом деле немецкое законодательство запрещает экспериментировать с эмбрионами вообще»». *(«Газета выборча», 22 апр.)*

» «Министр юстиции расстался с занимаемой должностью после своих заявлений о торговле эмбрионами, которые, возможно, ведут польские клиники искусственного оплодотворения, продавая эмбрионы в Германию». *(«Жечпосполита», 30 апр. — 1 мая)*

» **«Благодаря своему деду несколько лет назад я проиграл президентские выборы. Надеюсь, что твой дедушка не помешает тебе на выборах в этом году», — сказал вчера в Берлине Дональд Туск Ангеле Меркель, имея в виду громкую историю, связанную с его дедом, который служил в Вермахте, а также недавно обнаружившееся польское происхождение канцлера ФРГ: ее дед со стороны отца, Людвиг Казмерчак, родился в Познани». *(«Газета выборча», 23 апр.)***

» «Мы, французы и поляки, вместе разработаем европейскую оборонительную политику», — заявил во вторник Франсуа Олланд после встречи с Бронславом Коморовским в Елисейском дворце. Министры обороны Жан-Ив Ле Дриан и Томаш Семоняк подписали декларацию о намерениях сотрудничества в сфере обороны. *(По материалам «Жечпосполитой» и «Газеты выборчей» от 8 мая)*

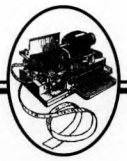
» **«В конце сентября — начале октября на одном берегу Буга будут стоять российские и белорусские дивизии, на другом — польские, поддерживаемые войсками НАТО. Свое военное присутствие подтвердили Франция, Германия, Великобритания и еще несколько стран. (...) НАТО собирается с силами, чтобы ответить на постоянно организуемые Россией учения вблизи польской границы». *(Юлиуш Чвелюх, «Политика», 8-14 мая)***

» «Польша территориально в десять раз превосходит Литву, поэтому литовцы больше боятся поляков, нежели поляки — литовцев. (...) Главная проблема заключается во взаимном нежелании вести настоящий диалог. (...) В польско-литовских отношениях не стоит полагаться на политиков. (...) Деятели моего поколения подходили к нашим контактам с иной меркой, пытаясь найти что-то общее, обрести взаимопонимание. (...) Нынешнее поколение более прагматично и мыслит в категориях политической выгоды», — Валдас Адамкус, бывший президент Литвы. *(«Газета выборча», 20-21 апр.)*

» **««Мы призываем поляков и украинцев еще раз сказать друг другу: простите нас, как мы вас прощаем, пусть наши добрые поступки оборвут цепь зла, что тянется через столетия»». Это поистине беспрецедентное послание. Его подписали представители нескольких православных Церквей Украины, в том числе конфликтующих между собой Московского и Киевского патриархатов, греко-католики, протестанты, а также епископ римско-католической церкви на Волыни. (...) Во время трагических событий 1943-1944 гг. от рук украинских националистов погибло до ста тысяч поляков, ответные акции унесли жизни почти 20 тысяч украинцев». *(Из Киева Мартин Войцеховский, «Газета выборча», 29 апр.)***

» «Проблема во взаимоотношениях Украины и Европы заключается в том, что для нас демократия самоценна и отправление властных полномочий служит делу реализации демократических идей и принципов. На Украине и в России высшей ценностью является не демократия, а сама власть. Если демократия позволяет получить и удерживать власть — она может пригодиться, если же нет, то все демократические процедуры отвергаются. (...) Есть, однако, и третий элемент, что выгодно отличает Украину от ее восточных партнеров, — это гражданское общество. Оно там есть», — Александр Квасневский. *(«Впрост», 15-21 апр.)*

» **«Всё работает против нас. (...) Немцы придумали новый способ убивать людей, экспериментируя на наших польских эмбрионах. (...) Россия неустанно строит козни. (...) Не отдает нам святых останков самолета (...) бывший президент лоббирует продажу русским завода искусственных удобрений. (...) Литва так ловко притесняет польское меньшинство, что, как следует из недавнего опроса Института общественных отношений, 75% литовских поляков не имеют не малейшего понятия об этих**



притеснениях. (...) С Украиной свои сложности. Восточную Украину мы не любим, потому что она пророссийски настроена. Мы любим Западную Украину — за ее антирусскость. Проблема, однако, в том, что Восточная Украина относится к полякам хорошо, а вот Западная — не очень, и при этом чтит память Бандеры и головорезов из УПА. (...) Зато в отношениях с Белоруссией всё просто: диалог с кровавым диктатором Лукашенко невозможен, поэтому мы холим, лелеем и всячески поддерживаем всю белорусскую оппозицию». *(Ян Видацкий, «Пшеглёнд», 6-12 мая)*

» «Несмотря на то что весь мир бойкотирует Северную Корею, польское правительство принимает деятельное участие в развитии судоходной компании, управляемой из Пхеньяна. (...) Половина уставного капитала в ней принадлежит польскому государству, половина — корейскому диктатору. (...) Однако де-факто Польша не контролирует деятельность компании. (...) Главный офис компании находится в Пхеньяне, а работа фирмы регулируется северокорейским законодательством. А ежегодная финансовая отчетность не проходит через нашу бухгалтерию, являя собой тайну за семью печатями». *(Анджей Станкевич, Михал Станкевич, «Жечпосполита», 18 апр.)*

» **«Газовый «пузырь» лопнул. Геологи не скрывают, что запасы нетрадиционного сырья малы, а его добыча обойдется дороже, чем в США. (...) По нашим пессимистическим оценкам, в Польше имеется 34-76 млрд. кубометров сланцевого газа. Верность этих расчетов подтверждают американцы. (...) Две очередные заграничные фирмы, занимающиеся добычей сланцевого газа, объявили, что покидают польский рынок — это канадский «Talisman» и американский «Marathon Oil». Аналогичным образом ранее поступил «Exxon Mobil». *(Михал Дущик, «Дзенник — Газета правна», 9 мая)***

» «Согласно вчерашнему решению Совета монетарной политики, главная ставка Польского национального банка составила только 3%. Снижение на 25 базовых пунктов удивило экономистов». *(«Дзенник — Газета правна», 9 мая)*

» **«В апреле правительство поддерживали 25% опрошенных; негативно о его работе отозвались 43%, сообщил ЦИОМ в отчете от 4-10 апреля». *(«Жечпосполита», 20-21 апр.)***

» Поддержка партий: «Право и справедливость» (ПиС) — 31%, «Гражданская платформа» (ГП) — 30%, Союз демократических левых сил (СДЛС) — 13%, крестьянская партия ПСЛ — 6%. Прочие партии не смогли преодолеть пятипроцентного барьера. Не определились со своими политическими симпатиями 9% опрошенных. Отчет Института опросов общественного мнения «Homo Homini» от 26 апреля». *(«Жечпосполита», 6 мая).*

» **За время, прошедшее после выборов 2011 г., ГП потеряла 40% своих сторонников. (...) Рейтинг ГП снизился на 17 пунктов — с 42 до 25% (согласно данным ЦИОМа от 4-10 апр.). Причем наибольшее разочарование в деятельности ГП испытали ее наиболее активные избиратели: люди в возрасте от 25 до 40 лет, имеющие высшее образование и проживающие в крупных городах. (...) Отчет «Политики-Insight» показывает, что бывшие избиратели ГП не начали симпатизировать другим партиям, а просто не хотят голосовать вообще. 13% при этом колеблются. Во всяком случае, избиратель ГП не переметнулся на сторону ПиС — такие случаи ничтожно малы, и только 2% опрошенных, в 2011 г. голосовавших за ГП, сегодня поддерживают партию Качинского. (...) Чуть больше процент тех, кто вместо ГП готов отдать свои голоса «левым»: 3% бывших избирателей ГП сегодня поддерживают «Движение Паликота», а 6% — СДЛС». *(Войцех Шацкий, «Политика», 24 апр.)***

» «В апреле 2012 г., во вторую годовщину смоленской катастрофы, в теракт верили 21% опрошенных (опрос Millward Brown SMG/KRG), в мае 2012-го — 25% (опрос ЦИОМа), в апреле 2013-го — 31,7% (опрос института «Homo Homini»). Согласно последнему опросу 49,4% респондентов полагает, что трагедия произошла в результате несчастного случая, а 19% не знает, что на самом деле имело место — теракт или несчастный случай. Профессор Януш Чапинский полагает, что смоленская катастрофа разделила польское общество, и довольно надолго. «Отношение к смоленской катастрофе сегодня чем-то похоже на отношение к религии: вы либо верите в Бога, либо нет», — говорит он». *(«Жечпосполита», 10 апр.)*

» **«В традиционных африканских верованиях каждое событие имеет свою конкретную причину, источник, особенно если это событие несчастливое. (...) Люди верят, что за каждым**

несчастьем кто-то стоит. (...) В Гане, например, когда происходит что-нибудь плохое, никто не спрашивает «Почему так получилось?», а спрашивают «Кто это сделал?»». *(Энди Генсина-Торрес, «Газета выборча», 13 апр.)*

» «Януш Паликот предложил депутатам своей фракции встретиться с его энерготерапевтом, специалистом в области восточной медицины. Он пояснил, что этот человек разработал для него специальную диету с циклом физических упражнений, что значительно улучшило его самочувствие и мировосприятие. Мы получили от энерготерапевта множество странных советов. Одному из депутатов он порекомендовал искупаться в тринадцати килограммах соли. Меня же он взял за руку, пристально посмотрел в глаза и заявил: «Ешь побольше фасоли». (...) И я решил, что пора уходить», — депутат Бартломей Бодё вышел из «Движения Паликота». *(«Жечпосполита», 24 апр.)*

» **«Маршал Сената Богдан Борусевич обратился с письмом к председателю конференции Епископата Польши архиепископу Юзефу Михалику. Поводом стало обеспокоившее Борусевича заявление епископов относительно ситуации вокруг телеканала «Трвам». (...) «Конкордат не предусматривает возможности вмешательства со стороны конференции Епископата Польши в вопросы, которые регулируются государством», — говорится в письме. (...) Архиепископ Михалик ответил, что письмо «изумило его до глубины души». (...) «Кто заинтересован в нагнетании ситуации вокруг этого спорного вопроса?» — интересуется архиепископ». *(Доминика Велёвейская, «Газета выборча», 26 апр.)***

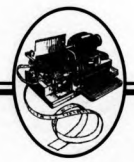
» «Наибольшим доверием по-прежнему пользуется президент Бронислав Коморовский, политику которого одобряют 70% респондентов, сообщает ЦИОМ. На втором месте — бывший президент Александр Квасневский, ему доверяют 54% опрошенных. Далее в рейтинге: Рышард Калиш (СДЛС) — 46%, министр иностранных дел Радослав Сикорский — 43%, Лешек Миллер (СДЛС) — 36%, Гжегож Схетына (ГП) — 35%, премьер-министр Дональд Туск — 34% (не доверяют ему 49% опрошенных) и Ярослав Качинский (ПиС) — 33% (ему не доверяют 50% респондентов)». *(«Жечпосполита», 23 апр.)*

» **«Митрополит варшавский, кардинал Казимеж Ныч распорядился почтить память погибших и оставшихся в живых участников восстания в варшавском гетто колокольным звоном во всех варшавских храмах 19 апреля 2013 года ровно в 10 часов утра», — из коммюнике варшавской митрополичьей курии». *(«Газета выборча», 17 апр.)***

» «У памятника Героям гетто (...) президент Бронислав Коморовский наградил «Казика» (настоящее имя Симха Рафайзер-Ротем, один из трех доживших до наших дней повстанцев 1943 года) орденом Возрождения Польши. Вручая награду, президент сказал Рафайзеру: «Я убежден, что ваша борьба послужила делу возрождения Польши. Благодарю вас от имени всей Польши и всех поляков». (...) Общую молитву (псалом 130) прочитали главный раввин Польши Михаэль Шудрих, полевой епископ Войска польского Юзеф Гуздек, православный священник Эугениуш Буйко и священник-евангелист Мирослав Воля». *(Ежи С. Маевский, Томаш Ужиковский, «Газета выборча», 20-21 апр.)*

» **«Я был возле памятника Героям гетто. Президент, премьер, маршалы Сейма и Сената, мэр Варшавы... и горстка людей, которые пришли сами, без специальных приглашений, ведомые голосом совести. (...) Мудрым и христианским оказалось решение варшавского митрополита почтить память героев гетто колокольным звоном всех столичных храмов. В колокола действительно били, хотя и не во всех церквях. (...) Как следует из опросов, проведенных в варшавских средних школах, 45% школьников не были бы довольны, узнай они о еврейском происхождении кого-либо из членов своей семьи; 60% — если бы их девушка или парень оказались евреями; 44% не хотели бы жить по соседству с еврейской семьей; 40% не хотели бы, чтобы в их школе учились дети-евреи». *(Марек Зайонц, «Тыгодник повшехный», 28 апр. — 5 мая)***

» «Хотя экспозиция еще не готова, в первые же дни, 20 и 21 апреля здание Музея истории польских евреев посетили свыше 15 тысяч человек. Гости смотрели фильм, слушали лекцию, встречались с уцелевшими во время Катастрофы людьми, участвовали в семинарах, дискуссиях и других мероприятиях. В субботу 27 апреля пришло 1,9 тыс. человек, а воскресенье 28-го — почти 3 тысячи. Индивидуальные билеты стоят 9 и 5 злотых, групповые — 8 и 4 злотых». *(«Газета выборча», 29 апр.)*



» **«Профессор Кшиштоф Ящевич, сотрудник Института политических исследований Польской Академии наук в 70-ю годовщину восстания в варшавском гетто заявил: «Евреи сами были виноваты»; «на Холокост годами работали целые поколения евреев». По его мнению, масштаб преступлений гитлеровцев оказался таким впечатляющим «только благодаря активному участию евреев в уничтожении собственного народа» (...) Руководство ПАН посчитало, что высказывание подобного рода взглядов с точки зрения научной этики и активной гражданской позиции, образцом которой должны служить ученые, заслуживает безоговорочного осуждения».** ***(«Газета выборча», 26 апр.)***

» «Варшава продолжает отмечать 70-летие восстания в гетто, а в находящемся неподалеку Блоне кто-то полностью уничтожил еврейское кладбище. (...) Полиция начала расследование». *(«Газета выборча», 27-28 апр.)*

» **«Как жить с сознанием того, что в польских городах, поселках и деревнях еврейскими надгробиями укрепляли дороги и лестницы, выкладывали школьные дворы, использовали их при строительстве коровников? Так и живем среди мацев. (...) Иоанна Токарская-Бакир справедливо замечает в предисловии к книге Лукаша Баксика «Мацевы повседневного потребления» (Воловец: Чарне, 2013), что «Баксик не спрашивает, что мы можем с этими мацевами сделать. Вопрос поставлен иначе: как они меняют нас?»** ***(Зузанна Радзик, «Тыгодник повшехный», 28 апр. — 5 мая)***

» «Он спас 30 тыс. польских граждан, среди которых было 5 тыс. евреев», — подчеркнул вчера президент Бронислав Коморовский, который вместе с президентами Австрии и Венгрии принял участие в открытии мемориальной доски, посвященной Генрику Славику и установленной на территории бывшего концлагеря Маутхаузен-Гузен. (...) Здесь в 1944 г. польский дипломат был убит. После поражения Польши в сентябре 1939 г. он оказался в Венгрии. До того, как немцы арестовали Славика, он был председателем Гражданского комитета помощи полякам. (...) В 1990 г. он был удостоен титула Праведного среди народов». *(«Газета выборча», 6 мая)*

» **«Польская общественность любит при случае ссылаться на своих Праведных. Среди награжденных этим титулом больше всего поляков. Проблема только в том, что спасение евреев было абсолютно частным делом Праведных, в своих благородных порывах действовавших наперекор той самой общественности, которая сегодня так ими гордится», — Иоанна Токарская-Бакир, «Рёв погрома» (Воловец: Чарне, 2013)** ***(«Нове ксёнжки», 2013, №2)***

» «Проект памятника Праведным среди народов и проблема, связанная с выбором места его установки (на территории бывшего варшавского гетто) рассматриваются в плоскости «мы-они», «свой-чужой», «поляки-евреи» (...) А в деяниях Праведных не фигурировали поляки и евреи, речь шла о людях — как близких, так и совсем незнакомых, — которых нужно было спасти от газовой камеры. (...) Праведные помогали людям. Поэтому национальный — и даже националистический — контекст этой дискуссии так отвратителен. (...) Этот памятник должен символизировать нечто, что намного сильнее национальной гордости и лояльности по отношению к своим». *(Агнешка Граф, Рафал Шимчак, «Газета выборча», 23 апр.)*

» **«Согласно свежим данным переписи населения, в Польше живет 8 тыс. евреев. (...) Перед войной их было три миллиона. Во время переписи, проходившей десять лет назад, евреями назвались только 1133 человека. (...) Есть данные, что всего в Польше постоянно проживает около 50 тыс. евреев. А это означает, что 85% евреев либо скрывают свое происхождение, либо ничего о нем не знают».** ***(Мартин Дзежановский, «Впрост», 15-21 апр.)***

» «Чеченцы знают, что их здесь не любят. (...) Работники социальных служб и чиновники муниципалитетов считают, что чеченцы плохо ассимилируются. (...) Они не собираются снимать жилье, искать постоянную работу. (...) Тамара, чеченка, поселившаяся с мужем в Белостоке: «Иногда мне страшно за наших детей. Мы в этом городе совсем одни»». *(Игорь Т. Мечик, «Ньюсуик-Польска», 26 апр. — 5 мая)*

» **«На этот раз загорелись двери квартиры, в которой вместе со своей польской семьей живет индус. (...) Тремя неделями раньше в доме, находящемся буквально через две улицы, подожгли квартиру выходцев из Чечни. (...) Пять месяцев назад на той же улице была подожжена квартира других беженцев».** ***(Якуб Медек, Иоанна Климович, «Газета выборча», 10 мая)***

» «В характере поляков — целое море сочувствия и сострадания. Проблема только в том, что эти теплые чувства мы в основном адресуем не живым людям, а заоблачным идеалам. (...) Кому легче сопереживать? Конечно, Христу, распятому на кресте, а не собственному соседу. Абстрактному зародышу, а не женщине из квартиры напротив, которую могут выселить за неуплату. (...) Политические партии в Польше, по сути, не занимаются никакой общественной работой. (...) У них нет нормальных организационных структур, союзов, каких-либо институтов взаимопомощи. (...) А у политиков полностью пропали амбиции по изменению к лучшему жизни людей и самой человеческой природы. (...) Даже наоборот — каждая партия пытается как можно ловчее приспособиться к тем идеям и настроениям, которые уже вовсю витают в воздухе. То есть уловить тенденцию, а потом предложить избирателям то, чего они и так с нетерпением ожидают», — Славомир Сераковский, главный редактор журнала «Критика политична» *(«Газета выборча», 20-21 апр.)*

» **«14-метровый Иоанн Павел II в Ченстохове — это, пожалуй, самый большой в мире памятник понтифику. (...) Памятник Царю Христу в Свебодзине в высоту насчитывает 36 метров. (...) В Польше несколько десятков памятников Иоанну Павлу II. (...) В Калкове-Годове под Стараховице воздвигнут памятник жертвам смоленской катастрофы — десятиметровая бетонная модель Ту-104, стоящая на колесах от автомобиля «Полонез» и двигателях из цементных панелей. В дверях самолета находится фотография Леха Качинского».** ***(Люциан Стшига, «Польска», 15 апр.)***

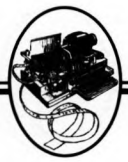
» «1 марта уже в третий раз отмечался День «проклятых солдат». (...) Этот государственный праздник был установлен Сеймом 3 февраля 2011 года. (...) В пояснительной записке к соответствующему закону сказано: «В память о «проклятых солдатах» — героях антикоммунистического подполья (...)». (...) По некоторым данным, среди жертв вооруженного подполья было 5043 безоружных гражданских лиц, в том числе 265 крестьян, 691 домохозяйка, а также 187 детей, не достигших 14 лет. Погибло 9857 сотрудников органов власти послевоенной Польши, а также 1980 советских военнослужащих. «Проклятые» не досчитались 7672 человек». *(Михал Болтрык, «Пшеглёнд православный», апрель)*

» **«Оправдан Станислав Котёлек, бывший вице-премьер ПНР, обвиняемый в кровавом подавлении рабочих протестов в приморских районах Польши в декабре 1970 года. Армейское начальство получило по два года тюрьмы условно. (...) Двое из трех заседателей были против оправдательного приговора Котёлку. (...) Спустя почти сорок лет после событий, в ходе которых погибло 45 человек, а более тысячи было ранено (...) варшавский суд вынес «компромиссный» приговор. (...) «Компромиссный», так как на скамье подсудимых не было (...) главных «героев» тех трагических событий: тогдашнего первого секретаря ЦК ПОРП Владислава Гомулки, члена Политбюро ЦК ПОРП Зенона Клишко, генералов Казимежа Святалы, Войцеха Ярузельского и Гжегожа Корчинского».** ***(Богдан Врублевский, «Газета выборча», 20-21 апр.)***

» «Центральное антикоррупционное бюро (ЦАБ) должно будет извиниться перед журналистом «Газеты выборчей» Богданом Врублевским за то, что контролировало его телефонные звонки, когда у власти находилась партия ПиС. (...) Вчера Апелляционный суд Варшавы постановил, что ЦАБ не только действовало противозаконно, но и нарушило неприкосновенность частной жизни журналиста. (...) Извинения ЦАБ будут опубликованы на второй странице трех центральных польских газет. ЦАБ также должно уничтожить все данные о входящих и исходящих звонках Врублевского, представив журналисту соответствующие протоколы». *(«Газета выборча», 27-28 апр.)*

» **«Богуславу Середынскому, бывшему директору варшавских Научно-технических издательств, за незаконное задержание, произведенное ЦБА в 2009 г., был возмещен моральный ущерб в размере 455 тыс. злотых».** ***(«Пшеглёнд», 6-12 мая)***

» «Статья 173 конституции говорит о том, что суды в Польше независимы и являются самостоятельной ветвью власти. Правда, говорить о полной независимости можно лишь применительно к Верховному и Главному административному суду. С обычными судами дело обстоит значительно хуже. (...) Законодательство о судебной системе делегирует министерству юстиции так много контрольных полномочий, что независимость судебной власти вызывает серьезные



сомнения», — Станислав Домбровский, первый председатель Верховного суда. *(«Жечпосполита», 29 апр.)*

» **«Два приезжих бельгийца застрелили двух волков. (...) На прошлой неделе районный суд Мыслибужа огласил приговор: оба осужденных приговорены к трем годам лишения свободы условно и штрафу в размере 20 тыс. злотых. Кроме того, они должны будут возместить причиненный ущерб, заплатив Национальному фонду охраны окружающей среды и водного хозяйства по 8 тыс. злотых».** ***(«Газета выборча», 30 апр. — 1 мая)***

» «Псевдоприюты для бездомных животных берут у гмин деньги за отлов собак, а сами потом либо отпускают животных, либо убивают их. Гмины этими деталями не интересуются, знай себе платят собачникам деньги. Ветеринарный надзор давно превратился в фикцию. Поэтому фонд «Аргус» уже много лет следит за работой приютов, собачников и гмин, публикует отчеты, направляет заявления в прокуратуру и участвует в судебных заседаниях. Кроме того, фонд занимается реализацией конкретных проектов, как, например, создание «Варшавской котерии», то есть центра, который помогает ухаживать за бездомными кошками и обеспечивает бесплатную стерилизацию этих животных». *(«Политика», 3-9 апр.)*

» **«70 организаций, занимающихся помощью бездомным собакам, опубликовали (...) открытое письмо, призвав ликвидировать так называемый «польский лагерь смерти для собак». (...) Приют в Войтышках недалеко от Серадза. Почти пять тысяч собак. (...) Тадеуш Выпых из фонда «Аргус»: «Этот приют больше напоминает концлагерь, лагерь смерти». (...) Приют в Корабевицах в 70 км от Варшавы. Здесь живет почти четыреста собак и полтора десятка других животных. (...) В оврагах прямо за забором, окружающим приют, мы обнаружили множество мертвых собак. (...) Согласно данным ветеринарной инспекции за 2006-2009 гг., больше всего собак погибло в приютах в Бялогарде (832), Новом-Двуре близ Любартова (618) и Лодзи (582). 1069 животных погибло в приюте в Воломине, закрытом в 2008 году. Ситуацию с Воломином несколько лет расследовал частный детектив, нанятый организациями по защите прав животных. (...) В ходе следствия он обнаружил факты убоя собак вьетнамцами, а также странный экспорт собак в Германию. Закончить расследование ему, однако, не удалось — однажды он был найден мертвым, с разбитым черепом».** ***(Игорь Т. Мечик, «Ньюсуик-Польша», 22-28 апр.)***

Войцех Мазярский

ПОЛЯКИ И УКРАИНЦЫ СОЗРЕВАЮТ ДЛЯ РАЗГОВОРА

В польско-украинских отношениях нынешнее лето может оказаться жарким. На 11 июля приходится 70-я годовщина так называемого кровавого воскресенья, когда во многих деревнях на Волыни отряды Украинской повстанческой армии (УПА) перебили польских жителей. Это был апогей волны террора, который использовался во имя этнической чистоты национального государства. Признаемся искренне и самокритически: в этом конфликте первой знамя этнической однородности подняла Польша, которая в межвоенный период не хотела признавать национальных устремлений украинцев и силой (однако же не убийствами) боролась с ними. Украинцы ответили вооруженными диверсиями и терактами, поляки — карательными операциями. Потом всё пошло уже само по себе, и остановить спираль насилия не удалось. Ее кульминацией стали массовые убийства 1943 года. Неизвестно, сколько жертв они поглотили — главным образом, с польской стороны, но и с украинской тоже. Наиболее достоверные оценки говорят примерно о 80 тыс. убитых поляков и десяти с лишним тысячах украинцев, которых уничтожили в отместку.

Мы долго молчали на данную тему. Подходили к этому делу, словно начинающий сапер — к возбуждающему страх трудному минному полю. Обходили проблему, откладывали на потом, отделывались от нее фразами: «Это задача для историков». Я говорю «мы», так как и я в этом участвовал. Боялся польско-украинского аукциона претензий и притязаний, способного расцарапать те исторические раны, которые только-только начали заживать. Опасался криков, раскачивания племенных эмоций, националистической истерии.

Необоснованными эти страхи не были, ибо по обе стороны национальные правые силы неустанно пытались и по-прежнему пытаются подогревать настроения, напоминая общественному мнению о зле, которое причинили нам «те». Разумеется, всё это — в камуфляже лозунгов о примирении. «Нам необходимо примирение, но его фундаментом должна быть правда», — фальшиво говорят те, кто хотел бы раздуть польско-украинский конфликт. В действительности эта правда нужна им как дубинка — чтобы лупить по головам противников.

К счастью, сеятели вражды с их подзуживающими призывами не пробились, не мобилизовали общество против другой стороны, не возобновили аукцион претензий. Самое крупное разочарование они пережили пять лет назад, когда попытались использовать предыдущую круглую годовщину Волыни с целью разжечь в Польше антиукраинские настроения. Карты им спутал человек, на чью поддержку эти правдолюбцы рассчитывали, — президент Лех Качинский. Его достижения и политическую линию я оцениваю критически, однако как раз в вопросе об отношениях с Украиной Качинского трудно в чем-нибудь обвинить, особенно после того, как летом 2008 г., в 65-ю годовщину убийств на Волыни, он отказался покровительствовать историко-политической конференции антиукраинских кругов.

Однако такое бойкотирование темы и молчание когда-либо придется прервать. Раньше или позже мы будем вынуждены померяться силами с тем вызовом, каким стало для поляков и украинцев их изобилующее насилием прошлое. Пришло время вести откровенный разговор без обиняков.

И я всё меньше боюсь этого польско-украинского разговора, так как отчетливо видно, что по обе стороны растет влияние и политическая значительность тех слоев, которые не хотят конфронтации. Всё чаще слышны самокритические голоса, доказывающие, что и поляки, и украинцы перестают быть заложниками националистов. В преддверии 70-й годовщины волынского преступления синод Украинской греко-католической Церкви огласил обращение, неявно ссылающееся на знаменитую формулу из отправленного полвека назад письма польских епископов к немецким: «Прощаем и просим прощения». В украинских СМИ можно прочитать такие самокритические статьи, как текст Антона Борковского в львовском журнале «Ї»:

«Дело не в поляках. (...) Соглашение между поляками и украинцами необходимо, но, как по мне, принять христианское противоядие для украинцев значительно важнее, чем «помириться» в очередной пустопорожней декларации. Не полякам же важно наше «прости», а в сущности нам самим».

Да и в Польше дискуссия о польско-украинских отношениях тоже перестала носить характер племенного спора между народами, а сделалась внутренними дебатами, где поляки дискутируют не с украинцами, а друг с другом. В польском Сейме фракции спорят о содержании постановления, отмечающего 70-ю годовщину Волыни, и об употреблении слова «геноцид». И отнюдь не украинцы, а умеренные польские политики стараются удержать радикалов от употребления слишком резких формулировок.

Однако самую большую надежду вселяет анкетирование общественного мнения, проведенное институтом «Pollster» в прошлом году: «Какие народы могут иметь обоснованные претензии к полякам?». Отвечая на этот вопрос, наибольшее число людей указало евреев (35% ответов), на втором месте оказались русские (28% респондентов), а на третьем — украинцы (25%).

Это исследование проводилось на выборке из интернета и, следовательно, репрезентативно не для всей популяции, а для сообщества интернавтов в возрасте 16-50 лет. Если бы опросить всех поляков, в том числе и пожилых людей, то чувство вины перед названными народами оказалось бы, вероятно, слабее. Кто-то вправе сказать, что эти результаты могут, помимо всего, свидетельствовать о некомпетентности польской молодежи, которая мало знает о мире и не знакома с историей собственного народа.

Тоже хорошо. Благословенна такая некомпетентность молодых, которые не заразились фобиями, предрассудками и стереотипами старших поколений. Это — превосходный капитал на будущее.

Збигнев Завадский

СОБСТВЕННЫЙ ЖАНР

Открывающийся «Волчьим блокнотом» цикл «северных» книг Мариуша Вилька отличается множеством и неоднородностью объединенных в нем стилей. Автор откровенно намерен создать собственный, личный жанр. Уже сами заглавия своих текстов Вильк делает указателями в попытках определения/обозначения их жанровой принадлежности («Волчий блокнот»), примерно такими же указателями выступают общие заголовки («Северный дневник»). Начнем с книги, созданной на Соловках.

«Волчий блокнот» — заглавие столь же емкое и характерное, сколь и многозначное. Удачному использованию автором семантики своей фамилии [Вильк (польск. Wilk) — «волк»] сопутствует и объем понятия «блокнот». «Блокнот создается по своим законам — в его основе лежат записи (...), которые делаются во время поездки, возникают на полях книг, по горячим следам комментируют состоявшиеся разговоры, пережитые события. Попутные заметки переплетаются с изысканиями в области истории, культуры, с размышлениями и комментариями синтетического характера. Отсюда стилистическое разнообразие, требуемое поэтикой блокнота. Здесь — кроме заметок — записи журналистского толка, из области репортажа, интервью, фельетона; смежные жанры — письмо (...) и эссе, есть в конце размашистые эпические пробы. Блокнот — и на это обращает внимание Вильк уже самим заглавием книги — имеет на это право», — писали о нем О.Кубинская и Д.Жилко в журнале «Кресы» в 1999 году.

Особенно охотно Мариуш Вильк обращается к форме дневника. В «Волчьем блокноте» это еще не сильно подчеркнуто (хотя уже здесь в нескольких местах появляются датированные записи, а глава «Канин нос» напоминает дневник путешествия), однако уже следующая книга, «Волока», в своей третьей части — дневник в полном смысле слова. А последующие объединяются даже под общим заголовком «дневник». Не случайно одним из наиболее часто упоминаемых Вильком писателей становится создатель самого знаменитого в польской литературе дневника Витольд Гомбрович. Автор признаётся: «Ведь это мой первый учитель (о его «Дневнике» я писал дипломную работу), а одновременно однокашник из «Культуры» — из того самого гнезда Гедройца».

Весьма интересной стороной творчества Мариуша Вилька является также тот интерес, который он проявляет к древнерусским летописям — это увлечение нашло наиболее яркое выражение в «Волчьем блокноте». Подробное изучение истории жизни, поступков и мыслей монахов и отшельников всех мастей (нередко самых настоящих сумасшедших), превращается под пером Вилька в обширные прозаические фрагменты, которые напоминают об отсутствующем теперь в польской литературе, пожалуй, со времен контрреформации жанре — житиях святых.

В образе России, как подчеркивает Мариуш Вильк, чрезвычайно важное и отчетливо выходящее на первый план место занимает литература. То, что пишет Вильк о России, неразрывно связывается с восприятием литературы как интегральной составляющей русской действительности. История и литература существуют на тех же правах, что и современная действительность, зачастую только они и позволяют увидеть и понять события и картины современности. Именно в области литературы содержится огромная доля правды о стране и людях.

На страницах книг Вилька появляются часто — и неслучайно — фамилии нескольких писателей, к которым автор имеет особое отношение и творчество которых сам называет источником своего вдохновения. Таким «тихим покровителем» «Волчьего блокнота» становится Жозеф де Местр. Среди многочисленных иностранцев, пишущих о России, автор «Петербургских вечеров» в глазах Вилька становится тем, кто в наибольшей мере отвечает его собственному представлению о методе, который позволит взяться за эту тему. О степени признания, какое он выказывает де Местру, свидетельствует количество цитат из его писем в «Волчьем блокноте» и место, в котором эти цитаты появляются.

Целых четырнадцать раз размышления и наблюдения савояра помещены в начале абзаца в качестве афоризмов. Несколько примеров: *«Эта страна — это совершенно другой мир, и судить о нем невозможно, не пожив здесь какое-то время»; «(...) Нет ничего более увлекательного, чем наблюдать за сегодняшней Россией»; «Кто изучает Россию по книгам, тот вовсе не понимает ее, в ней кроются особенности, которые я бы поехал изучать в провинцию (...) если бы знал язык».*

Впрочем, это не единственный писатель, значимый для Вилька и появляющийся в его творчестве. Вильк в огромной степени воспринимает жизнь, себя и мир через литературу, поэтому литературные ассоциации, отсылки и реминисценции также составляют значительную часть его записей. Я упоминал уже о вдохновении и гомбровичевском влиянии. Стоит еще отметить, что касаются они не одной только дневниковой (или псевдодневниковой) формы книг автора — распространяются они и на сферу ощущения и восприятия им польскости. То есть это восприятие по-гомбровичевски лукавое, поддерживаемое дополнительно очень отчетливой (и раздражающей некоторых критиков и даже признаваемой ими за угрозу) русофилией Вилька. А она действительно кажется со временем всё более сильной и отчетливо выраженной. Вильк все сильней «врастает» в свой русский Север. Доходит до того, что в интервью российской газете он признаётся: «(...) всё чаще у меня создается впечатление, что я русский писатель, пишущий по-польски».

Еще один писатель, в произведениях которого Мариуш Вильк находит много родственного с собственным творчеством, — это Генри Миллер. В «Доме над Онего» автор замечает: «Из книг Миллера ближе всех для меня «Биг-Сюр и апельсины Иеронима Босха» — роман о доме писателя на скалистом обрыве калифорнийского побережья Тихого океана (...) в которой я отыскал как свой собственный стиль жизни, так и много мыслей, под которыми я мог бы подписаться. Когда я читаю (...) «Биг-Сюр», перед глазами у меня свое Заонежье — та же изолированность, тот же самый мир дикой природы (...). Там — койот, здесь — волк (...). Читаю у Миллера: «Та же доисторическая картина. Картина существования. Природа, улыбающаяся сама себе в зеркале вечности». Будто себя читаю».

Вильк вспоминает и свое пребывание в Ерцеве, известном из «Иного мира» Густава Герлинга-Грудзинского. Это один из наиболее поразительных фрагментов не только в «Волоке», но и, наверное, во всем до настоящего времени творчестве автора. Поистине сенсационный ход этого визита, во время которого Вильк успел посетить места (тогда, т. е. в 1992 году, по-прежнему выполняющие свои функции!), описанные Герлингом, и даже стал (на короткое время) обладателем портфеля «заключенного номер восемнадцать, семьдесят два» (лагерный номер автора «Иного мира»), — это настоящее украшение книги. А вместе с тем еще одно доказательство непрерывности и жизнеспособности «литературного» взгляда на Россию писателем из Польши.

Это оценил сам Герлинг-Грудзинский, который включил в «Ночной дневник» письмо от Вилька с комментарием о том, что это второй эпилог «Иного мира».

Вообще в «Волоке» — наверное, на настоящий момент самой удачной книге Вилька — литературные «экскурсии» автора происходят под влиянием импульсов, которые создают впечатление настоящего, физического путешествия. Как прогулка по Беломорскому каналу. Его описание наполняет образ настоящего, которое на каждом шагу призывает прошлое (историю), а всё это вместе скрепляет литература. Глава «Карельская тропа» — это захватывающий рассказ о плавании по Беломорско-Балтийскому каналу имени Сталина, который был ведущей постройкой социализма сталинской эпохи. Проводником в этой необычной экспедиции служит Вильку единственный в своем роде труд — «фолиант объемом более шестисот страниц, с тисненым барельефом Сталина на обложке — как церковное Евангелие...» — книга Беломорканала. Ее составили 36 писателей, приглашенных с этой целью в 1933 году — в год открытия канала — на прогулку по нему. Инициативу подал Максим Горький, а среди приглашенных литераторов были, между прочим, Михаил Зощенко, Алексей Толстой, Бруно Ясенский. Книга Беломорканала была названа энциклопедией советской эпохи великого перелома, однако ее создатели дали прежде всего «свидетельство о себе а также литературе тех времен».

Повествование о плавании по Беломорканалу оказывается, таким образом, записью поездки не только в пространстве, но также — а возможно, даже прежде всего — во времени. Места, посещенные Вильком, настолько сильно отмечены трагизмом истории, что невозможно видеть их иначе, как

в контексте ее немого свидетельства, а также — через призму литературных свидетельств ее безумных и жестоких, а вместе с тем внушительных достижений. Покоряя на яхте шлюз за шлюзом, автор непрестанно накладывает на себя, переплетает и сравнивает с собой два плана: непосредственно и наглядно обозримую современность, а также картины и мысли, увековеченные создателями книги Беломорканала, его строителем — зэком Шаламовым, Александром Солженицыным и другими. Литература выступает здесь чем-то вроде своеобразной «сверх-карты», расширяя на целое измерение горизонты великой истории, на которую выпали трагедии, драмы, страдания, но также непоколебимость и мужество конкретных, настоящих людей. Писать о России для Мариуша Вилька в огромной мере означает именно такое путешествие в разных измерениях, ведущее одновременно в глубь пространства, истории, литературы и души этой страны. А через это и вглубь самого себя.

Роман Дащинский

РУССКИЙ КЛИЕНТ — НАШ ХОЗЯИН

На сей раз они приезжают в Гданьск не на танках, а на машинах и туристических автобусах. На белых номерных знаках — крупно выведенное число «39», которым обозначаются автомобили в Калининградской области.

Вместо трофеев они вывозят покупки. Вместо пепелищ оставляют {после себя} довольных владельцев магазинов.

По одежде не сразу узна́ешь, кто это: поляк или россиянин. Даже по косметике и украшениям трудно разобраться. В конечном итоге я нахожу разницу. Мои собеседники все без исключения милы, улыбчивы. И им очень приятно, когда кто-либо из местных отзовется по-русски.

— Очень хорошие покупки, — признаёт Татьяна Бабак, которая только что вышла из гипермаркета «Икеа» и на автостоянке укладывает в машину полные корзины-сетки. В Гданьск она приехала с дружественным водителем такси Владимиром Поляковым. 130 км в одну сторону. Российский бензин дешев, 3 зл. за литр, так что и затраты на поездку невелики. Татьяна приезжает в Тригород [Гданьск—Гдыня—Сопот] по меньшей мере раз в месяц, Владимир — чаще.

— Потому что у вас здесь всё меньше стоит. Ну, кроме топлива, — объясняют они. — Вдвое дешевле, иногда — в два с половиной раза. Даже молоко, овощи, средства гигиены, памперсы. Спиртное тоже есть смысл покупать у вас: выбор большой, хорошие цены, да и не страшно, что получишь какую-нибудь подделку. Важно качество товаров, но неизвестно почему даже стиральный порошок, купленный в Гданьске, лучше, чем приобретенный в Калининграде, хотя упаковки у них вроде бы одинаковые. Кроме того, в Польше красиво и вообще люди открытые, приятные. Мы себя здесь хорошо чувствуем.

Приехали они отслужившим свое фольксвагеном «транспортер». Около машины поставили магазинную тележку «Икеа» с тяжелой упаковкой.

— Диван, или же софа, как говорят по-польски, — объясняет Владимир.

С этой разницей смысла некоторых слов вообще получается забавно. Россиянин говорит о своем желании купить ковёр, имея в виду товар, который по-польски называется «дыван», а продавщица думает, будто покупатель сказал «кавёр» («икру») и отправляет его в гастроном. Или же русская в магазине готовой одежды хочет посмотреть на себя, так что обслуживающий персонал ведет ее к зеркалу («люстро»). Однако приезжая из Калининграда воспринимает это слово на слух как «люстра»!

Между сидениями микроавтобуса лежат типичные картинки из магазинов «Икеа». Фотоколлажи в симпатичных рамках.

Татьяна с гордостью показывает их:

— Как только я их увидела, сразу поняла, где они будут висеть. В прихожей.

■ На высоком уровне

Массовые приезды жителей Калининградской области в Гданьск стали возможными благодаря тому, что летом прошлого года вступили в силу принципы так называемого малого приграничного движения. Это результат соглашения между государственными властями Польши и России. В декабре 2011 г. соответствующие документы подписали в Москве министры иностранных дел обеих стран Радослав Сикорский и Сергей Лавров.

— Оба министра добивались этого солидарно и настойчиво, плечом к плечу, — подчеркивает Сергей Пучков, российский генеральный консул. — Это образцовый пример сотрудничества.

В июне 2012 г. президенты Владимир Путин и Бронислав Коморовский ратифицировали польско-российское соглашение по этому вопросу.

Российские граждане идут в польское консульство в Калининграде и подают заявление о предоставлении им возможности въезда в Польшу на основании принципов приграничного передвижения. И через два месяца получают специальную «карточку», которая действительна два года.

— Наше сотрудничество — несомненный успех, и мы хотим, чтобы этот успех послужил Брюсселю аргументом за отмену виз для граждан России по всему Евросоюзу, — объясняет консул. — Рисуются широкие перспективы сотрудничества: экономика, культура, высшее образование, спорт. Поляки помогают нам подготовиться к организации футбольного чемпионата мира 2018 года. В Гданьске к Евро-2012 был выстроен красивый стадион, а в Калининградской области мы будем теперь строить свой стадион к мировому первенству.

Польские власти немного опасались, что внезапный наплыв жителей Калининградской области породит рост преступности, что дело дойдет до конфликтов.

— Ничто из этих опасений не подтвердилось, — признаёт Кристина Врублевская, руководитель департамента зарубежного сотрудничества в администрации маршала Поморского воеводства. — Мы недавно проводили совещание с участием полиции и пограничной охраны. И надо сказать, что всё протекает образцово.

В результате уже полгода с лишним через гданьские торговые центры каждый уик-энд проходят пассажиры, как минимум, 30 туристических автобусов и нескольких сотен частных автомобилей с калининградскими номерами. В будние дни тоже легко встретить гостей, говорящих по-русски. Приезжают самые обычные жители: мелкие предприниматели, рабочие, студенты, учителя, служащие, люди в мундирах. Приезжают и безработные. Для них такие поездки — вовсе не роскошь, а жизненная необходимость.

Россияне путешествуют не только в Тригород. Без визы они могут въезжать вглубь Польши на расстояние до 150 км. Охотно посещают Ольштын, Эльблонг. От границы до Бранева можно доброситься кепку, поэтому жители России посещают этот город непрерывно — покупки они могут сделать даже после работы.

— В браневском магазине сети «Бедронка» («Божья коровка») клиентуру составляют главным образом русские, — говорит Алексей Белов, который только что припарковал свой «рено-сценик» перед гданьским супермаркетом «Икеа». — Из-за этого поляки в Браневе какие-то странные, смотрят криво. Говорят, будто русские у них все товары раскупают. Поэтому я предпочитаю раз в месяц ездить в Гданьск. Совсем другой мир. Никто не делает проблемы, то ли перед ним поляк, то ли россиянин. Люди относятся к тебе с симпатией.

■ Сто аудиков в очереди

У Польши нет другой границы с Россией. Только эти 210 км на северо-востоке. И вдобавок к ним — 22 км общей морской границы. Калининградская область — это свыше 13 тыс. кв. км, 950 тыс. жителей. С востока и севера она граничит с Литвой; на западе — Балтийское море. Польша находится на юге.

Больше половины населения живет в Калининграде, столице этой области, возникшей лишь после Второй Мировой войны. До 1945 г. на его месте стоял немецкий Кёнигсберг, по-польски Крулéвец. Полностью разрушенный войной город был в последующие годы перестроен в советском стиле. Полностью изменилось расположение улиц. Сегодня не удастся даже приблизительно воспроизвести трассы ежедневных прогулок самого прославленного обитателя Крулевца-Кёнигсберга — Иммануила Канта. К счастью, сохранились развалины бывшего кафедрального собора с усыпальницей философа. Сегодня это одна из немногих туристических достопримечательностей постсоветского Калининграда.

Что могли бы в нем искать поляки?

— Из статистических данных вытекает, что в течение последних пяти месяцев прошлого года границу пересекли 250 тыс. человек, — говорит консул Пучков. — Из них только 30 тысяч составляют жители Калининградской области, остальные — поляки. В январе границу пересекли 70 тыс. поляков и 15 тыс. россиян. Как интерпретировать такие показатели? Это просто. Почти все поляки, которые въезжают в Калининградскую область, остаются там менее двух часов.

Это торговцы, нацеленные главным образом на топливный товарооборот. Поляков, которые ездят осмотреть Калининград и окрестности, мало. Пока что они не находят там для себя достаточного количества привлекательных мест.

По словам Сергея Пучкова, пограничная торговля топливом — это организованный бизнес. Если в очереди на границе стоит, к примеру, сто автомашин, то наугад можно предположить, что девяносто из них принадлежат полякам, живущим поблизости от границы. Используют они одну определенную модель автомобиля.

— «Ауди-100». Почему? Потому что это машина, в которую на заводе устанавливался самый вместительный топливный бак. В него входит сто литров, — объясняет Пучков.

Российское посольство в Варшаве подсказало польской стороне, что можно было бы как-то решить проблему с торговцами бензином. Зачем им устраивать пробки на пограничных переходах? Из-за них люди теряют иногда по несколько часов в ожидании досмотра, особенно в уик-энды. Возможно, следовало бы для этих «бензовозов» организовать отдельный въездной канал?

— В ответ мы услышали, что это не соответствует бы инструкциям, — сообщает Пучков. — Все должны обладать равными правами.

Недавно в очереди на границе неприятные вещи довелось пережить гражданину России, который сделал замечание одному из польских торговцев топливом, чтобы тот не пробовал, стоя в хвосте автомобилей, пробиваться вперед, коль скоро он приехал позже. Вспыхнула ссора. Поляк вроде бы нанес россиянину болезненный удар автомобильным ключом по руке и уехал.

— А россиянина задержала польская полиция, так как тот наскандалил, — рассказывает Сергей Пучков. — Мы попросили разобраться с этой ситуацией. Вся история породила широкий резонанс в калининградской прессе и не улучшила общественного мнения о поляках. К счастью, подобные происшествия представляют собой нечто абсолютно маргинальное.

Поляки тоже жалуются, что уже на границе российский персонал в форме пытается выбить 100 рублей взятки за въезд. И что на шоссе в Калининград устраивают свои засады патрули местных гаишников, которые тоже под любым предлогом требуют 100 рублей.

■ Кошмар дорогих сосисок

Почему обыкновенный йогурт, который можно купить по одну сторону границы, в магазине по другую ее сторону сто́ит намного дороже?

— Видишь ли, это сложная проблема, — говорит Алексей Иванов, клиент гданьского торгового центра «Матарня». — Я торгую пищевыми добавками для спортсменов. И тоже хотел бы дешевле, но не могу. Свое должны заработать посредники, государство тоже берет налоги. Выходит дорого. Но это проблема всей экономической системы, которая обязательно должна будет измениться. Вы в Польше находитесь в этом отношении намного дальше, чем мы в России.

Адам Хлебович, автор опубликованного недавно путеводителя по Калининграду, излагает эту проблему менее дипломатичным способом: «Почему с ценами так происходит? Для меня это было загадкой, которую нелегко решить. В конце концов калининградские продавцы разъяснили мне, что их цены включают в себя... поборы. И речь здесь идет отнюдь не о налогах, а о незаконных оплатах, которые предприниматели вынуждены переводить в карманы определенных лиц, связанных с бюрократической верхушкой».

Открытие границы с Польшей привело к тому, что обороты магазинов на российской стороне начали падать. Власти Калининградской области заметили проблему. Как сообщает портал Kaliningrad.ru, губернатор Николай Цуканов недавно спросил своих министров, почему цена точно таких же сосисок у нас в два раза выше, чем в Польше. Чиновники изучили проблему и констатировали, что ответственны за такое положение владельцы крупных калининградских торговых сетей, которые якобы набрасывают на товары неадекватно большую маржу.

По всей России коррупция представляет собой серьезную проблему, которая носит системный характер, ибо встроена в государственный механизм. И речь идет вовсе не об организованной преступности в западном понимании. Уже в царские времена в России развилась повсеместно признававшаяся

приемлемой система «кормления» — чиновник получал от государства минимальный заработок, так как действовал неписаный принцип, что свои доходы он должен пополнять с помощью взяток.

«Икеа» на протяжении нескольких лет не могла построить маркет под Москвой, поскольку ее пытались принудить к большой взятке, а шведы не признают коррупции. Дело это разоблачила российская журналистка Юлия Латынина в эфире радиостанции «Эхо Москвы».

Вся Россия страдает от организованного вымогательства. Жители Калининграда оказались в исключительной ситуации: они могут делать более дешевые покупки на польской стороне границы. Зарабатывают на этом польские фирмы. Точные данные отсутствуют, но оценивается, что каждый месяц из Калининградской области уходит в Польшу чуть ли не 20 млн. евро.

■ Бизнес, а не русификация

— Калининградцы — очень хорошие клиенты, — говорит Иренеуш Хома, директор «Fashion House Outlet Center». — Русские начали приезжать каких-то два года назад, когда еще требовались визы. С момента внедрения принципов малого приграничного движения их с каждым месяцем становится больше. Помню первоначальные опасения: будут ли русские, например, соблюдать правила перемещения на автостоянке? Каким образом они будут себя вести? И что же оказалось? Они паркуются, как надо, очень любезны, настроены доброжелательно. Когда входят в магазин, то обычно знают, чего ищут, проявляют требовательность, но вместе с тем не крутят носом.

В назначенный час — сбор у туристического автобуса. Российские пассажиры чаще всего несут сумки с едой. У многих лежит в пакетах фирменная одежда.

Особенно привлекательна для них «Икеа». В России ближайший магазин этой сети находится в Санкт-Петербурге — почти в тысяче км от Калининграда.

Менее полугода назад в «Fashion House Outlet Center» провели акцию по подсчету автомобилей. Оказалось, что россияне составляют 10% клиентуры. Похожие результаты были получены при подсчете автомашин в «Балтийской галерее» во Вжеще — за уик-энд через нее прошло четыреста машин из России.

Торговые центры Тригорода создают для русскоязычных клиентов сайты в интернете. На входе в многочисленные рестораны гданьского Старого Города можно найти ободряющий призыв «Меню па русски». Отдельные магазины информируют об уценках тоже на русском языке.

— Одна из газет правого толка пыталась поднять шумиху, что Тригород русифицируется, — говорит Антоний Павляк, пресс-аташе президента (мэра) Гданьска. — Мы позвонили депутату городского совета от «Права и справедливости» Гжегожу Стшельчику с просьбой прокомментировать это. А он отреагировал так: «Какая русификация? Это бизнес».

Жители Калининградской области всё чаще пользуются авиарейсами, проходящими через гданьский аэропорт «Рембехово». Ночуют в гостиницах, посещают спа. В начале апреля в Калининграде проходила туристическая ярмарка, туда привезли предложения почти сто польских фирм.

— Русские — очень хорошие клиенты, за них есть смысл побороться, — подчеркивает Мирослав Вавровский, менеджер гостинично-рекреационного комплекса «Долина Шарлотты» возле Слупска.

Студентка Дарья Шиян: «Недавно я летела с аэродрома в Гданьске до Парижа. Цены билетов — в три раза ниже, чем в России. 2 мая мы с Алешей летим из Варшавы в Рим».

Антон Захаров привез в Гданьск отца, который постоянно живет в глубине России, в Красноярском крае. Гости купили немного всякой мелочевки, но в первую очередь хотели порадовать глаза красотой Старого Города, заскочить в хороший ресторан. Антон — актер калининградского театра. Недавно играл роль Ивана Бездомного в «Мастере и Маргарите» Булгакова. Он рассчитывает на развитие культурных контактов Гданьска и Калининграда.

■ Сравнение цен

Две журналистки «Газеты выборчей» в один и тот же день произвели аналогичные закупки в Гданьске и Калининграде. Они положили в свои корзинки по 11 товаров из калининградского супермаркета «Виктория» и гданьского супермаркета «Carrefour» («Перекресток»). Магазины обеих этих сетей похожи. Цены указаны в злотых.

Наименование товара	«Виктория»	«Carrefour»
Сахар (1 кг)	3,32	3,45
Молоко (1 л)	3,84	2,09
Апельсиновый сок (1 л)	6,29	3,35
Молочный шоколад (1 плитка)	3,67	1,99
Подсолнечное масло (1 л)	6,85	5,29
Копченая свиная грудинка (1 кг)	28,50	10,99
Мандарины (1 кг)	6,13	2,99
Апельсины (1 кг)	4,57	2,69
Помидоры (1 кг)	7,27	5,49
Пепси (2 л)	6,54	4,36
Виски Johnnie Walker Red Label (0,7 л)	167,50	63,99
Итого	244,51	106,68

Средние заработки в Калининграде составляют 1,5-2 тыс. зл. Средние заработки в Гданьске — около 4 тыс. зл.

gazeta WYBORCZA DF

Эва Зюлковская

Я РОДИЛСЯ В ОЛОНЦЕ

В семейном альбоме хранится снимок 1902 г. — на коленях у няни-карелки сидит улыбающийся годовалый мальчик. Это Витольд Пилецкий. Немногим известно, что этот выдающийся поляк, организатор движения сопротивления в концлагере Аушвиц (Освенцим), которого считают одним из самых смелых участников Второй Мировой войны, появился на свет в карельском Олонце, где его отец Юлиан Пилецкий по окончании Лесного института в Петербурге работал в должности старшего ревизора в Лесном департаменте министерства государственных имуществ.

Сейчас согласовывается вопрос о том, как почтить память ротмистра Витольда Пилецкого в Олонце. Уже в этом году памятник ему должен появиться на пересечении центральных улиц города — Урицкого и Ленина. Инициатива польских диаспор Петербурга и Петрозаводска встретила понимание и доброжелательное отношение как в министерстве культуры Республики Карелия, так и в администрации Олонецкого района. К работе над памятником приступил петрозаводский скульптор Людвиг Давидян.

Ротмистр действительно был личностью необыкновенной: стойкий солдат, земледелец, общественный деятель и немного художник. Род Пилецких происходил с Новогрудчины (ныне Белоруссия). Витольд Пилецкий родился 13 мая 1901 года. Он писал: «Деды мои активно участвовали в восстании 1863 года. Последний из них, Юзеф Пилецкий, был сослан в Сибирь, его имения в Лидском и Новогрудском уездах были конфискованы, а детям его, и моему отцу в том числе, затрудняли пребывание в стране. Потому-то и родился я в Олонце Олонецкой губернии от отца Юлиана и матери Людвики, урожденной Осецимской. Там я жил до девяти лет».

В 1910 г. мать вместе с детьми переехала в Вильно. Там Витольд учился сначала в торговой школе, затем в гимназии им. Иоахима Лелевеля. Одновременно он участвовал в скаутском движении. В декабре 1918 г. в рядах 1-й Виленской харцерской роты он защищал Вильно от немцев, а также от большевиков, с которыми полтора года спустя сражался на подступах к Варшаве.

В межвоенный период он окончил кавалерийскую школу подхорунжих в Грудзёндзе, был офицером запаса Войска Польского. Как землевладелец успешно хозяйствовал в семейном имении Сукурче близ Лиды. Преданный своей семье, он посвящал много времени воспитанию детей — Зоси и Анджея. Был увлеченным общественником, помогал бедным, основал земледельческое общество и молочную ферму, организовал Школу подготовки кавалеристов, а также участвовал в Союзе польского харцерства. Он находил время и для своих художественных увлечений — живописи, рисунка и поэзии. Две картины его кисти доныне украшают костел в Крупе, в Белоруссии.

Эту спокойную жизнь резко нарушило начало Второй Мировой войны. В сентябре 1939 г. Пилецкий вначале командовал кавалерийским эскадроном 19-й пехотной дивизии в окрестностях Пётркува-Трибунальского, а затем стал заместителем командира кавалерии 41-й запасной пехотной дивизии, которая направлялась на юго-восток страны. После разгрома дивизии немцами ему удалось пробраться в Варшаву, где он был одним из организаторов Тайной Польской армии, со временем влившейся в СВБ-АК*. В 1940 г. во время уличной облавы он добровольно дал себя арестовать и вывезти в концлагерь Аушвиц под конспиративным именем Томаш Серафинский. В колонне его прогнали через ворота с надписью «Arbeit macht frei». Он стал заключенным №4859. Испытывая ад на земле, он занимался организацией подпольных структур в лагере. Главной целью созданного им Союза военных организаций было передавать на волю информации об условиях жизни и положении в лагере, а также пересылать известия узникам и поддерживать их дух. Позже он вспоминал: «Мы ежедневно всеми силами боролись за то, чтобы в трубу [крематория] ушло как можно меньше польских жизней, и день иногда казался годом». Именно Пилецкий в одном из донесений первым

предал гласности, что немцы в Аушвице испытывали применение «циклона-Б» в газовых камерах на советских военнопленных.

Опасаясь раскрытия, в 1943 г. Витольд Пилецкий предпринял отважную попытку побега, и после недолгого пребывания в Висниче ему удалось добраться до Варшавы. Составленное им донесение из Освенцима, «Рапорт Витольда», было передано в Лондон. Сам же он приступил к службе в диверсионном командовании АК, где был повышен в звании до ротмистра. В период, предшествовавший Варшавскому восстанию, он начал создавать тайную организацию политически-военного характера «НЕ» — «Независимость». Командовать ею было доверено полковнику Эмилю Фильдорфу «Нилу». В августе 1944 г. «Витольд» сражался в 1-й роте «Варшавянка» и командовал отрядом в группировке «Хробрый-II», упорно обороняя один из редутов повстанцев.

После поражения восстания он был в плену в лагерях Ламсдорф и Мурнау. Позже вступил во 2-й Польский корпус генерала Владислава Андерса, располагавшийся тогда в Италии. В качестве офицера разведки он предпринял, кажется, свою самую трудную и наверняка самую трагическую по последствиям миссию. В конце 1945 г. он нелегально вернулся в страну. В Варшаве устроился на работу кладовщиком в строительной фирме. Собрав вокруг себя группу доверенных лиц, он начал сбор и передачу в Италию информации о политической ситуации в Польше, о терроре, репрессиях по отношению к солдатам и офицерам подполья, боровшимся за независимость, общественных настроениях. Несмотря на предостережения и приказ уехать из страны, Пилецкий решил продолжать свою деятельность. Он был арестован 8 мая 1947 г. и посажен в X корпус Мокотувской тюрьмы. Несмотря на жестокие пытки, он делал всё, чтобы снять обвинения со своих соратников, которых тоже арестовали и отдали под следствие. В военном трибунале в ходе процесса группы «Витольда» ротмистр Пилецкий был обвинен в шпионаже в пользу 2-го корпуса, сотрудничестве с иностранной разведкой, подготовке покушений на функционеров госбезопасности и нелегальном хранении оружия. За «преступные деяния» он был приговорен к смертной казни и убит 25 марта 1948 г. на Раковецкой** выстрелом в затылок. Семье тело не выдали. Его похоронили тайно, вероятно, под стеной Военного кладбища на Повонзках в секторе Л, где теперь стоит памятник, посвященный «Политическим заключенным, боровшимся за независимость Родины, невинно казненным в Варшаве в 1945-1956 гг.». В 2012 г. Институт национальной памяти начал эксгумационные работы с целью установить личности покоящихся там жертв на основании кодов ДНК.

Попытки добиться отмены приговора, а позже реабилитации, предпринятые близкими, матерью, женой и детьми, встречали решительный отказ. Для коммунистической власти он до конца остался «врагом народа и Народной Польши». Только 1 октября 1990 г. Военная палата Верховного суда отменила приговор по делу Витольда Пилецкого, пять лет спустя он был посмертно награжден Командорским крестом ордена Возрождения Польши, а 30 июля 2006 г. — орденом Белого Орла.

Пять лет тому назад, в 60-ю годовщину смерти Витольда Пилецкого, польский Сенат принял специальное постановление по вопросу о восстановлении в коллективной памяти поляков этой героической личности, до того времени известной, по большей части, историкам и всё более малочисленному кругу товарищей по оружию. Институт национальной памяти открыл специальный сайт в интернете и выпустил стостраничный альбом.

В этом году память о человеке редкостной смелости и отваги, для которого самоотверженная служба Родине на всем протяжении жизни, невзирая на обстоятельства, была наивысшей ценностью, будут чтить и в России.

---

* СВБ-АК — Союз вооруженной борьбы (польск. Związek Walki Zbrojnej, ZWZ) — основная организация польского Сопротивления 1939-1942 гг. Целью СВБ являлось восстановление независимости Польши. 14 февраля 1942 г. СВБ был реорганизован в Армию Крайову (АК). — *Пер.*

**На Раковецкой ул. в Варшаве находится Мокотовская тюрьма. — *Пер.*

Эльжбета Савицкая

УРОКИ ИНОГО ПАТРИОТИЗМА

А может быть, и Матейко иногда хотелось написать что-нибудь «неангажированное»? Барочников на Висле, женщин в голубых платьях на зеленой траве? Может быть, но у него не было на это времени.

Июль 1991 года. Середина лета, Варшава приятно опустела. На улице Гурского рядом с Новым Святом тоже пустовато и тише, чем обычно. Тадеуш Конвицкий в своем «убежище» пишет «Вечерние зори».

Он занят, но согласился дать интервью «Жечпосполитой».

Мы разговаривали о многих вещах. О положении литературы после смены государственного строя в Польше, об интеллектуальной элите, которая метит в пророки и отцы народа. О новом издании «Болот», об отношении молодого поколения к ветеранам. О национализме — грозное это явление или нет в Польше Anno Domini 1991. О нелюбимом автором «Вознесения» понятии «нравственного авторитета» («есть в нем какая-то агрессивность, какое-то принуждение слушаться кого-то, зависеть от кого-то»). Писатель признался, что цепенеет от досады и стыда, когда кто-нибудь наделяет его таким званием.

— Скажу вам по секрету, что я открещиваюсь и от патриотизма, — сказал он мне тогда. — И часто стараюсь подчеркнуть, что я никакой не идеальный патриот. Я говорю это очень деликатно, чтобы никто на меня не шикнул, но стараюсь избавиться от так называемых патриотических чувств, потому что не понимаю, что такое любовь к родине.

Я была поражена. Автор «Польского комплекса» и «Малого апокалипсиса» не знает, что такое патриотизм? Солдат Ошмянской бригады Армии Крайовой, а затем участник антисоветского партизанского движения на Виленщине не понимает, что такое любовь к родине? Писатель, которого Мария Янион назвала продолжением и жертвой романтической традиции, не знает, что это?

— Я не знаю, что такое любовь к родине, — уверял автор «Бохини» и режиссер кинофильма «Лава. О «Дзядах» Адама Мицкевича». — Влюбленность? Восторг при виде пейзажа, но только до границы данного государства, а дальше нет? Или волнение при виде толпы, идущей улицами Варшавы? Я понимаю, что можно любить женщину, испытывать привязанность к другу. Но патриотической любви я не понимаю. Я считаю, что к этим вещам надо относиться более сдержанно. Достаточно быть лояльным по отношению к своему окружению и обществу.

Со времени того нашего разговора прошло больше двадцати лет. Но я до сих пор слышу слова Конвицкого:

— Я думаю, что достаточно быть порядочным и лояльным. Потому что эротические чувства — это своего рода возбуждение, которое может лишить здравого рассудка.

*

Весна 2006 года. «Читаю, ищу, иду по следу» в «Газете выборчей». Катажина Яновская и Петр Мухарский разговаривают с Анджеем Вайдой. Начинают с темы истории:

— Для вашего поколения богом была история. Сегодня молодежь ею не интересуется. Не обязаны — или всё-таки должны?

Вайда неожиданно начинает с Матейко. В общем-то, ничего удивительного. Ведь он закончил краковскую Академию художеств имени Яна Матейко. Правда, в его время ею руководили профессора, воспитанные в Париже на импрессионизме. Их восхищал Сезанн, а не «Прусская дань» («Присяга Пруссии на верность Польше») или «Ян Собеский у стен Вены».

Матейко считал, что только история Польши — увиденная, конечно, с точки зрения побед, а не поражений — достойна кисти художника. Более того, он был убежден, что изображать славные страницы нашей истории — это святая обязанность художника.

В 1874 г. он обращался к студентам Школы художеств: «Не будем забывать, господа, что у нас, в сущности, два отечества — искусство и страна. (...) Искусство — наше оружие, отделять искусство от любви к родине нельзя! Искусство — это не только служение родине, но и обязанность, жертва...»

Десяток с лишним лет спустя, открывая очередной учебный год, он предостерегал: «Что может позволить себе заграница, тому нам следовать нельзя!» Нельзя пускаться на эксперименты. Он отозвался резко критически о «Празднике труб» («Рош ха-Шана») Александра Герымского: «Вещь эта — повседневная, банальная, бездумная, а природа передана с точностью почти фотографической». Путем, который выбрал для себя Герымский, он не советовал идти никому.

Матейко, создатель «Грюнвальдской битвы» и «Стефана Батория под Псковом», художник, который отказался от выгодной должности директора в создающейся Академии художеств в Праге и за жалкие гроши учил студентов в Кракове, без сомнения, был благородным человеком и искренним патриотом.

Но не случается ли порой так, что патриотические очки притупляют остроту зрения?

*

Вернемся к Анджею Вайде.

В разговоре с Яновской и Мухарским режиссер «Канала», «Лётной», «Пепла и алмаза», «Пепла», «Человека из мрамора» и «Человека из железа» (фильм «Катынь» предстояло снять уже через год) с оттенком самоиронии говорил:

— И вдруг оказалось, что я закончил Академию художеств им. Матейко для того, чтобы стать Матейко польской кинематографии. Видимо, была потребность в том, чтобы обращаться к истории.

Он еще раз сослался на создателя «Грюнвальдской битвы»:

— Профессор Яцек Возняковский вспомнил когда-то слова Матейко, который как раз вернулся из Парижа, где видел уже новую живопись: «Я тоже хотел бы рисовать женщин в голубых платьях на зеленой траве, но у меня нет времени».

У самого Вайды было, к счастью, достаточно времени, чтобы снять «Березняк», «Барышень из Вилько» и «Хронику любовных происшествий».

Журналисты спросили у него также, можно ли сегодня снять патриотический фильм. Режиссер не утверждал, что не знает, что это такое. Не ставил под сомнение самого понятия, но некоторое неодобрение все-таки выразил:

— Мне не по душе сегодняшние спекуляции вокруг патриотизма. Я пережил оккупацию, видел людей действительно преданных, смелых, готовых пожертвовать всем. Они были патриотами, но не набивали цену патриотизму.

В конце режиссер заявил, что не принимает патриотизма, который боится конфронтации. «Патриот должен быть с теми, кто создает Европу. Такой фильм я бы с удовольствием посмотрел».

С того разговора прошло семь лет. Был ли снят такой фильм? Кажется, нет.

Милош Беджицкий

Перевод Игоря Белова

СТИХОТВОРЕНИЯ

***

я — ночь, которая никак не закончится
горячая и сухая, аж перехватывает горло
мягкие стены, обитые слизью и пылью

я — метровой высоты надпись ИЛАВА ЦЕНТРАЛЬНАЯ
трупный блеск натриевых фонарей
яростный гул лампы дневного света

я — мычание хипаря, клянчащего
трёшку на стакан чая,
дескать, мусора только что отпустили

я — этот мусор на перроне вокзала
с красными от недосыпа глазами
с головой, пристегнутой к форменной куртке

я — стальная река под мостом
я — грохот поезда, наседающего на каркасы моста
я — ртутный туман, просыпающийся в полях

я — вырванное с треском окно, я — путешествие, что ничему не учит,
я — вырванное окно, через которое просачивается
туман, я перестук колёс, ночью, в дороге

Paulina Zielona

***

Добрый вечер, моя фамилия Мицкевич, и я
белорус. я первый в Польше начал писать как О'Хара,
но потом всё смешалось, собственная жена стала для меня
предметом мебели. только что
я думал о том, чтобы слиться с
толпой недоучек, затаптывающих площадь Согласия
кроссовками «Прощай, молодость». собственная спесь разоблачила меня и
насмеялась надо мной.
только что я думал о том, чтобы слиться с
космическим хором Вселенной, духовным свершением,
воплощённой святостью. я стал мистическим капралом
призрачных параноиков, просиживающих ночи
за пластиковыми пузырями вина по шесть франков
перед тем, как в шесть утра среди других нелегалов отправиться пахать на стройку

собственно, литературу я бросил, иногда травлю байки
о Польше, публике нравится, мне за это платят
собственно, литературу я бросил. что-то висит в воздухе,
некое ожидание, когда я прикрываю глаза,
вижу сквозь дрожащий от жары воздух красную
потрескавшуюся оболочку земли, серые от пыли быки
тянут большую деревянную повозку,
я несусь по прохладным тропинкам Манали с партией
гашиша за спиной, джип, доверху набитый контрабандным оружием,
с трудом взбирается в гору, поросшую влажными джунглями,
и вслед ему равнодушно смотрят мальгаши, эти чернокожие китайцы.

ночью меня будит бой барабанов и визг турецких дудок
в молчании я пялюсь в потолок, словно я должен был куда-то ехать,
словно я должен был сдохнуть от СПИДа, словно когда-то парил над землей,
а теперь от меня летят клочья.

Ашьлоп*

Ашьлоп — это такой, типа, скандинавский город
я здесь проездом, правда, застрял немного
просто министры сельского хозяйства,
усевшись на бидоны с молоком,
перегородили все дороги.
мне уже рассказали о местных
знаменитостях — Дивроне и Чивежуре.
я любил здешних девушек,
полиция пару раз гоняла меня по этим тротуарам.
жители от души уговаривают остаться.
обещаю вам, куда б меня ни бросила судьбина,
всегда буду помнить
Ашьлоп.

* Слово «Польша», написанное наоборот. Точно так же в стихотворении «зашифрованы» фамилии классиков польской поэзии — Циприана Норвида и Тадеуша Ружевича. — *Пер.*

***

нет ничего опаснее воздуха, предупреждают учёные
100% наркоманов начинали с того, что вдыхали воздух.
от восьми до двенадцати раз в минуту, двадцать четыре
часа в сутки. всего лишь несколько вдохов
вызывают зависимость. сначала вдруг захлебнутся
первым криком, потом не смогут без этого жить.
кокс, опиаты, идеи, автомобили, чувство
превосходства, чувство обиды — лишь вопрос времени.
ворота открыты. не будет пути назад.

некоторых наркоманов, представленных в программе,
уже нет в живых. вчера всю ночь с гор веял фён,
кто-то из старых наркоманов, вдыхающих воздух,
умрёт от инфаркта. назад пути нет. не все должны
болеть СПИДом и попрошайничать: ложка над огоньком
газовой горелки — изысканный деловой ужин в отеле -
уютный вечер в кругу семьи, у телевизора -
горячий сухой ветер гонит октябрьскую листву
серединой проспекта -

Короткое дуновение

Это весьма неожиданно — когда ты говоришь со мной
по телефону, и в этот момент меня обвевает твоим запахом.
Хотя ты едешь в поезде, далеко отсюда.
С каждой минутой
поезд, идущий из пункта А, приближается к пункту Б.
И прозвучало бы стильно, если бы я сказал, что с каждой минутой
все сильнее доносится до меня сквозь телефон твой запах.
Но это длится не больше минуты. Как шквал.

Что я могу вам сказать

Что я могу вам сказать.
Ситуация, конечно, не совсем обычная.
Люди прямо вот так стихами сами с собой на улице не болтают.
Из окна автобуса видны одни надписи на остановке,
из окна автомобиля — другие. Худому толстого не понять,
всех его заморочек с покупкой одежды и вечной одышки.
Но пока толстяк сбрасывает вес,
доходяга может коньки отбросить.
Ехать сквозь метель, сквозь туман, как в тоннеле,
глядя на мир через надышанный кружок оконного стекла.
Ехать через песчаную бурю, которая прокатывается
поперёк параллели.
Люди так сами с собой не беседуют. При случае,
скорее, попробуют на зуб, обнимут, похлопают по карманам
друг друга, словно самих себя.
Ехать сквозь волнующиеся полотна дождя
с вопросительным знаком вместо головы.
С испанским перевёрнутым вопросительным знаком,
открывающим фразу заодно с дорогой, проложенной в тоннеле из инея.
С точкой в пункте пересечения параллельных линий -

Реализм: домой с работы

эмалированное, чёрное небо лишь на секунду
открывает пасть, молниеносно обнажая
сухожилия нёба, и сразу опять темно
грохот, словно едут телеги с камнями, и ветер

первые капли увлеклись гимнастикой -
скачут с листа на лист широкого тополя,
трепещущего на ветру. пока не упадут
на асфальт проспекта, не разобьются, брызнув,

приняв форму звезды, одной из тех, что не успели сегодня
загореться там, наверху. ветер окрыляет
бегущих, наполняя собой паруса их лопаток и плеч.
жму на педали, опять назад

голову наклонил — упёртый баран -
ветер, запутавшись в полах куртки,
пробегает вдоль уставшего
позвоночника, холодит сердце в клетке -

Удивлённые глаза

профессия: прижиматься.
потным телом.
жажда новых открытий,
немеркнущее пламя.
то полыхает, то еле мерцает.
«блин, вы когда-нибудь ели икру,
какая она на вкус?»
«ел я икру, на теплоходе, в России,
охренеть можно» говорит один
«тыща восемьсот за кило,
не отстегнул бы, даже если бы выиграл
в спортлото, лучше уж бутер с тунцом,
просекаешь?»
отвечает другой.

Свежие белоснежные простыни

Современные женщины покупают порошок «Ланза»
Хорошие девушки отправляются в рай
Моя девушка, к счастью, отправляется, куда хочет
Иногда идёт снег в апреле
Иногда чувствую себя отбросом
Иногда снег падает на балконы в апреле
На свежие белоснежные простыни

Бригада, кризис*

я — смс на твоём экране
а ты на моём
ты закрываешь глаза и спишь
крутится чёрная пластинка
эй! что тебе снится
чёрный альбом на компакте сидение дома
проснись проснись
чёрный альбом на кассете поездка в автомобиле

и я говорю — на кассете то же самое, что на компакте
и ты говоришь — ну конечно, совсем не одно и тоже
и я говорю — ну конечно, одно и тоже

с минуту касаемся мы друг друга
потом ты закрываешь глаза и едешь во сне
я закрываю глаза и сижу и сплю.

* «Brygada Kryzys» — легендарный польский панк-рок-ансамбль. «Чёрным альбомом» (как бы в противовес «Белому альбому» «The Beatles») из-за соответствующего оформления обложки принято называть первый студийный альбом группы, выпущенный в 1982 году. — *Пер.*

Лешек Шаруга

РЕАЛЬНОСТЬ НЕСУЩЕСТВУЮЩЕГО

Когда во второй половине 80-х в Кракове появился новый самиздатский журнал «бруЛьон» («черновик»), вокруг него образовалась компания молодых писателей, среди которых были Ольга Токарчук и Мануэла Гретковская, Мартин Светлицкий и Мартин Баран, Роберт Текели и Милош Беджицкий. Довольно скоро, после нескольких скандальных публикаций, каждый из этих авторов пошел своим путем, но кое-что их объединяет (пусть и не всех, конечно): сознательное отчуждение от так называемого романтического наследия польской литературы. Последнее вовсе не означает их отказа от родства с такими фигурами, как, например, Адам Мицкевич, что абсолютно верно уловили в своей книге, посвященной этой литературной группе, Изольда Кец и Рафал Групинский, утверждавшие, что автор «Дзядов» стал для этих писателей «законодателем и духовным вождем» в их попытке обрести, не давя на жалость, «собственный взгляд на вещи, выражая его языком пророка, каковым и был Мицкевич – мистик и визионер».

Милош Беджицкий (г.р. 1967) дебютировал в 1993 г. поэтическим сборником «*». Он же в свое время создал одно из самых нашумевших стихотворений переломной эпохи – «Ашьлоп»:

Ашьлоп - это такой, типа, скандинавский город
я здесь проездом (...)
обещаю вам, куда б меня ни бросила судьбина,
всегда буду помнить
Ашьлоп.

«Ашьлоп» – это слово «Польша», написанное в обратном порядке. Польша, перевернутая с ног на голову и полностью перелицованная, своеобразный негатив привычной польской действительности, и в то же время Польша по-своему идеально-универсальная, вроде бы страна как страна, а отношение к ней особое: «всегда буду помнить». Это, разумеется, провокация, как и первые строчки другого стихотворения Беджицкого:

Добрый вечер, моя фамилия Мицкевич, и я
белорус. я первый в Польше начал писать как О'Хара,
но потом всё смешалось

Самое важное здесь – вот это «но потом всё смешалось», эдакая метаморфоза или – как сказано в стихотворении «Быть может» из книги «Софострофа» (2007) – «духовная оговорка». Но и других «оговорок» в этих стихах хватает – и прежде всего игры слов, призванной, с одной стороны, продемонстрировать лингвистическую ловкость, а с другой, и это не менее важно, втянуть читателя в эту игру с миром, которая всегда затевается на границе реального и несуществующего, и предлагает выбор между теми возможностями, которые формирует комбинация экзистенциального опыта и воображения, телесности – а в этих стихах она выступает как выразительница чувственного опыта – и медитативного освобождения от таковой. Впрочем, здесь отчетливо сказывается увлечение автора поэтикой авангарда, в первую очередь распространенным во второй половине XX столетия неодадаизмом. К авангардистским приемам относится и частое обращение автора к повседневным ситуациям, банальным лишь на первый взгляд, – и уж тут, без сомнения, Беджицкий явно идет по следам «нью-йоркской школы», прежде всего того же О'Хары.

Яцек Денель

Перевод Ольги Лободзинской

САТУРН, или МРАЧНЫЕ КАРТИНЫ В ЖИЗНИ МУЖЧИН ИЗ РОДА ГОЙИ*

(Глава из книги)

говорит Хавьер

Я присматривался к нему еще в колыбельке и позднее, когда он уже начинал ходить. «Куда ты лезешь, — еле слышно шептал я ему или бормотал про себя, — куда ты лезешь, глупышка? И в самом деле хочешь погрязнуть в этой мерзости, ходить как лошадь в приводе, где отец отравляет жизнь сыну, сын — внуку, внук — правнуку, каждый на свой лад, всё ловчее. И в самом деле хочешь продолжить череду страданий»? И вот, пожалуйста, — дифтерит. Неглупый малыш.

А всё же та маленькая смерть причинила мне боль. И неизменно отзывалась во мне, когда я вставал с постели или отходил ко сну, за работой, коей предавался я от случая к случаю, за обеденным столом, или же случись мне внезапно проваливаться в дрему, а потом неожиданно стряхнуть ее с себя, равно как и тогда, когда я чувствовал, будто что-то вцепилось мне в волосы и тащит меня к краскам и кистям — в каждую из таких минут та маленькая смерть пульсировала в моем теле, словно торчала в нем заноза или застрял осколок снаряда.

Это не была скорбь — я не успел к нему привязаться, а то, что второе имя дали ему в мою честь, для меня мало что значило — дело скорее в осознании, что посмеялся он над всем и вся, нашел выход из положения, бросил свой белый камешек в черную стоячую воду смерти. А мне, когда я был таким же, как он, — маленьким как личинка, розовеньким, пускающим слюни, нелепо шевелящим пальчиками, следящим глазами за чем попало, — мне это не пришло в голову.

Насколько же проще оказалась бы моя жизнь — несколько дней, недель, а возможно, и месяцев, уготованных для работы кишок. Я бы даже не знал своей семьи, оказался бы глух к словам близких, а они — глухи к моему гулению. Никаких жен, отцов, собственных детей, никаких романов и холстов, никакого имущества, я бы ничего не покупал и ничего не продавал — всего-навсего бренная кишка, что попереваривала бы себе, попереваривала и сдохла. А вместе со мной исчез бы и Мариано, и Марианито, и еще немало людей, которым из-за моего неосторожного выживания ничего не оставалось боле, как появиться на свет.

Я покрывал стены краской и за работой завидовал ему. И размышлял: как бы всё сложилось, будь я таким же, как он. Я бы не стоял возле стены, не накладывал широкой кистью на нее краску, а преспокойно лежал бы себе в гробике. Личинки кишмя бы

* От переводчика: повествование ведется от имени Франсиско Гойи, его сына Хавьера и внука Мариано)

кишели в моем мясе, червяки протискивались сквозь глазницы, сороконожки сновали среди крохотных косточек. И никого бы не интересовало, на кого я похож, а сам я не передавал бы сходства родителей и дедов детям и внукам, поскольку походил бы всего лишь на иные истлевающие тела, на всех своих братьев и сестер: Антонио, Эусебио, Винсенте, Франсиско, Эрменхильду, Марию де Пилар, которые, будто сластями, объелись ядовитыми цинковыми белилами.

Не скажу, чтобы я красил стены ежедневно. Такой нужды нет, я не с этого живу. Бывают и выходные. Начинаются они так же, как и дни рабочие: я встаю с постели, и заканчиваются точно так же: я ложусь в постель. И никогда не залеживаюсь в своем логове, уставившись в стенку. Насмотрелся я уже на стены — и тогда, много лет назад, разглядывая потрескавшуюся беленую штукатурку над супружеским ложем счастливых молодоженов Хавьера и Гумерсинды, и теперь, рассматривая вблизи то, что через минуту погибнет под краской: гладкие и шершавые участки, бугорки и поры, в которые проникнет и которые запечатает блескучая влажная зелень. Что же тогда, если не залеживаться в ворохе помятых простыней и не пялиться на стену? Конечно, я бы мог, как старик, возиться в земле, присматривать за артишоками, охотиться на зайцев и птиц. Если б я занялся садом и огородом, если б прикрикивал на садовников и рабочих, велел им копать рвы, наводнять, сооружать фонтан, сажать шпалерами деревья, Мариано пришел бы в восторг.

А я лишь прохаживаюсь. В прогулках немало радости, она ни к чему не принуждает, даже когда так тепло, как в последнее время, когда человек еле дух переводит и вспотеет немного. Может, я и не понимаю прихотей старика и молодого, эдакого подчинения себе земли — вскапывания, высаживания, выращивания, — зато понимаю радость, когда обхожу свои владения. Моя земля, у меня на нее есть бумага. Чужаку я могу сказать: сойди с моей земли. Топчешь ее, а я этого не желаю. Я могу ходить по ней с палкой в руке, размахивать этой палкой, заглядываться на прачек на берегу Мансанарес, обозревать поля и город, сверкающий на солнце вдали как раскаленная глыба известняка.

В такие дни никто не приходит. Вообще никто не приходит, даже в рабочие дни, а если и придет, то и так на пороге стоит Фелипе и уведомляет, мол, сеньора нет дома или же он занят, на том и конец; и я могу себе красить дальше, разве что наведается Мариано или Гумерсинда — тех нужно уважить. Оторваться от стены, сойти с лестницы, отложить кисть, вытереть руки. И следить, чтобы не дотрагивались до покрашенного, лучше всего не пускать их в новое крыло или на первый этаж, или наверх. Но в выходные отваживать некого, решительно некого, будто все в тот день отдыхают от Хавьера Гойи, будто устроил он выходной для всего мира, а мир — для него. Тогда я могу бродить по пригоркам и полям, разглядывать ящериц и пожухлые травы. И камни. У половины камней есть свое лицо, люди, конечно, стесняются признаться в этом, в детстве они их различали, а потом стали стыдиться. У остальных камней тоже есть лицо, только оно спрятано глубже, как и у людей, — ведь не все же открыты. Поэтому я удивился, когда в выходной день пришел этот человек, я уже был после прогулки и обеда, как раз вставал из-за стола и готовился к сиесте.

Он вошел, запыхавшись, даже не отрекомендовался, только вытащил из подмышки большой сверток. «Вот эти письма!» — сказал он так, будто представил мне некое доказательство, будто вынес мне приговор или провозгласил непреложную истину. Посему я и спросил, что это за письма, какие письма, чьи письма.

«Как это какие? Как это чьи? Вашего папаши к моему дядьке!» А сам глядит на меня и глазками хлопает, хлоп-хлоп. Ибо снова провозгласил. «Простите, — говорю ему, вытирая руки о салфетку, — с кем имею честь?» А он снова этим своим оповещающим тоном, как герольд или как Тирана* с театральных подмостков: «Франсиско Сапатер и Гомес, племянник Мартина Сапатера!»

И в самом деле, припоминаю, был такой Сапатер, умер лет тридцать назад, случалось, приезжал к нам, чтобы со стариком поохотиться. Отбывали они на пару дней, направляясь то в одно место, то в другое, а постреляв, разъезжались по домам, отец — в Мадрид, а тот — в Сарагосу.

«Неужто вы своих не читали? — спрашивает он и снова помаргивает, удивившись. — Как это чего? Да писем! Моего дядьки вашему папаше. Наверняка где-то лежат. Либо здесь, либо в Мадриде, потому как я знаю, что у вас в Мадриде тоже дом имеется, я уже там был, меня сюда ваша жена прислала. У меня есть мои, то бишь от вашего отца, а у вас — свои, то бишь от моего дядьки. Если только он не уничтожил. Мог уничтожить? Перед смертью-то? Может, уничтожил? А может, вы сами уничтожили? Потому как мои у меня имеются. Только что с ними делать? Уничтожить?»

Уж больно был он непоседлив, тараторил без умолку, к тому же нескладно, хлопал глазами, брызгал слюной, трясся, как мечущаяся по сцене кукла в представлении об отпущении грехов; я не мог оторвать от него глаз — то он выбрасывал руки вперед, то корчился, то растопыривал пальцы, то сжимал их в кулак... Столько движений этот дом не видывал со дня свадьбы Мариано.

«Уничтожить? — говорю ему. — Во имя чего?» Но он явно не понимает, открывает и захлопывает рот, молотит воздух руками, ёжится как от холода и тут же распрямляется: «А вы что, не читали? Так почитайте, не сочтите за труд, уладим как мужчина с мужчиной!» И сверток с письмами разворачивает, ищет какое-то, видно, знает их прекрасно, не раз перебирал. «Вот, извольте-с! И еще это! И это! Извольте-с!» — и он разложил их передо мной, вокруг тарелки и стакана, вокруг блюда с четвертушкой курицы, покрыв ими весь стол, за которым еще минуту назад я обедал. Пальцем показывал места. Одним из писем прикрыл большую каплю оливкового масла, которое теперь впитывалось в бумагу, разливаясь большим, идеально круглым пятном.

говорит Франсиско

+ О Господи что за набалдашник Боже Всемогущий! Ты наверно абрисовал его пером представляя себе Деву Служебницу потому как если нарисовал от руки то ты прирожденный живописец и одному Господу известно что как святой заслуживает двух свечек так и он заслуживает того чтоб его вставили в рамку. Жалко что его не покажеш людям чтоб каждый мог испробовать а дамулька какой он больше всего подойдет могла б его у себя попридержать подольше. Что может быть лучше чем писать портрет воздымающегося богатыря никто ведь не будет атрицать что без него миру крышка

+ А я как раз дописал одежды и крест из самоцветов на портрете Коровы и еще сегодня принялся за твой. Ты поди смеялся читая мое последнее письмецо жалко что тебя здесь нет, вот уж бы мы с тобою дали волю языкам! А так можеш спать себе спокойно никто тебя не потревожит никто не будет точить балясы потому как и у меня в последнее время языкоблудия кот наплакал что меня удручает ибо я предпочитаю твое общество а не совать обалдуя в птичье гнездышко — удовольствие ниже среднего чего уж тут говорить.

Палку тебе в глаз! Твой Франчо боготворит тебя без памяти

+ Мой дорогой Мартин в письмах твоих — моя апора и если б не абязанности живописца взял бы я да и уехал к тебе потому как тоскую по тебе не могу думать ни о ком другом и чую что надо

* Популярная актриса Мария дель Росарио Фернандес (1755-1803), называемая в народе Ла Тирана. Ее портрет кисти Гойи считается одним из его лучших женских портретов.

нам уже навсегда быть вместе, на пару ахотиться пить шоколад и с радостью промотать все двадцать три реала каковые у меня при себе вот было бы здорово (но какими же бездельниками мы бы заделались!) и то сказать — всё что мы можем зделать это только сгорать от желания и когда ты пишеш мне в таком духе я подолгу хожу распаленный, разговариваю сам с собою как будто с тобой пока наконец не понимаю что скорее всего я абманут и Провидение против нас (мне также кажется, что двадцати трех реалов не хватило бы на наши благие намерения).

+ Дорогой Мартин как я рад что ты себя ублажаеш, я как тебе известно только того и хочу и ничего больше не скажу поскольку ты и так хорошо понимаеш и сие и много чего другого и незачем расписывать. Как бы мне хотелось взглянуть на твои угодья которые уже наверно зазеленели. Хорошо бы нам по воле Господней встретиться.

+ С Богом, твой верный друг Франсиско де Гойя.

+ Сколько же страсти в твоем последнем письме! Видно что всё это ты придумываешь на ходу как и я в своем художественном воображении, и дальше пиши мне так! Пришли мне счет за Сестрицу мою ты старый Дьявол я его так долго жду что если б не знал что ты прогневаешься уже давно бы вернул всё что она взяла у тебя с тех пор как ты начал ей присылать деньги и не был бы уже тебе ничего должен что меня бы асчастливило ибо когда я об этом думаю то не могу успокоиться и впадаю в такое гадкое настроение что избавляюсь от него только лишь когда рукою абслужу ширинку. Смеешься? Ха-ха попробуй, сам попробуй сразу же поймешь сколько от этого пользы ты должен себе такое зделать потому как сейчас время плохих мыслей речей и поступков по крайней мере так говорила моя тетка Лоренца которая меня таким вещам научила и должен признаться сначала я пришел в ужас и был оробевший ну а теперь?Теперь я не боюсь ни ведьм ни гномов ни духов ни злоумышленников ни колоссов ни негодяев ни пожирателей трупов и так далее ни одного тела кроме человеческого, а перед твоим Гойя преклоняется.

+ ...И я жертвую тебе всё с радостью с каковой приятель должен давать приятелю, оба мы знаем что во всем похожи друг на друга и Тот для кого нет ничего невозможного сделал нас атличными от астальных за что мы должны Его благодарить.

+ С Богом мой дорогой друг которого я так хочу стиснуть в объятьях. Твой друг Толстяк Франчо.

+ Если б я случайно не узнал что ты мой Сеньор уже почти на пути в Мадрид я бы написал досточтимому Сеньору с надлежащим почтением и элегантностью, но поскольку как только ты приедешь я лишу тебя почтения так почему бы не начать уже сейчас? А посему не мудрствуя лукаво приказываю: поскольку тебе представляется возможность сослужить мне службу, доставь сие письмо в руки асобы которая является его адресатом и сообщи мне об этом, таким образом Сеньор абрадует меня а я окажу услугу приятелю который вознаграждает меня (как водится) тысячью благодеяний. Просто-напросто: раздолье обалдуя! Поспеши мой Сеньор и появляйся потому как надобно нам пустить в ход языки. Dixi.

+ Предписание: шишка, чресла, гузно; овечки в Карабаншель, Фарлете, студенческие пелерины, а тут откуда ни возьмись — каплун.

говорит Хавьер

«И впрямь,— сказал я, — это письма отца. Его почерк. Он всегда ставил крестик в самом начале, так их учили в школе Святого Антония».

«Дядька тоже. Конечно же его. А чьи же еще? — сей человечек придвинул к столу стул, уселся и теперь вся его неугомонность, ранее находившая выход еще и в том, что он шаркал подошвами, подпрыгивал, переваливался с ноги на ногу, топтался на месте, должна была ограничиться только верхней половиной тела, и сейчас он принялся жестикулировать еще бойчее: быстрыми, резкими дви-

жениями. — Дядька тоже. Те же крестики. Взгляните-ка сюда: *негодник мой*, а здесь: *цыган сердца моего*. Или вот: *Весь твой хуанито от свадебных пиров или от голубых балконов*. А есть и похуже. Я вам всё найду, я уже всё просмотрел...».

Он выуживал всё новые и новые письма, перекапывал их, раскладывал и снова сгребал в кучу, а пальцем постукивал по листочкам так, что отзывалась дерево стола. Я поинтересовался, что он собирается с этим сделать, подождав, пока он наконец не выдавит из себя хотя бы пару разноречивых помыслов, сказал: «Позвольте мне обдумать всё в спокойствии. Надеюсь, у вас есть возможность остаться в Мансанаресе до завтрашнего дня. Я бы предложил вам ночлег, но дом, как вы видите сами, в ремонте. Я слышал, что в номерах «Под Черным Петухом» вполне приличные комнаты, что же касается кухни, я и сам порой посылаю Фелипе, чтобы тот принес от них небольшую порцию *чоризо** в красном вине. Но, если бы у них ничего не нашлось, то, вне всякого сомнения, вам что-нибудь подвернется в городе». И я отвел его, подрыгивающего, в коридор, а оттуда, неторопливо подталкивая плечом, препроводил к дверям точно так, как направляют бьющуюся о стекло бабочку в приоткрытое окно.

Письма лежали на кухонном столе так, как мы их и оставили: в беспорядке, одно на другом, вокруг тарелки, стакана, выпитой бутылки вина в плетеной корзинке и блюда с остатками курицы. Я старательно собрал их, велел Фелипе убрать со стола, а сам, держа их в руке целую стопку, прошел в залу на первом этаже и отыскал секретер отца. Чтобы добраться до него, мне пришлось стянуть на пол большую тряпку, а потом еще и отодвинуть четыре стула и маленький столик; наконец я придвинул к себе один из этих стульев и уселся за откидной доской.

Я бросил письма на запятнанный тисненый сафьян и начал укладывать их по порядку, одно за другим, почти все они имели дату, были написаны второпях, чаще всего без запятых, да и точки проставлены неохотно, словно каждое предложение могло оказаться последним, и в него следовало бы вместить всё: известие о смерти ребенка, о покупке новой коляски, о том, кто сколько подстрелил зайцев и куропаток, о заказах и заказчиках, сетования на старость, просьбу прислать бушель кукурузной муки, сплетни о том, что Байеу** услышал от инфантов о своем полотне, но, в первую очередь, деньги — вложения, ссуды, цены. Тринадцать реалов пошлины за бурдюк, четырнадцать за корсет, который мать моя сшила для тетки Сапатера, одиннадцать за пересылку, десять дублонов за пару мулов, сто одиннадцать реалов ссуды, двадцать девять за бушель ячменя.

Но только слепой мог не разглядеть, что творится между словами и даже в самих словах, изложенных ясно и понятно, открытым текстом, без недомолвок, даже если я и не догадывался, почему он называл себя Девой Служебницей или про что идет речь в случае каплуна — разве что болезнь лишила его не только слуха***? Что они делали в Фарлете и Карабаншель, что общего имели с этим овечки? Откуда вдруг у человека, который никогда в жизни не читал стихов, взялись «голубые балконы» и «цыган сердца»?

Я понимал: у них был свой тайный, любовный язык, такой, чтобы никто из посторонних, не принадлежащих к их миру — где сливались воедино охота, гончие, скабрезные шутки, громоподобная порча воздуха, складки жира, жесткие волосы, свидания отверстий и отростков тела, — чтобы ни один чужак, что после их смерти положит лапу на этих не преданных огню письмах, не догадался, о чем шла речь в случае каплуна, Фарлете и студенческих пелерин, откуда взялись чувственные слова, что отсылают к только им известному вечеру, пьяной шутке, странному происшествию во время их странствий. Студенческие пелерины? То есть всё началось еще в ту пору? Сколько же мне тогда было лет? Первое письмо... ему еще нет тридцати, десять лет до моего рождения... он уже покинул родную Сарагосу, вернулся из путешествия по Италии, женился на маме, а облапывание под студенческими

---

* Пикантная свиная колбаса.

** Франсиско Байеу — профессор Королевской Академии изящных искусств, придворный живописец, шурин Франсиско Гойи.

*** Зимой 1792/93 гг. Гойя перенес неожиданную и загадочную болезнь, художника постиг паралич и частичная потеря зрения. К тому же он совершенно оглох.

**** «Доска» — общее название формы, с которой делается оттиск. Материалом для «доски» служили металл, дерево, камень, картон. Гойя чаще всего работал на камне.

пелеринами всё еще продолжалось. И длилось более четверти века. Так, будто его жизнь была гравюрой: то, что все мы видели черным на белом фоне, имело свое соответствие в «доске»****, где почти всё было совершенно черным с легкой белой штриховкой.

Но даже если не верить словам, были ведь еще и рисунки. Между строчками, на полях, вокруг подписей: жеребец, уж, ружье и охотничья сумка с торчащими из нее заячьими лапками, разложенные и расставленные на кошме мисочка для намыливания помазка, хлеб, сыр и бутылки, а прежде всего тела — изредка мужчин и женщин, но чаще — одних мужчин, сплетенных в отвратительных позах, спаривающихся, как животные. В некоторых я мог узнать его самого: бакенбарды, густые волосы с пробором посредине, временами короткие, в другой раз подлиннее; я видел, как он стареет, как его нарисованное тело становится всё более дряблым и грузным, как у заплывших жиром старых барсуков, волков и медведей. Узнавал я и того, с большим орлиным носом и косматыми бровями. Подмечал и его изменения.

И вспомнилась мне его мазня из Бордо*: ярый бык с крылышками бабочки. Мог ли я когда-либо подумать, что это он нарисовал самого себя?

Я был сконфужен, словно вошел в спальню и увидел его, голого, возлежащего на теле другого мужчины, вспотевшего, тяжело дышащего. И, сидя перед ящичками открытого секретера, всматриваясь в их потускневшие ручки, я вспомнил, что когда-то, много лет назад, я не раз представлял себе такую сцену: как я влетаю в спальню с рапирой, как исступленно вбиваю ее в широкую спину, сверху, возле плеч, поросшую редкой щетиной, а внизу гладкую, так и манящую нанести укол. Теперь я не испытывал ни исступления, ни отвращения, ни жажды убийства, а всего лишь удивление, изнеможение и нечто похожее на стыд.

Как и тогда, когда Гумерсинда сказала мне, что его последними словами были: «Мартин, любовь моя, иду...».

говорит Мариано

Позавчера поздним вечером горничная разбудила маму; привела Фелипе, который только-только приехал из Дома Глухого**; тот настаивал, что дело не терпит отлагательства и что «сеньор будет очень зол, если он вернется с пустыми руками»; отец велел вытащить все бумаги деда, «в особенности те, глубоко запрятанные, всё, что найдется на дне ящиков, а уж тем более письма»; послали и за мной, хорошо, что я еще не спал, потому что у нас затянулось музицирование (пришли новые ноты, на этот раз из Вены, и мы с Консепсьон целый вечер разучивали ранее неизвестную нам сонату, а потом сели за вист и фараона), так вот, поехал я в дедов дом и провел там битых два часа, роясь в тумбочках, на полках и во всевозможных ящиках в поисках всего того, что могло интересовать отца; в постель я лег за полночь, валясь с ног, и весь в пыли. Лишь утром — а точнее сказать, в полдень — я задался вопросом: ради чего? Ради чего вот так, с бухты-барахты, скоропалительно, перевозить документы тридцати-сорокалетней давности? Но тогда, ночью, убедительным ответом для меня был испуганный взгляд Фелипе, ежеминутно повторявшего: «Сеньор ждет, сеньор будет очень зол».

* В 1824 г. Гойя по политическим соображениям отправился в добровольное изгнание. Последние годы своей жизни он провел во Франции, в Бордо, где и умер 16 апреля 1828 г., в возрасте 82 лет.

** В 1819 г. Гойя купил в окрестностях Мадрида, за Сеговийским мостом, поместье с домом, прозванным Домом Глухого (Quinta del Sordo). Оштукатуренные стены его живописец покрыл росписями маслом, впоследствии названными «мрачными (черными) картинами». В 1874 г. по заказу французского банкира Фредерика Эмиля д'Эрлангера испанский художник Сальвадор Кубельс начал перевод картин со штукатурки на полотно. Процесс занял несколько лет. Сейчас полотна выставляются в музее Прадо.

С возрастом, пожалуй, стоит привыкнуть к чудачествам чужой старости; тогда легче привыкнешь к чудачествам собственной.

говорит Хавьер

Эта картина должна быть где-то здесь — она тут была, ее привезли со множеством других на свадьбу Мариано, прихватили из Мадрида совершенно случайно, никому бы и в голову не пришло повесить ее в комнатах, через которые пройдут свадебные гости. Я помнил, как он прятал ее от меня, чтобы я не увидел, чем занимаются эти маленькие фигурки, и еще я помнил, что он написал ее в двух экземплярах, чего за ним никогда не водилось, — не знаю, насколько одна была верным отображением другой, но помню, что стояли они рядом на двух мольбертах, а он выходил из себя, повторяя, что копирование — дело для глупых барышень, а не для настоящих художников. Знаю я и то, что одну из них он послал Сапатеру, а другую до конца жизни где-то прятал, и даже тогда, когда при дележе состояния я унаследовал все его картины и, описывая их, ставил сзади крестик и номер, ту единственную я вытащил из кипы холстов и отложил в сторону, так что по сию пору она не числилась в списке.

Теперь, когда я выгреб ее из какого-то шкафа, где она лежала вместе с другими, неприличествующими свадебному дому холстами, и размотал плотное коричневатое полотно, в которое она была завернута, я имел возможность рассмотреть ее внимательно, но все еще ничего не понимал. Насколько я мог судить, это был дом умалишенных, кажется, сарагосский, где умерли дядя и тетка Люсьентес; не иначе как навещая их в молодости, он вдоволь насмотрелся таких типов, и спустя годы написал их. У стены, на которую струится свет из открытого белому знойному небу, но зарешеченного окна, виднеющегося под потолком, теснится толпа полуголых мужчин. Один в шишаке с перьями и деревянным мечом — его руку целует очкарик в капюшоне, другой в короне и с цепью, сплетенной, должно быть, из сена, вытянутого из сенников — этот благословляет подданных; ближе, в центре, на полу, спиною сидит еще один — тот прикладывает к голове бычьи рога: то один, то второй. Еще кто-то, стоя на коленях, жарко молится, еще один катается по каменному полу, корчится, верещит. Мускулистый мужчина в треуголке прицеливается из несуществующего ружья, видимо, когда-то был солдатом, а может, охотником; тут же за ним другой, сгорбленный, седлает коня на палке. У столба сидит персонаж, в прошлом, видно, шулер — за повязку на голове заткнул карты, — в руке у него свеча или скипетр, и он, закрыв глаза, поет-заливается.

Ничего из этого я не понимал, не видел никакого следа, никакого намека, пока не стал заворачивать картину обратно, чтобы положить ее в шкаф. И когда я уже держал в руке правый верхний угол холста, то заприметил, что у самого края, в глубокой тени, есть еще две фигуры, двое мужчин. Один, широко расставив ноги и отклонившись назад, стоит напряженно, другой преклонил перед ним колени — черный мазок головы под белым, а в полумраке буровато-коричневатым, пятном рубахи.

Я знал этих двух умалишенных, я уже их видел на полях писем. И теперь тот, у кого рот не был занят, говорил второму: мы безумцы.

Анна Памула

НАПИШИ ОБО МНЕ ТАК, ЧТОБЫ МАМА ГОРДИЛАСЬ

В четыре часа утра Михал заканчивает мероприятие, на котором раздал 50 с лишним визитных карточек. Везде есть люди, которые хотят добиваться таких же успехов, как и он. У него нет желания возвращаться в съемную комнату одному, и поэтому он спит в машине. Включает радио, отопление и дремлет до шести. Просыпается неотдохнувшим, разглядывает себя в зеркальце заднего вида, причесывает волосы, сбрызгивает пиджак туалетной водой. В 7 часов у него первая встреча. В 8 — следующая, в 9 — обучение. В перерыве он идет съесть кусок пиццы. Встречи продолжаются до четырех часов дня. В шесть вечера он забирает из школы приятеля, у которого сегодня день рождения. В восемь вечера — обучение.

В десять вечера Михал отправляется выпить. Ночью пишет домашнюю работу о ходе Второй Мировой войны. На четверку с плюсом.

Магда встает в три утра. Спала она всего лишь два часа, но больше девушке и не нужно: у нее есть капельки, которые обманывают недосып. Бесшумно выходит, чтобы не разбудить родителей. Садится в автобус — и через четыре часа добирается до Варшавы, где сразу начинает съемочный план видеоклипа своей новой подопечной. Работает непрерывно в течение трех суток. По ходу дела у нее немного побаливает сердце, но это, видимо, нервное, — успокаивает она себя. Огорчает Магду необоснованно пропущенный день в школе, но она наверстает. Должна.

В шесть утра Зуза садится в самолет. Спустя девять часов она окажется в Нью-Йорке. В полете думает о том, как поведет себя Марк Джейкобс на сей раз. В последний приезд дизайнер принял ее в четыре утра в домашнем халате. Она вытаскивает книги по математике — через две недели контрольная по кванторам. В перерыве смотрит «Доктора Хауса». После приземления работает 15 часов нон-стоп.

■ Достаточно хотеть

Интернет-телевидение «Факты» (Белосток) представляет: «Самый юный в мире менеджер сетевого маркетинга MLM (multilevel marketing, или многоуровневый маркетинг), достигающий наивысших финансовых результатов». Михал Альчишин и журналист обмениваются улыбками. На переднем плане — стеклянный стол, тарелка суши и соевый соус. Волосы у Михала зачесаны и залиты гелем, он строит озабоченные мины. «Я начал добиваться успехов, это становилось заметным, и люди со всей Польши писали мне, звонили. Каждый держит свою жизнь, свою судьбу в собственных руках, каждый может сегодня прийти к успеху, достаточно хотеть этого и жаждать». Камера наезжает на суши.

19-летний менеджер сотрудничает с 500 дистрибьюторами по всей Польше. Работает он на фирму «FM Group», которая занимается прямой дистрибуцией парфюмерии и средств гигиены. Своего офиса у него нет, так что клиентов и сотрудников Михал принимает в «Старбаксе», в одном из варшавских торговых центров. Обедов в кафе он не ест — слишком дорого. Предпочитает суши, но не ежедневно, так как бюджет ему не позволяет. Парень ерзает в кресле и озирается по сторонам — не умеет сосредоточиться. Говорит быстро, невнятно. И просит: «Напиши обо мне так, чтобы мама гордилась».

Зуза в 15-летнем возрасте выбралась на месяц в Японию. «В номере отеля я жила одна и боялась, потому что слыхала, будто там водятся призраки. И оставляла свет включенным».

Сегодня ей 19 лет, и она считается одной из лучших манекенщиц в мире. Зуза знает, что карьера топ-модели продолжается недолго. У нее есть план: после экзамена на аттестат зрелости она переберется в Нью-Йорк. Собирается работать в модельном бизнесе и изучать экономику. Ее мечта — работа в Штатах на бирже. «Хочу быть брокером. Мне нравится этот мужской мир Уолл-стрит. Он похож на модельный бизнес — никогда неизвестно, что произойдет».

Из Писаницы, деревни под Элком, Магда начала ездить в Варшаву в возрасте десяти лет: она стала работать в импресариате актрисы Агнешки Влодарчик и собирала фанов на телевизионные программы

с ее участием. «После полугода поездок с папой родители согласились отпускать меня одну. Они страшно боялись, мама паниковала. Ночевала я в гостинице «Польсата». Опасалась, что потеряюсь в городе, но вскоре поняла, что мне страшней учителя в школе, чем Варшава. Иногда мне в полночь звонили по телефону, что в девять утра я должна быть на записи. Тогда я садилась в автобус в час ночи».

В 15-летнем возрасте Магда помогала министру труда Анне Каляте в организации ее именин. «Я воспользовалась своими контактами, а также базами данных, которые собрала за годы работы в этой сфере, и практически в течение одного дня мне удалось выдать более 80 аккредитаций журналистам из крупнейших информационных агентств Польши».

С Паулей Мартиняк, самой красивой натуральной грудью польского шоу-бизнеса, они познакомились в Фейсбуке. Магде исполнилось тогда 15 лет, Пауля была на четыре года старше. Двумя неделями позже они встретились, а через три дня обсуждали стратегию пиар-кампании. Запланировали даже брак Паули с Михалом Вишневским (потом Магда сделала из этого теледиск и event — мероприятие на 200 человек). После того уик-энда Магда Козловская стала официальным менеджером Паули, и та начала всё чаще вытаскивать Магду в столицу.

«У меня было ощущение, что мне 40 лет. Мы всё время работали, проектируя ее медийную кампанию, — после выставления оценок с июня до конца августа. Работа, работа, работа. Я не умела сказать «хватит». И беспрерывно объясняла родителям: «Не могу я сейчас вернуться домой, потому что мне надо разделаться с договорами». Начала скучать по дому, по маминым обедам. Я знала, что поступаю так по собственному желанию, но бывали моменты, когда я чувствовала себя, словно в концлагере, — как если бы кто-то заставлял меня там сидеть».

У Магды есть множество фотоснимков, где она нежно прижимается ко всем знаменитостям, с которыми познакомилась за долгие годы. Выглядит она возле них, будто 12-летняя девчонка-переросток. Принимает всегда одну и ту же позу: подпирает бедро правой рукой, как Мэрилин Монро. Волосы у нее длинные и вьющиеся. А на лице — одна и та же улыбка. Снимки она размещает в блоге. За шесть месяцев выложила там 215 фотографий самой себя и 74 фото браслетов и сережек.

■ Математика в самолете

Календарь Михала густо исписан небрежным почерком. В последнюю пятницу он вернулся домой в 3 часа ночи, заснул около шести, в восемь был в школе — сдавал зачеты по математике и английскому. Учится он заочно. Потом проводил показ косметических средств «FM Group», в три часа дня — тренинг для своих подопечных, затем еще один, и так до десяти вечера. Ночью — междусобойчик. В воскресенье подъем в шесть утра, потому что в семь сдавал историю. Получил четверку. В пять вечера — тренинг. «Это было тяжелое время, так как четыре дня я не спал. В норме, если ты трудишься на ставке, то после работы смотришь телевизор и пьешь пиво, а я в ближайшее воскресенье еду в Высшую школу финансов и управления в Элке устраивать презентацию «И ты добейся успеха!» Мотивирую молодых людей действовать и работать для «FM Group»».

У него всегда был напряженный график. «К 18-му дню рождения я открыл собственный бизнес — аутлет. Как-то раз вернулся в 8.30 утра с ночных посиделок, поспал в подсобке, а в 9.30 народ барабанил в окна. Я обанкротился».

В календаре у Зузы сутки длиннее, потому что она работает в нескольких часовых поясах. «Только что я вернулась из Флоренции. На минутку появилась в родном доме, в Катовице, два дня провела в школе, столкнула несколько контрольных работ и теперь сижу в Варшаве. Здесь буду записывать программу «Топ-модель». Послезавтра — в Париж на показы «от кутюр». Потом один день в Милане — и возвращаюсь в Польшу. С ходу, прямо с самолета должна поспеть на стодневку*».

Длинные перелеты — идеальное время, чтобы заняться всякими школьными делами. Любимая трасса Зузы — «Катовице — Франкфурт — Нью-Йорк». «Тогда я могу спокойно решить несколько наборов задачек по математике. Хочу сдавать расширенный экзамен на аттестат зрелости». Зузе нравится ощущать, что она вгрызается в задачу и в состоянии решить ее до конца. Учиться она продолжает и перед выходом на подиум, за кулисами, но читает одно и то же предложение по пять раз. «Слишком многое происходит, кто-нибудь тянет тебя за волосы, что-либо поправляет, зашнуровывает обувь».

* Стодневкой в Польше называют школьный праздник, отмечаемый за сто дней до получения аттестата зрелости.

■ Не транжирить

Своими заработками Зуза распоряжается сама. За последнее время купила себе куртку «Burberry» — это обошлось в 6 тыс. зл. (почти 2 тыс. долл.). Но, как подчеркивает девушка, она не из тех, чтобы сразу побежать и всё потратить. Зуза экономит, потому что работа манекенщицы не продолжается до бесконечности. «Не хочу через несколько лет проснуться с кучей сапог и красивых сумок, но без диплома и денег».

По мнению Зузы, модельный бизнес — ненадежный, она осознаёт, что через пять лет ее уже может там не быть. И она думает о разных способах инвестирования — в Польше вложила бы в землю.

Магду Козловскую содержат родители, так как менеджерские услуги звездам — это непостоянная работа. «Некоторым кажется, что коль они нашли кого-то молодого, то им обойдется дешевле». Магда ведет переговоры, ругается по поводу оплаты. За заработанные деньги хотела бы куда-нибудь съездить, потому что за границей была только в Германии. Ей грезится Таиланд. Чем она до сих пор обзавелась? Есть десятка полтора коробок с бижутерией. И она постоянно заказывает новую. Ожерелье из шоурума (как теперь называют демонстрационный зал производителя либо дистрибьютора) за 800 зл. Браслеты, серьги — больше 300. «К сожалению, это худшая из дурных привычек, я с ней борюсь».

Михал зарабатывает 4 или 5 тыс. зл. в месяц, но расходы составляют почти 4 тысячи. «Социальное страхование — 400, взнос за автомобиль — 1100, оплата за комнату, питание — несколько соток, бензин — это куча денег, два телефона, аренда зала — почти 400 зл., бухгалтерия — 300. Моя цель на нынешний год — заработки в пределах 15 тысяч в месяц, любовь, собственная квартира и одна реклама».

■ Неприятности с сердцем

Магда говорит, что уже несколько лет мечтает — отстраниться, отложить телефон, компьютер и уехать куда-нибудь, где никто ее не найдет. Для нее счастье — это безлюдный пляж с близким человеком. «С кем-то, кто будет держать меня за руку и ничего не говорить. Но я знаю, что не в силах проделать такое. А усталость отражается на моем здоровье. У меня с пятого класса проблемы с сердцем. Быть может, это аритмия? Случаются приступы, такое рваное сердцебиение. Я не могу тогда усидеть на месте, мне становится душно. Главным образом такое случается в школе. Несколько раз в неделю. Может, на нервной почве?»

Зуза уже не в состоянии выносить отели, поэтому снимает в Нью-Йорке квартиру. «Любой номер — точно такой же, подобных номеров — сотня, и нет даже возможности заварить себе чай. В этой работе ты страшно одинок. Днем тебя всегда окружает такое множество людей, но после окончания работы ты всегда остаешься одна. А самое худшее, что к этому можно привыкнуть».

День Михала заполнен с 7 утра до 10 вечера. «Чтобы не возникало моментов ничегонеделания. Если бы они у меня возникали, психологически мне бы делалось дурно. Так произошло в святки — десять дней фирма не работала, а я лежал. И это было время моей худшей формы. Я уходил на всю ночь, чтобы не оставаться самому с собой, возвращался к шести. Когда у меня была серьезная связь, требовалось находить время на приготовление еды, на бассейн, кинофильмы, вылазки. Но теперь чувства у меня выключены, потому что если вечером я их включаю, то после прихода домой не могу найти себе места. В такие минуты я бы предпочел сидеть дома с родными».

■ Родители

Родители самого молодого менеджера в Польше не испытывают радости. Им вообще не по вкусу его деятельность. «Папа с мамой работают в государственных учреждениях. Важны школа, обучение, образованность, но в сегодняшних реалиях ничего из этого в Польше нет. Мужик, которому почти 50 лет, суперобразованный, трудится в государственной конторе, а зарабатывает после 20 лет стажа 4 тысячи, — это надувательство».

Мама Зузы была против: ребенок не должен работать. Папа — за. «Родители не толкали меня в сторону модельного бизнеса, это мне самой хотелось попробовать. Началось с интернет-журнала «Bravo Girl» и конкурса на манекенщицу агентства D'VISION. Мы возвращались с каникул в Колобжеге, и на долгое путешествие купили пачку газет. Вместе с сестрой заполнили купоны, чтобы стать фотомоделями. Я не предполагала, что выиграю, а сделала это для прикола. Да и вообще понятия не имела, в чем там суть».

Папа Магды работает в строительной фирме, мама — учительница математики. Родители доверяют дочери настолько, что Магда мечтала бы когда-нибудь питать к кому-то такое же доверие. «Это был

улет, такой маленький ребенок — и сам ездит в Варшаву». Многие знакомые родителей говорили, что это ненормально и вредно для воспитания. Но Магда заупрямилась.

■ Авторитет

Магда говорит, что это страшно, но для нее, пожалуй, авторитета не существует. И уж наверняка ей не хотелось бы заявлять, что это Иоанн Павел II. «Может быть, только мама».

Зуза уверена, что знает каких-то авторитетных личностей, но неспособна сразу же их назвать. И ее это огорчает. «Безусловно, авторитетами для меня служат люди, которые говорят то, что думают. Возможно, Гомбрович?»

Михал: «Авторитет? Не хочу я иметь такого человека, которого мог бы брать себе за образец, поскольку понятия не имею, что будет завтра».

■ Принц из сказки

«Кино, женщина в постели, рядом два бокала «Карло Росси», к этому еще суши, а мы лежим себе, прижавшись, и это супер». Михалу хотелось бы такого каждый день по вечерам.

Магда ищет принца из сказки. Он должен ее понимать и поддерживать. «Не было у меня са́мой долгой связи, потому что все были короткими. Один раз в жизни я влюбилась по-серьезному. Он был принцем из сказки, каких нынче уже нет. Классно было иметь кого-то, кто тоже не спит ночью. Потому как ночью есть больше времени для размышлений».

У Зузы был один парень. «Это нелегко, поскольку все смотрят на тебя скорее как на супермодель, чем как на обыкновенную девушку. Такое затрудняет отношения».

■ Отшельница

Михал немного сожалеет, что не учится в дневной школе. Из-за этого поссорился с родителями. «Возможно, я поступил плохо. Потому что с папой, как ни говори, я бы жил более-менее о-кей, получал бы поддержку, в которой нуждаюсь. Я выбрал другое. Жаль, что так вышло. Сейчас назад дороги нет, но таким был мой сознательный выбор».

Он не любит наигранности. «В классе все любят друг друга, приспосабливаются к ситуации: с этими выпью, с теми покурю. Я не в состоянии иметь в друзьях 15-20 человек. И не умею разговаривать с теми, кто в моем возрасте. У них есть мир игр, своих тусовок. Я не вижу смысла пойти надраться, а потом весь день мучиться».

Зуза никогда не сближалась с ровесниками, не было у нее и такой группы знакомых, с которыми она ходила бы на тусовки. «Со своим нынешним занятием я не встраиваюсь ни в какую систему. Наверняка я многое потеряла — даже не знаю, успею ли на стодневку. Однако взамен я посетила полмира, познакомившись с потрясающими людьми, — и мне не о чем жалеть».

Ровесники Магды считали ее ненормальной, потому что, по их мнению, «так часто ходят в костел только мохеровые береты». «Каждое воскресенье я отправляюсь в костел. В гимназии ходила туда ежедневно или даже два-три раза в течение дня. Будучи в Варшаве, могла вернуться в пять утра с какой-нибудь премьеры, переодеться и пойти к семи часам на богослужение. Для людей с моей работы я выглядела отшельницей».

На протяжении всей гимназии она не побывала ни на одной гулянке, важнее всего была работа. «Иногда у меня такое чувство, что я по собственному желанию потеряла детство, самые лучшие годы своей жизни. Когда другие отправлялись в кино или потусоваться, я вкалывала. Должна была быстро созреть. Но если бы я не изучила этот мир, то психологически не смогла бы справиться в лицее — самом лучшем учебном заведении Элка. Народ оттуда вылетает, остаются только самые лучшие. Учителя в нем беспощадны. Там твоя самооценка не повышается, а только снижается. Но сдаваемость экзаменов на аттестат зрелости составляет 100%». Со многими из ровесников у Магды нет взаимопонимания, поскольку она уже знает, что жизнь не прекрасна и не переливается всеми цветами радуги, а люди умеют быть жестокими. «Шоу-бизнес — это болото, и я сама затащила себя туда».

Ей хотелось бы с этим порвать, но оно сильнее ее, и Магда в такой же степени ненавидит свое занятие, как и любит. «Ужасный мир. Не советую, особенно молодым людям».

gazeta DF

Эльжбета Савицкая

КУЛЬТУРНАЯ ХРОНИКА

» Как всегда, главным в мае были книги.

» В первый раз в своей истории Варшавская книжная ярмарка прошла не во Дворце культуры и науки (ДКН), а на Национальном стадионе. В ярмарке приняло участие свыше пятисот отечественных и зарубежных экспонентов. В их распоряжение было предоставлено 20 тыс. квадратных метров на трех уровнях (в два с лишним раза больше, чем в ДКН). Ярмарку посетило 60 тыс. человек, что стало рекордом в истории этого мероприятия. Свои книги подписывали почти пятьсот авторов, среди них Юлия Хартвиг, Юзеф Хен, Ханна Краль, Януш Джевуцкий, Ярослав Миколаевский, Мариуш Щигел, а также русский писатель-фатаст Сергей Лукьяненко.

» Издатели позаботились о новинках. «Выдавництво литерацке» представило литературную сенсацию года — интимный дневник Витольда Гомбровича «Кронос». Издательство «Агора» — «Блеск револьвера», сборник литературных игр Вислявы Шимборской. В издательстве «Ниша» вышли новая книга Ярослава Марека Рымкевича «Рейтан. Падение Польши» (sic!) и «Птичьи улицы» Петра Разинского — автора, пишущего об утраченных еврейских традициях Варшавы.

» В ходе ярмарки объявлены претенденты на премию «Нике» 2013 года. 9 из 20 выдвинутых книг — это романы, среди которых «Морфий» Щепана Твардоха, «Опилки» Кшиштофа Варги, «Роман по святой Ханке» Анны Янко, «Темно, почти ночь» Иоанны Батор. Первый раз в истории «Нике», виднейшей польской литературной премии, выдвинут комикс — «Приключения на необитаемом острове» Мацея Сенчика. Жюри отберет семь финалистов в начале сентября, а лауреата мы узнаем в первое воскресенье октября.

» На Литературную премию Гдыни претендуют 15 книг в трех категориях — «Поэзия», «Проза», «Эссе». Здесь также имело место «первое событие в истории премии»: один автор в одном и том же году выдвинут в двух категориях. Это Анджей Невядомский — автор поэтической книги «Дикие лилии» и сборника эссе «Карта. Пролегомены». Лауреатов мы узнаем 22 июня.

» В четвертый раз присуждена премия имени Рышарда Капустинского за литературный репортаж. Лауреатом стал британский репортер Эд Вульями, автор книги «Амексика» (издательство «Чарне»). В ней описана пограничная территория между США и Мексикой, где властвуют наркокартели.

— «Амексика» Эда Вульями, — сказала на торжественной церемонии председатель жюри Малгожата Шейнерт, — принадлежит к числу выдающихся произведений в жанре репортажа, выражающих неприятие несправедливости мира. Их авторы с огромным трудом собирают сведения о насилии, ищут его причины, методы и следствия и находят для этого содержания совершенную повествовательную форму, исключающую безразличие читателей. Таким образом они расширяют область несогласия.

Автор книги получил 50 тыс. злотых, а его польский переводчик Януш Охаб — 15 тыс. злотых.

» В нынешнем году лауреатами премии имени Самуэля Богумила Линде городов-побратимов Торуни и Геттингена стали немецкая писательница Бригитта Кронауэр и польский прозаик, драматург и эссеист Эустахий Рыльский. Эта единственная польско-немецкая литературная премия существует с 1996 года. Она присуждается авторам, слово которых «создает идеалы и ценности, объединяя людей, общества и народы в едином разговоре». Премию вручат 23 июня в Торуни.

» 11 мая объявлены лауреаты вроцлавской поэтической премии «Силезиус». За совокупность творчества отмечена Кристина Милобендзкая. Лучшей

книгой 2012 г. жюри сочло «Почти полную утрату текучести» Мартина Барана, а в категории «Дебют года» лауреатом стала Илона Витковская, автор стихотворного сборника «Splendida realta».

» 7 мая были объявлены Исторические премии «Политики». Войцех Шатковский награжден за книгу «Goralenvolk. История предательства», представляющую историю «гуральского народа», созданного немецкими оккупантами после 1939 года. Премия за дебют присуждена Пшемыславу Гаштольд-Сену за книгу «Концессия на национализм. Патриотическое объединение «Грюнвальд». 1980-1990» — монографию об антисемитской организации, возникшей в результате идейного и организационного кризиса польского коммунизма. В категории «Записки и мемуары» награждена Дорота Симонидес за книгу «Счастье в горсти. Из шахтерского барака в широкий мир», приоткрывающую некоторые не всегда понятные в Польше страницы истории Опольской Силезии. Специальную премию получило объединение «Центр исследований уничтожения евреев» за ежегодник «Уничтожение евреев. Исследования и материалы».

» Печальную годовщину сожжения книг вспоминал Ольштын. Фонд «Боруссия», воеводская публичная библиотека и TAAD (Германский центр академических обменов) подготовили театрализованную читку «Es blieb nicht mehr viel — Нам осталось немного», которая прошла 10 мая в Доме Мендельсона в Ольштыне.

80 лет назад, после перехода власти к нацистам, началась так называемая Операция против антинемецкого духа. Преследованиям подверглись писатели еврейского происхождения и авторы, не разделявшие нацистских взглядов. Кульминационным пунктом нацистской операции стало публичное сожжение книг 10 мая 1933 г. в Берлине, в котором лично участвовал Йозеф Геббельс, министр пропаганды в правительстве Гитлера.

В Доме Мендельсона молодые исполнители прочли по-немецки фрагменты текстов авторов, подвергшихся преследованиям.

» А в Варшаве отметили 70-ю годовщину разрушения Большой синагоги на улице Тломацкой. Ее взорвали 16 мая 1943 г. по приказу генерала СС Юргена Штропа, что стало последним актом подавления немцами восстания в варшавском гетто.

Синагога на Тломацкой, построенная по проекту Леандро Маркони, была крупнейшим еврейским молитвенным домом в столице. Она могла вместить 2300 человек. Сегодня на ее месте стоит современный Голубой небоскреб, рядом находится станция метро «Ратуша — Арсенал».

Реконструировать это место невозможно, так что архитектор Ян Струмилло изготовил деревянный макет Большой синагоги и площади на Тломацкой в масштабе 1:10. Макет помещен в сквере рядом с Музеем Независимости и будет экспонироваться до 21 июля, а может быть, и дольше.

— Нам удалось собрать немногочисленные снимки площади, находящиеся в собрании Еврейского исторического института, скомпоновать их, увеличить и воссоздать несуществующую реальность этого места, — подчеркнул Струмилло.

Ежегодную церемонию, организованную Еврейским историческим институтом, украсило выступление хора вроцлавской синагоги «Под белым аистом». Был, в частности, исполнен гимн «Ма Тову», который исполнялся во время открытия Большой синагоги в 1878 году.

» Третий литературный фестиваль имени Чеслава Милоша (16-18 мая) прошел под знаком «Земли Ульро». В Краков приехали выдающиеся поэты, писатели и критики из 11 стран.

Состоялось три общих поэтических вечера. На них выступили Гарри Снайдер — поэт, которого относят к Beat Generation, китайский поэт Дуо Дуо, Вера Бурлак из Белоруссии, Михаил Крюгер из Германии, словенский поэт Томаш Шаламун, один из патриархов американской поэзии Филип Левайн, Хуан Гельман из Аргентины и поэт-перформер из Москвы Лев Рубинштейн. Польскую поэзию представляли Юлия Хартвиг, Адам Загаевский и Януш Шубер.

Специальные поэтические вечера были посвящены российской и исландской поэзии и альтернативной музыке. Во время «Белой ночи», подготовленной при участии Константина Усенко, автора книги о российском андеграунде

«Глазами советской игрушки», на сцене Малопольского Сада искусства появился один из главных героев его повествования — легендарная группа «N.O.M.».

Исходным пунктом одной из фестивальных дискуссий — «В тени империи» — были произведения Милоша о России. Выступили профессор Норман Дэвис, Адам Поморский, Адам Шосткевич и Ричард Лоури — знаток России и автор многих посвященных ей книг.

» На Милошевском фестивале состоялась также мировая премьера фильма Магдалены Пекож «Вид Кракова». В роли гида по городу и посла Кракова выступил один из крупнейших польских поэтов — Адам Загаевский. Он показывает свой Краков: мастеров, любимые места, друзей-литераторов. Вспоминает Виславу Шимборскую и Чеслава Милоша. «Вид Кракова» — это часть международного кинематографического проекта «City (W) rites», представляющего литературные столицы Европы сквозь призму встреч с писателями. По Барселоне зрителей будет вести Эдуардо Мендоза, по Берлину — Инга Шульце, по Праге — Иван Клима, а по Петербургу — Татьяна Толстая.

» В варшавском кинотеатре «Культура» 6 мая прошла торжественная премьера документального фильма Дороты Кендзежавской «Другой мир», герой которого — Данута Шафлярская. Выдающаяся актриса сыграла около ста театральных ролей, известна также по многим кинофильмам, таким, например, как «Запрещенные песенки», «Сокровище», «Прощание с Марией», «Долина Иссы», «Корчак», «Пора умирать». Фильм идет 97 минут. «Ровно столько, сколько лет было Дануте Шафлярской в момент съемок фильма в прошлом году», — объяснила режиссер и автор сценария Дорота Кендзежавская.

» С 17 мая по 22 июня в Варшаве проходит «Да! Да! Да!» — фестиваль современного российского театра. Куратор фестиваля Агнешка Любомира Пётровская предложила свыше семидесяти художественных событий — спектакли, концерты, кинопоказы. Среди театральных представлений, в частности, «Горки-10. Уроки русской литературы» Дмитрия Крымова, «Лир. Комедия» Константина Богомолова, «Зажги мой огонь. Этюды из жизни Джима Моррисона, Дженис Джоплин и Джими Хендрикса» Саши Денисовой и Юрия Муравицкого и «Узбек» Талгата Баталова.

Кинопрограмма — это классика советского кино и фильмы новейших течений российского кинематографа, например «Изгнание» Андрея Звягинцева, «Я — Куба» Михаила Калатозова, «Телец» Александра Сокурова, «Я шагаю по Москве» Георгия Данелия.

Большую заинтересованность вызвали присутствие Льва Додина и его спектакль «Жизнь и судьба» (инсценировка романа Василия Гроссмана), который режиссер готовил пять лет.

— Российский театр — это место дискуссий на важные общественные темы, — сказал второй куратор Роман Павловский. — Мы считаем, что эти проблемы в равной мере важны и для Польши, и поэтому хотим их представить во время фестиваля. Они должны оказаться близки польскому зрителю — проблемы идентичности, современности и исторической памяти. Представленные спектакли расскажут о борьбе с тоталитарным прошлым России, а также о динамичных переменах, связанных с пробуждением гражданского общества и новыми явлениями культуры.

» Хор студентов Московской государственной консерватории им. Чайковского получил Гран-при международного фестиваля «Гайнувские дни церковной музыки» в Гайнувке (13-19 мая). Кроме того, хор дирижерского факультета Нижегородской богословской академии завоевал первое место в категории академических хоров. В фестивале приняли участие более двадцати хоров из Польши, Белоруссии, Украины, России, Грузии и Сербии. Фестиваль завершили два гала-концерта — в Троицком соборе в Гайнувке и в Белостоке, в церкви Софии Премудрости.

» Хотя варшавский Музей современного искусства все еще не имеет постоянного помещения, но международное собрание произведений вполне доступна зрителям. Она представлена на выставке «В сердце страны» в бывшем мебельном салоне «Эмилия». Демонстрируется свыше 150 работ из собрания, создававшегося с момента основания

музея (2005) сначала под руководством Анды Ротенберг, а ныне Иоанны Мытковской.

На выставке показаны работы выдающихся польских художников, таких как Анджей Врублевский, Яцек Семполинский, Алина Шапошникова, Мирослав Балка, Рафал Буйновский, Оскар Давицкий, Збигнев Либера, Юзеф Робаковский, а также произведения художников со всего мира, таких, например, как Яэль Бартана, Саня Ивекович или Густав Метцгер — автор необычной инсталляции «Эйхман и ангел (варшавский вариант)». Представлены также последние поступления: картина Вильгельма Сасналя, изображающая скафандр астронавта, и «Письмо» Гошки Мацуги — гобелен размером в несколько метров, для исполнения которого проводилась общественная подписка.

Выставка проходит с 14 мая 2013 по 6 января 2014 года.

» 15 мая, в 15-ю годовщину присуждения редактору парижской «Культуры» звания доктора honoris causa Вроцлавского университета, во Вроцлаве прошла конференция «Путем Ежи Гедройца».

Профессор Влодзимеж Громский подчеркнул, что редактор был фигурой, особенно важной для поколения поляков, жившего в стране и за границей после Второй Мировой войны: «Можно задать вопрос: где бы мы были сегодня, если бы не Ежи Гедройц? Как выглядела бы польская культура без парижской «Культуры»? Как выглядело бы политическое сознание поляков без «Зешитов хисторычных» («Исторических тетрадей») и других изданий Института литерацкого?»

Бывший ректор Вроцлавского университета профессор Генрик Ратайчак отметил, что идеей, которой полностью посвятил себя Гедройц, была независимость восточных соседей Польши — Белоруссии, Литвы и Украины: «Он хотел, чтобы эти страны сами принимали решения, а Польшу видел союзником, приближающим их к Западу. Он очень хотел, чтобы польское общество изменило свое отношение к восточным соседям, чтобы между нами установились партнерские отношения».

Прощания

» 9 мая в возрасте 90 лет в Варшаве скончался Кшиштоф Дунин-Вонсович — профессор истории, знаток истории Варшавы, солдат Армии Крайовой, сотрудник Совета помощи евреям «Жегота». Во время Второй Мировой войны он сражался в рядах АК как подхорунжий полка «Башта». Узник концлагеря Штутгоф, из которого совершил побег во время эвакуации лагеря в феврале 1945 года. Был удостоен звания Праведного среди народов мира, а также награжден командорским крестом со звездой ордена Возрождения Польши за участие в спасении евреев во время войны. Его называли праведным из Жолибожа, так как с этим районом Варшавы он был теснее всего связан.

Его наследие охватывает 22 книги и 420 научных работ по новой и новейшей истории. Он издал мемуарные книги «История и немного политики» и «Штутгоф. Из воспоминаний узника концлагеря», а также иллюстрированную книгу «Варшава в материалах времен Первой Мировой войны».

» 18 мая в Неаполе умер Марек Яцковский, многолетний лидер группы «Маанам». Ему было 66 лет. Яцковский основал «Маанам», одну из самых популярных польских рок-групп в истории, вместе с Мило Куртисом в 1975 году. Годом позже с группой начала выступать Кора, тогда жена Яцковского. В 1980 г. «Маанам» записал сингл «Божественное Buenos / Деньги правят», выступил в Яроцине и на фестивале в Ополе, что открыло музыкантам путь к славе. Когда в 1984 г. они отказались выступить на концерте дружбы с Советским Союзом, группа оказалась в черном списке, исчезла из радиопрограмм, с телевидения, из прессы. В 1986 г. группа прервала деятельность, на сцену вернулась в 1991-м и окончательно распалась в 2008-м. Главными хитами группы были «Люблю тебя, моя любовь», «Это только танго» и «Луцциола».

Последние годы Марек Яцковский жил в Неаполе с женой Эвой и дочерьми.

Анна Герман

МУЗЫКА ВЕРНУЛАСЬ КО МНЕ

Из книги «Анна Герман о себе»

Об автокатастрофе, лечении и письмах поклонников

Внезапно я почувствовала несколько толчков, словно машина вместо зеркально гладкого шоссе оказалась на жуткой булыжной мостовой. Потом воцарились тишина и темнота.

Утром нашу разбитую машину заметил проезжавший мимо водитель грузовика. Кузов был совершенно искорежен (...), а меня с огромной силой отбросило далеко в сторону.

Вызвали полицию, и нас [Анну и пианиста, который вел машину] отвезли в больницу. Меня избавили от чувства боли и холода в придорожной канаве, от хлопот с госпитализацией.

Я вынуждена была сделать недельный перерыв в биографии.

(Анна Герман, «В Сорренто?», 1970)

Диагноз врачей был неумолим и категоричен: вы будете жить, но о возвращении на сцену не может быть и речи.

Мое выздоровление продолжалось почти три года. Тогда я думала, что мне придется забыть о музыке, но она вернулась ко мне!

Теплые слова незнакомых людей придавали мне сил. Их письма вселяли надежду на счастливый исход. Особенно меня тронуло одно письмо из Африки: «Когда я включаю магнитофон, чтобы послушать Ваши песни, страх и одиночество уходят. Ваш голос — это целый мир, удивительный и прекрасный...»

(Из интервью советской печати, 1980)

Я была в отчаянном положении — и физически, и психически. Очень долго не приходила в сознание, не могла говорить. Пять месяцев пролежала по шею в гипсе, еще пять — тоже неподвижно, но уже без гипса... Три итальянские и три польские больницы старались вернуть меня к жизни. Неизвестно было, срастутся ли кости, смогу ли я когда-нибудь ходить.

Специальные физические упражнения, которые я выполняла до седьмого пота, оказались эффективными. И хотя левая рука еще действует плохо и нога тоже не совсем в норме, я рискнула встретиться со слушателями.

(Из интервью советской печати, 1970)

Я глубоко тронута памятью и проявлениями симпатии, с которыми столкнулась во время болезни. Нет ни дня, чтобы моим здоровьем не интересовались не только близкие друзья и знакомые, не только представители организаций, с которыми я сотрудничаю — Польского радио и телевидения, «Пагарта»*, — но и совершенно незнакомые мне люди, просто слушатели моих песен.

Я хотела бы извиниться перед всеми, кто пишет мне необыкновенно теплые письма, за то, что не могу на них ответить. Я в самом деле все их читала и за все очень благодарна.

(«Радио и телевизия», 1968)

Мир я вижу теперь иначе — наверное, просто в других красках... Композиторы часто приносят мне очень хорошие песни, с глубоким смыслом, но мне не хочется их петь, потому что они грустные, а мне хочется петь о радости жизни, о любви, чтобы люди улыбались, но, конечно, иногда и всплакнули, потому что это очень очищает душу... Но не слишком часто. Все-таки радости и смеха должно быть больше.

(Из интервью советской печати, 1970)

* «Пагарт» (Pagart) — Польское художественное агентство, созданное в 1957 году. — *Пер.*

Письма от поклонников очень трогательны. Мне пишут из самых разных уголков мира, подписывая конверт просто: «Польша, Анне Герман». В самые важные для меня моменты я получаю огромное количество этих писем. Я даже не знаю, как благодарить за столько проявлений симпатии, за такую сердечность...

(«Синкопа», 1977)

Я неоднократно убеждалась, что многие люди относятся ко мне доброжелательно, что их интересует моя судьба. Я хотела бы поблагодарить друзей, прежде всего певцов, актеров, музыкантов и журналистов... за их тактичную помощь во время моей болезни, а незнакомых мне людей — за теплые, сердечные письма, вселявшие в меня бодрость и веру в человека.

Я чувствую себя уже почти идеально. Иногда у меня еще случаются «грустные» дни, но тогда я берусь за какую-нибудь домашнюю работу (например, натираю полы), и плохое настроение сразу же проходит.

Я уделяю много времени реабилитационным упражнениям, стараюсь побольше ходить, заниматься гимнастикой, поднимать гантели, тренировать кисти рук. Кроме того, я отвечаю на многочисленные письма, слушаю музыку, принимаю гостей и сама хожу в гости.

(«Синкопа», 1977)

О первой записи после аварии

Я думала, что буду радоваться больше. Но как я привыкала к своему несчастью (хотя так и не смогла привыкнуть до конца), так и к счастью — ведь иначе этого не назовешь — должна буду привыкать постепенно. Полностью я осознаю это через какое-то время. Я чувствовала прежде всего огромное напряжение, а затем усталость. И, конечно, немного волновалась перед встречей с музыкантами, думала, получится ли у меня, будет ли всё так же, как раньше, или хуже.

(«Жиче Варшавы», 1969/1970)

Я была прикована к постели — сначала год, потом второй. И всё время думала, что уже завтра, самое позднее послезавтра встану, начну петь. Поэтому я пыталась составить новый репертуар. Как раз тогда моя добрая знакомая Алина Новак подарила мне написанные в расчете на меня тексты песен и предложила сочинить к ним музыку. Поначалу я отказывалась — дар был слишком обязывающим, чтобы сделать это кое-как.

Тексты лежали и лежали — я не решалась взяться за эту работу. Наконец я попробовала: результат можно найти на моей последней пластинке [«Человеческая судьба»].

(«Сцена», 1970)

Должна признаться, что эти песни получились печальными — но это вообще была печальная глава в моей жизни. Однако в моем репертуаре есть много спокойных песен. Они менее известны, так как не записаны на пластинки. И всё же мои голосовые данные и внутренние качества склоняют меня к лирическим песням. Они у меня хорошо получались, поэтому обычно авторы предлагали мне именно их.

(«Господыни», 1976)

Думаю, каждый исполнитель, обладающий хоть какими-то композиторскими способностями, должен попробовать писать для себя музыку самостоятельно. Тогда можно точнее выразить всё, что хочешь сказать.

Мои песни мелодичны, дают возможность продемонстрировать голосовые данные, но слова в них настолько важны, что музыка отходит на второй план.

(«Жиче Варшавы», 1969)

Хорошо быть одновременно автором и исполнителем песни. Тогда легче согласовать ее с исполнительскими возможностями и темпераментом. Но должна признаться, что работа с «чужими» песнями доставляет мне ничуть не меньше удовольствия — особенно когда соответствующее исполнение при-

дает песне характер и удачно подчеркивает идею автора. Честно говоря, мои композиторские пробы не вытекали из призвания и уверенности в том, что я умею сочинять музыку, — скорее из необходимости и нужды. Постепенно выздоравливая, я долгое время не могла и думать о выступлениях, а по песням уже очень скучала...

(«Столица», 1970)

Я никогда не говорю, что написала музыку — скорее сочинила мелодию. Ведь я не профессиональный композитор и не могу так говорить. Обычно меня вдохновляет какой-нибудь стихотворный текст. Если после его прочтения у меня в голове рождается что-то вроде мелодии, я стараюсь это записать.

(«Штандар млодых», 1979)

Об актерских способностях и профессии певца

У исполнителя должны быть актерские способности, чтобы как можно более убедительно рассказать о судьбе героя песни. Это особенно трудно, потому что у актера на сцене есть два часа, чтобы выстроить роль или раскрыть характер персонажа, а у певца — только три-четыре минуты. Поэтому необходима крайняя концентрация, способность войти в образ и быстро придать песне нужную форму.

Есть определенные творческие границы, которые я не осмеливаюсь перейти. Может быть, пока. Мне не нравится полностью раскрываться, меня не устраивает своего рода эксгибиционизм, довольно часто проявляемый другими. Я восхищаюсь экспрессией Эвы Демарчик или Аллы Пугачевой, их эстрадным актерством, но такой вид искусства мне не подходит.

(«Штандар млодых, 1979)

Запомни мои руки

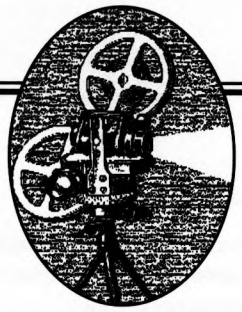
«Скажи мне, каково это? На что похожа эта любовь?» — часто спрашивала я своих подруг, у которых есть дети. А они в ответ улыбались и говорили: «Это невозможно сказать, это надо пережить самой».

А потом в один прекрасный день я лежала в больнице и с нетерпением ждала старшую медсестру, которая должна была принести и показать мне моего мальчика. Вот, сейчас! Сейчас и я испытаю это счастье, познаю это великое светлое чувство — быть матерью! Я ждала с воодушевлением. Однако при виде моего ребенка у меня появились совсем другие чувства: тревога, жалость, какая-то безмерная печаль... «Боже мой, — подумала я, — с голой головкой, завернутый в одну пеленку, а в этих длинных коридорах, наверное, сквозняки...»

Теперь я уже знаю, хотя моему мальчику всего семь месяцев, и он еще не умеет говорить. Я знаю, что любить ребенка — это желать его спокойствия, здоровья, счастья. Я хочу от всей души — по мере моих сил, возможностей и способностей — разумно устроить его маленькую жизнь. Я стараюсь, чтобы у него не только было время на еду, но чтобы он прежде всего знал и чувствовал, что его любят и защищают. В то же время — и это, наверное, самое трудное — я должна помнить, что мой сыночек — не моя собственность, что это независимая и свободная личность и что вскоре у него будет своя жизнь, свои дела и проблемы. А какое место в его жизни займем мы, родители, зависит только от нас.

(«Искусство родительской любви»,
под ред. Зофьи Домбровской-Цабан, 1979)

Подборка и заголовок — от редакции. Отрывки из книги Мариоли Призван «Анна Герман о себе», напечатанной издательством MG.



Себастьян Лупак

СИСТЕМА СЛИШКОМ ПРОЧНАЯ?

Стал ли фильм постановщика «Допроса» оскорблением Третьей Речи Посполитой? Рышард Бугайский показывает в нем систему, уничтожающую польских предпринимателей, а правые считают, что это образ существующих властей. Так ли это?

Ура! Польская демократия и свобода слова в очередной раз победили! Фильм «Закрытая система» был снят, запущен в прокат, на его премьеру пришел сам президент Бронислав Коморовский. В СМИ появляются хвалебные рецензии.

А ведь этого фильма могло вообще не быть. По крайней мере так утверждают продюсеры, ссылаясь на неназываемые силы и системы, которые якобы должны были вставлять им палки в колеса. Фильм не получил дотации от Польского института киноискусства, а продюсер и соавтор сценария Мирослав Пепка утверждает, что некоторые «люди из государственного аппарата» предостерегали его, что у него возникнут проблемы. До этого играющий молодого прокурора актер Войцех Жолондковский рассказал в одной из газет, что «определенные институции — это взаимосвязанные системы. Такой фильм мог бы показаться пугающим и небезопасным. А потому постепенно, умеренными средствами с этим фильмом борются».

Между тем режиссер «Закрытой системы» Рышард Бугайский не придает значения утверждениям, что существовала какая-то «система», которая пыталась воспрепятствовать появлению фильма: «Мне ничего об этом неизвестно. Я слышал только, что частные инвесторы, в значительной мере финансировавшие этот фильм, не хотели бы называть своих имен, так как боятся, что финансовый отдел в отместку сделает им пакость».

Бугайский лучше всех знает, что значит борьба с кинофильмом. В 1982 г. во время сдачи в кинотеатре «Рейс» его «Допрос» — о сталинском палаче (Гайос), пытающем молодую женщину (Янда), — был разнесен руководителями, которые требовали растворить негатив в кислоте! «Я спас его раньше, на следующий день после введения военного положения пошел на киностудию и укрыл под кирпичами и снегом, — вспоминает Бугайский. — Но, когда я уже смонтировал и дело дошло до сдачи, оказалось, что картину и меня надо уничтожить. После перипетий с госбезопасностью я уехал в Канаду. А премьера «Допроса» состоялась только в 1989 году» [во время военного положения нелегальные копии смотрели на видео. — *Ред.*].

■ Завтра придут за тобой?

«Закрытая система» снята на основе реальной истории 2003 года. Тогда краковская прокуратура, основываясь на донесениях финансового отдела, обвинила нескольких владельцев мясных предприятий в злоупотреблениях на сумму 65 млн. злотых. Обвиняемые 9 месяцев провели под арестом, где из них пытались выбить признание вины, а в это время акции их компании выставил на продажу начальник краковского финансового отдела!

Сегодня уже известно, что не было ни преступной группировки, ни злоупотреблений. Все указывает, что была попытка отнять их имущество — в итоге увенчавшаяся успехом. Ни ответственный за это дело прокурор, ни тогдашний начальник финансового отдела не были наказаны. Прокурор даже получил повышение. Зато предприниматели потеряли бизнес, здоровье, часть проведенной под арестом жизни. За всё это присудили им по 10 тыс. зл. компенсации.

— Ребенок одного из героев после действий полиции утратил речь на год, — рассказывает сценарист Михал Пруский (он написал также сценарий фильма «Черный четверг», ранее был журналистом «Голоса Побережья» Тригорода). — Другой герой был помещен в камеру с психически больным человеком, который в припадке бешенства ударил его металлическим табуретом по голове и повредил ему зрение. Еще одному угрожали, что если не признает вину, то его дети попадут в детский дом.

Это все происходило на самом деле, в стране, уже в течение более десяти лет демократической и недавно вступившей в Евросоюз. В фильме действие перенесено в Гданьск и изменены некоторые подробности. Однако не изменена сущность патологической связи между прокуратурой, финансовым отделом и государственным министерством финансов. По мнению создателей фильма, эта система функционирует до сих пор — отсюда слоган, которым анонсируется фильм: «Завтра могут прийти за тобой».

— Ну, это уже, наверное, преувеличение! — говорю я. — Зачем вы пугаете зрителей?!

— Но на самом деле могут прийти и по-прежнему приходят! — уверяет Михал Пруский.

— Вы обобщаете ситуацию, которая сложилась десять лет тому назад, во времена правления СДЛС [Союза демократических левых сил], — добавляю я. — Вы действительно считаете, что, как утверждает «Право и справедливость», нами до сих пор правит та же система?

— Я знаю, что слово «система» ассоциируется с одним политическим режимом, — говорит сценарист. — Но мы не хотим становиться под флаги той или иной партии. Это фильм о патологии функционирования важных институтов и о том, как мало значит человек в столкновении с беспощадной машиной государства, в особенности если в эту машину усядутся мерзавцы и жулики. Мы не обвиняем всю прокурорскую среду, нас интересуют не вымышленные системы, а только такие, которые действительно существуют. «Business Centre Club» контролирует 300 похожих дел. Наши герои действительно уничтожены: финансово, психически и физически.

Мартин Колодзейчик из общества «Непобежденные-2012», объединяющего пострадавших от государства предпринимателей, считает, что Рышард Бугайский создал очень насущный фильм: «Это не история о двух-трех предпринимателях. Это рассказ о сотнях, тысячах предпринимателей и безнаказанности уничтожающих их чиновников. Рассказ о государстве в государстве. И о том, что во всей государственной верхушке нет предложений по реформированию судебной системы.

■ ПиС и традиции ППС

Главный спонсор фильма — связанная с ПиС Касса Стефчика, которая в журнале Кооперативных кредитно-сберегательных касс «Время Стефчика» заявляет, что фильм не был бы снят, если бы не «решимость свободных людей». Дальше читаем, что это фильм об «уничтожаемых в Третьей Речи Посполитой предпринимателях, которых по-прежнему преследует аппарат власти».

Пруский: «Мы живем в свободной стране, и каждый имеет право приписывать этому фильму политические контексты, какие ему только нравятся. На это нам не повлиять. Возможно, это наивно, но я благодарен Кассе Стефчика за то, что с ее помощью мы закончили фильм».

У Рышарда Бугайского есть претензии к тому, что фильм и его самого отождествляют с правыми.

— «Газета выборча» в Гданьске написала, что на премьеру я пригласил Марту Качинскую, — говорит он. — Я ей приглашения не присылал. Если кто-то хочет, Марта Качинская или кто бы то ни было другой, пусть купит билет и пойдет в кинотеатр». — Бугайского раздражают вопросы, не создается ли у него ощущения, что он сделал пропагандистский фильм, удобный для ПиС.

— Как я могу быть человеком ПиС, — возмущается он, — если мой дедушка был членом Революционной фракции ППС [Польской социалистической партии], а мой отец с 16 лет состоял в ППС. Я скорее левый, чем правый! Если бы ПиС снова пришел к власти, это была бы только резня! Те методы, которые я показываю в фильме, это выламывание дверей в шесть утра или подбрасывание людям чемоданов с деньгами, — это как раз ПиС использовал.

Действительно, у машины государства, уничтожающей предпринимателей, нет партийной окраски. С 2003 г. у нас были у власти политические партии разных ориентаций, а судебный процесс по делам, показанным в фильме, не закончился до сих пор. «Каждого человека, который держит в Польше фирму, по-прежнему подозревают в том, что он вор и хочет ограбить государство, — говорит Бугайский. — Со времен коммунизма каждый гражданин был заранее под подозрением, и это у нас осталось».

— Думаете ли вы, что «Закрытая система» что-то изменит?

— Когда в 1982 г. мой «Допрос» показали партийной организации кинематографических коллективов, соцреалистический режиссер Ванда Якубовская сказала, что этот фильм нельзя пропустить, потому что разразится революция, люди выйдут на улицы и будут жечь машины, — вспоминает Бугайский. — Я удивился, что одним фильмом я смогу спровоцировать революцию, которой в течение многих лет не

спровоцировали политические деятели. Я считаю, что в революционную силу фильма могут верить только наивные коммунисты. Я буду рад, если зритель что-то переживет и что-то доберется до его сознания. А если «Закрытая система» послужит толчком для постепенных изменений в законе, то я буду счастлив.

Очеловечить мерзавца

Роль главного мерзавца, одержимого жадностью прокурора Анджея Костшевы, играет в фильме Януш Гайос. Именно Костшева добивается ареста молодых предпринимателей. В тюрьме при помощи шантажа он принуждает их отказаться от акций их собственной фирмы, которые потом попадают к государственным служащим.

Костшевой руководит, однако, не только охота наживы. Это бывший деятель ПОРП, который в свободной Польше применяет тоталитарные методы.

— В начале своего жизненного пути это обычный мальчик, интересующийся больше девушками и гулянками, чем учебой, но в 1968 г. ему пришлось сделать выбор и переступить моральную черту, — говорит Бугайский.

— Этот персонаж должен показать, что декоммунизация в Польше не удалась? — спрашиваю я.

— Я давно говорю, что я противник прямолинейных высказываний, — отвечает Бугайский.

Над сценарием работал также Януш Гайос. Как он говорит, он открыл в своем персонаже зерно правды, и ему было важно развить в фильме эту тему, но первый вариант показался ему слишком публицистическим.

— Мне надо было очеловечить своего героя, — говорит Гайос. — Сделать из него — особенно через диалоги, через отношения с семьей — человека, который живет рядом с нами и ходит по тем же улицам. Это человек такой, как мы. Плохой, но всё же человек.

Гайос, как обычно, играет блестяще. Его Костшева — это заботливый дедушка, человек, пекущийся о доме, умеющий радоваться хорошей еде, водочке и прелестям жизни на уютной даче.

— Со времен коммунизма он был мерзавцем и мерзавцем остался. Вы знали таких красных князей?

— Я имел случай разговаривать в то время с тогдашним катовицким воеводой Ежи Зентеком. Я просил его уволить из армии моего брата, чтобы тот мог ухаживать за больной мамой. Нормальный человек, он сделал это одним телефонным звонком, — вспоминает актер. — У этих людей было чувство абсолютной власти, и это за ними тянулось. Они пришли к убеждению, что соперничать надо цинично и тогда можно пробиться. Почему мой герой так поступает? Потому что может.

— Вы не боитесь, что этот фильм подтвердит теории заговора? Что ничего здесь не удастся сделать, потому что есть система, которую может победить исключительно «опрокидывание стола» ПиСом? — спрашиваю я.

— Если кто-то убежден, что Польша опутана заговором, то с этим ничего не поделаешь, — говорит Гайос. — В фильме мы не бросаемся камнями в ту или иную сторону. Это фильм гражданский, показывающий, что нам, гражданам, государство причиняет зло. Эти вопросы должны быть решены постепенно благодаря усовершенствованию закона. Нельзя позволить пробиться ловкачам и обманщикам.

■ Где адвокат?

Немецкий журналист, который посмотрел «Закрытую систему», не мог понять, почему у героев фильма в заключении не было адвоката. «Это напомнило мне историю с показом «Допроса» в Германии в 80-е годы, — говорит Гайос. — Там тоже одна пораженная дама спрашивала, почему героиня, сыгранная Яндой, не взяла адвоката.

Михал Пруский рассказывает, что пострадавшие искали в 2003 г. помощи у одного из лучших краковских адвокатов: «Он сказал им, что, к сожалению, через эту систему не пробьется». Мартин Колодзейчик из общества «Непобедимые-2012» вспоминает, что еще в 2003 г. в Польше обвиняемый мог просидеть несколько месяцев в так называемом следственном заключении без контакта с семьей, адвокатом и даже прокурором.

Гайос: «Я пробовал этому немецкому журналисту объяснить, что у нас демократия существует только 20 лет. Многие вещи нужно еще исправлять».

Newsweek POLSKA

Лешек Шаруга

ВЫПИСКИ ИЗ КУЛЬТУРНОЙ ПЕРИОДИКИ

Проблемы патриотизма, суверенитета и, наконец, идентичности стали в последние годы дежурными темами публицистики. Самочувствие поляков не стабильно: принадлежность к Евросоюзу кажется значительно ограничивающей свежеобретенную независимость, нагромождение комплексов часто находит выход в агрессии — хорошо, что только вербальной. Наверное, большинство читающей публики должно, как минимум, удивить утверждение голландского журналиста, который, сообщая свои впечатления от Польши на страницах «Газеты выборчей» (2013, №109) в подборке аналогичных высказываний, озаглавленной «Не меняйте орла на павлина», говорит что «само слово «патриотизм», которое вы так часто употребляете в политике, голландец должен сначала отыскать в словаре». В свою очередь, американский историк Тимоти Снайдер в обширном интервью для «Ньюсуик-Польша» (№ 20/2013), отвечая на вопрос Мацея Новицкого, каковы следствия того, что Польша — это страна среднего масштаба, объясняет:

«Первым на это обратил внимание Ежи Гедройц. Он написал, что польская культура достаточно велика, чтобы удовлетвориться самой собою, но в то же время не столь значительна, чтобы весь мир захотел ее узнать и ею восхититься. Это влечет существенные последствия: польский интеллигент — интеллигент у себя. И не является таковым вне Польши. Вот обильный источник польских комплексов и польского ощущения непонятости начиная с XIX века. Поляки полагают, и вполне справедливо, что в польской культуре таится неведомое сокровище. Но одновременно должны считаться с тем, что они будут не в состоянии никого в этом убедить. (...) Проблема номер один — политическая: никто не понимает польских стратегических проблем, проистекающих из того, что Польша лежит между Германией и Россией. Есть те, кто понимает, что у Польши могут быть проблемы с Россией, и есть те, кто понимает, что может быть проблема с Германией. Однако почти никто не понимает, что проблема — с обеих сторон. В то же время, если мы на приеме, среди интеллигентов, то главная проблема — это герметичность польской культуры. (...) Тони Джадт рассказывал мне такую историю: в 80-е годы на французском телевидении у Бронислава Геремека спросили о любимых книгах, которые дают ему утешение в трудные минуты. И тут пошло такое перечисление неизвестных польских фамилий, что ведущий смешался и замолк. Сегодня было бы то же самое. Западный интеллигент по-прежнему не знает Пруса, Словацкого или Гомбровича. Ассоциации совершенно иные. Польскому интеллигенту сегодня легче притворяться, что он западный интеллигент, но в самом деле таковым он не стал».

Быть может, причины можно усмотреть в комплексе установок, выработанных в прошлом, на которые обращает внимание еще один журналист, на этот раз французский, высказавшийся в подборке «Газеты выборчей»: «Вы — страна успеха, полная небывало динамичных людей, которым в самом деле чего-то хочется, которые много работают, наделены фантазией. Но, наверное, вы могли бы больше открываться другим, больше думать об обществе, меньше о мифической нации».

Дело в том, что вследствие исторического опыта мышление о социуме, об общности граждан, было замещено концентрацией на судьбах нации, — польскость, независимо от того, что под нею понималось, была источником гонений, опасности. Поэтому, прежде всего, думали более о «мифической нации», чем об обществе, которое было лишено в течение без малого двухсот лет, с коротким межвоенным перерывом, политического существования. Отсюда гиперчувствительность поляков к вопросам суверенности, значимым, впрочем, для всех членов Евросоюза. На это метко указывает Снайдер: «Это проблема всей Европы. Те, кто номинально правит государством, должны примириться с тем, что некоторые важнейшие решения принимаются в Брюсселе. Они потеряли большу́ю часть власти. А если у тебя нет власти, надо по крайней мере делать вид, что она есть. Поэтому политики часто уделяют преувеличенное внимание истории или символам, ибо ими они могут располагать в полной мере».

Однако это поле не только политиков, но и части «четвертой власти», журналистов, в особенности правых или «национальных». Так что не удивляет заголовок, которым снабжен главный блок материалов

приложения к «Жечпосполитой», еженедельника «ПлюсМинус» (2013, №19), — «Урезание суверенитета». Открывает этот блок интервью с профессором Ядвигой Станишкис, озаглавленное «Мы обрекаем себя на небытие». Госпожа профессор говорит:

«Немцы заботятся о своем суверенитете. Как и британцы, которые отказываются от переговоров по различным спорным для них аспектам функционирования Евросоюза. Польский политический класс на этом фоне демонстрирует невежество. В условиях посткоммунизма дало о себе знать отсутствие навыков теоретизирования о самих себе. (...) Туску и Качинскому недостает подхода к любой ситуации как к вызову, когда можно что-то выиграть, они также не задумываются над тем, какой союз был бы для нас более полезным: федеративный, как еще до недавних пор хотели немцы, или гибкий, открытый, распространяющий Лиссабонский договор на экономику, как хотят британцы. Ведь суверенитета в классическом понимании, то есть основанного на монополии внешней или оборонной политики, уже не существует». И далее: «Проблема в том, чтобы найти контакт с миром иного, чем у нас, интеллектуального и исторического опыта, чтобы понять этот мир, а вместе с тем увидеть собственную ценность, — это также элемент суверенитета. Находясь в Евросоюзе, мы приобретаем знание, которого нам никто не передавал. Потому что наш опыт был другим».

С этими словами, в отличие от многих других оценок и диагнозов Ядвиги Станишкис, трудно не согласиться. Дело, однако, в том, что это знание политики приобретают слишком замедленно, в результате чего, как подчеркивает Станишкис, «не развивается наука, происходит демографический спад, мы обрекаем себя на некий вид небытия». Я привел это высказывание и для того, чтобы показать дежурную агрессивность журналистики. Слегка переделанная фраза породила исполненный угрозы заголовок, напечатанный крупным шрифтом и сообщающий: «Мы обрекаем себя на небытие». Предполагалось, что грозно и страшно. Получилось смешно и глупо.

В блоке материалов, озаглавленном «Урезание суверенитета», можно найти также текст Кшиштофа Рака «Между немецким гроссраумом и российской постимперией», а в подразделе этого текста, озаглавленном «Третья Речь Посполитая как периферия периферии», следующий диагноз:

«Огромная разница потенциалов определила польско-немецкие отношения. В течение последних двух десятилетий Польша стала, пользуясь терминологией реальной политики, сателлитом Германии. Удивительно, что такого рода определение вытеснено из сознания польских политических элит — в равной мере у германофилов и у германоскептиков. Реальность, однако же, говорит сама за себя. Прежде всего огромная зависимость нашей экономики от экономики Германии. Диспропорция основывается на том, что если Германия для Польши — это торговый партнер номер один, то для Германии Польша занимает место в начале второго десятка. За экономической зависимостью следует политическая. Мы 15 лет с энтузиазмом соглашались с тем, чтобы сначала Бонн, а потом Берлин играли роль нашего адвоката на пути в евроатлантические структуры. Потом мы втемную подписывались под невыгодными с точки зрения польских национальных интересов немецкими инициативами на международной арене. Прежде всего, это Лиссабонский договор, который жесточайше ослабил позиции Польши в Евросоюзе, переопределяя, вопреки национальным интересам, смысл нашего членства в ЕС. Сегодня мы с энтузиазмом поддерживаем бессмысленную антикризисную политику и фискальный пакт, который означает утрату остатков хозяйственного суверенитета».

Это все об утрате суверенитета в пользу Германии. Без объяснения (зачем объяснять?), почему неадекватным был энтузиазм в связи с немецкой поддержкой наших европейских ожиданий (учитывая, что, кроме Германии, немногие страны Евросоюза хотели принять Польшу в столь краткий срок); без указания, какие это немецкие инициативы на международной арене противоречат «польским национальным интересам» (а кто должен эти интересы определить?); наконец, без указания, в чем состоит ослабление Польши Лиссабонским договором и в чем заключается бессмысленность антикризисной политики и фискального пакта.

Но Кшиштоф Рак пишет о потерях не только в связи с Германией:

«Труднее определить природу нынешних польско-российских отношений. В течение двух десятилетий Польша проводила стратегию, направленную против фундаментальных интересов Российской Федерации. Сначала боролась за членство центральноевропейских стран в НАТО и Евросоюзе, затем стремилась к последовательному расширению евроатлантических структур на восток, не говоря уже о

деятельной поддержке «оранжевой революции». Это не значит, что московское влияние в Польше невелико. Совсем наоборот. Пусть Польша и мешала России в реализации геополитических интересов, но разрешала геоэкономическую экспансию на своей территории. Яркий пример — это история договоренностей о поставках российского природного газа. (...) Так что по отношению к России можно говорить о геоэкономической зависимости Польши (прежде всего в области поставок энергетического сырья). Конечно, всё это делается с согласия Берлина, который получает от Москвы свою долю — или в виде акций Северного трубопровода, или в цене на российский газ, которая на 10-20% ниже той, какую платит Польша».

Понятно? Понятно, что комментарии излишни. Во всяком случае, я их делать не стану, как и писать трактат о состоянии значительной части нашей журналистики. Одно, думается, не подлежит сомнению: я должен бы в ходе чтения этих разработок поверить, что с минуты на минуту наступит апокалипсис, Польша исчезнет с карты мира, а Россия и Германия отпляшут на могиле Totentanz. Как-то всё же в это не верю.

Верю, однако, здравому разуму и глубоким рассуждениям, которые черпаешь из солидной эссеистики. Поэтому я очень внимательно прочел в упомянутом выше номере «Газеты выборчей» очерк профессора Ежи Шацкого «Патриотизм как порок и как добродетель»:

«По вопросу патриотизма существует две противоположных позиции. Классическую формулировку первой дал Лев Толстой, полагая патриотизм моральным пороком и тяжким грехом, нарушением фундаментальных принципов христианской морали, которая исключает эгоизм как личный, так и групповой, так как наш ближний — это просто человек. (...) Другая крайняя позиция, имеющая, конечно же, несравненно больше сторонников, ибо апеллирует к нравственной интуиции, связывающей родину с семьей, создает из патриотизма добродетель или даже главную из добродетелей. В пользу второй позиции выступает также многовековая, восходящая к греческой и в особенности римской античности европейская традиция, самым лучшим и одновременно самым сжатым описанием которой стало исследование историка Эрнста Хартвига Канторовича «Pro patria mori» («Умереть за родину»). (...) На вопросы: «Что есть патриотизм?» и «Патриотизм — это хорошо или плохо?» — нет таких ответов, которые никогда и нигде не столкнулись бы с принципиальным отрицанием и которые могли бы быть приняты всеми без оговорок и комментариев. Здесь нет никакой нравственной очевидности».

Далее в этом замечательном очерке читаем: «Я думаю, что о патриотизме говорится у нас одновременно и слишком много, и слишком мало. Слишком много, потому что при любой оказии устраиваются многословные выступления и конкурсы, где декларации любви к родине нередко заслоняют сущность того, в чем в данную минуту всё дело, а также и то, что же всё-таки в результате реально будет сделано. У нас не ценится мудрость Норвида, который напоминал соотечественникам, что «ни один римский патриций никогда не написал двенадцати томов о патриотизме, ибо это неприлично». Но я все же думаю, что о патриотизме говорится и слишком мало: сравнительно редко он становится объектом спокойной и углубленной рефлексии, которая бы не только умеряла риторические эксцессы и противодействовала опошлению самой идеи патриотизма, но и поднимала бы в более широком, чем до сих пор, объеме более чем реальную психологическую, социологическую, этическую и политическую проблематику, связанную с этой идеей. (...) Любовь к родине — это естественное чувство, а мышлению о родине надо упорно учиться. Учение затрудняют два обстоятельства. Во-первых, постоянная борьба концепций патриотизма и общности, чаще всего противоположных, с одной из которых патриот должен быть солидарен. Общество, особенно современное, — это не монолит, которому можно было бы приписать единство «обычая» или «духа» либо готовить его к защите именно тех самых «алтарей» или «праха предков». Во-вторых, это общество de facto не изолировано от других обществ, а границы между культурами уже далеко не такие четкие, как могли бы на то указать высота пограничных завалов, категоричность идеологических деклараций на тему своего и чужого или сила этнических предрассудков и стереотипов».

И окончание эссе профессора Шацкого: «История патриотизма — это не только летопись борьбы с внешними врагами, но также история борьбы за гегемонию в нации. История, к которой, сколь ни парадоксально, относятся также и возгласы «Патриотизм — это грех!» и «Нация — это ложь!». Последний — это заголовок нашумевшей в свое время статьи Марио Варгаса Льосы, программа которого в период борьбы за пост президента Перу была, однако, ничем иным, как одной из формулировок национальных интересов, да ничем иным и не могла быть. Так бывает, что родине служат и бунтовщики и диссиденты, принося ей больше, чем велеречивые льстецы».

НА УХО ВЛАСТИ

С Мареком Домбровским беседует Яцек Жаковский

Марек Домбровский, один из создателей и бывший президент Центра общественно-экономического анализа (CASE), о том, как давать советы властям других стран и почему это стоит делать, даже если эта власть — не демократическая.

— Где вам приходилось консультировать?

— Более чем в двадцати странах, т.е. во всех государствах бывшего СССР, кроме Армении и Таджикистана, в Монголии, в юго-восточной Европе (Румыния, Болгария, Сербия, Македония, Босния и Герцеговина), на Ближнем Востоке (Ирак, Египет, Сирия, Йемен).

— Вы начинали с постсоветских стран?

— С России. В ноябре 1991 г. я подключился к группе, работавшей там над планом преобразований.

— Чего русские ждали от вас?

— Идей и аргументов. Тогдашний министр экономики недавно напомнил мне, как на неформальной встрече руководства я помог ему убедить коллег в том, что при наличии тотального дефицита товаров необходимо как можно скорее либерализовать цены. Так же было с либерализацией внешней торговли, конвертацией рубля, разрешением уличной торговли.

— Вы прививали в России «дух предпринимательства»?

— Там это было особенно трудно, так как действовала статья уголовного кодекса, предусматривающая наказание за «незаконное предпринимательство». Прежде всего нужно было отменить наказания. Вместе с Джеффри Саксом мы убеждали в необходимости быстрых и решительных действий. После того как в декабре 1992 года Егор Гайдар ушел с поста исполняющего обязанности председателя правительства, консультации сосредоточились на технических вопросах, связанных с бюджетом и денежной политикой и продолжались до весны 1994-го.

— Джеффри Сакс извинялся за то, что его советы и настойчивые рекомендации шоковой терапии повредили России. Джорджа Сороса, который финансировал консультативные миссии, в т.ч. и в России, обвиняют в том, что он спровоцировал обвал рубля и хорошо на этом заработал. Профессоров Гарварда в Америке судили за то, что они давали российским властям такие советы, чтобы это служило их собственному бизнесу в России. Как вы ощущаете, вы правильно советовали русским?

— Все эти примеры очень спорные. Гарвардцы объяснились и были оправданы. Инсинуации СМИ против Сороса касались кризиса 1998 г., но были сомнительны по своей сути. Между тем его роль в качестве источника финансовой поддержки преобразований во множестве стран огромна и неоспорима. И как крупный финансовый инвестор, он всегда будет подвергаться критике. Сакс же действительно отрекался от того, что делал в России. Но только спустя годы, когда у него произошел конфликт с МВФ и Всемирным банком. Он действительно считал, что в начале 90-х Россия должна была получить от Запада огромную безвозмездную помощь, благодаря которой реформаторы удержались бы у власти. Я так не считал и не считаю. Политическая экономия российских реформ была очень осложнена в результате того, что я назвал бы «постимперской травмой». То, что я вместе с многими другими экспертами советовал в начале 90-х, в полной мере созрело только к 2001 году. И приносило положительный экономический эффект, но более поздней эпохе.

— Потом были другие страны бывшего СССР?

— Украина. С весны 1993 до весны 2006 г., с небольшим перерывом в 2002-2003 гг. В Киргизии я начал консультировать в 1993-м. Работал в том числе для президента Акаева. Кроме прочего, мы способствовали оздоровлению банковской системы, помогали преодолевать последствия кризиса 1998 г., создавать систему адресной социальной политики, а также участвовали в разработке долго-

временных программ развития страны, экономических и институциональных реформ. Также и после «тюльпанной революции», когда Акаева сменил Бакиев. Большинство экономических рекомендаций было постепенно проведено в жизнь, хуже было с рекомендациями, касающимися институциональных и политических изменений. Несмотря на следующие одна за другой революции, недемократические тенденции возвращались, хотя, оценивая объективно, в Киргизии границы гражданских и экономических свобод значительно шире, чем, например, в соседнем Узбекистане.

— На Украине после «оранжевой революции» тоже не очень получилось.

— Наступившие в ее результате перемены оказались не столь глубокими, как представлялось вначале. Не хватало институциональных реформ, которые бы надежно предотвратили возврат авторитарных тенденций, кумовства и коррупции.

— Вам не посчастливилось давать советы истинным демократиям.

— Стабильные демократии в советах обычно не нуждаются. Страны бывшего СССР не оказались стойкими демократиями (исключая балтийские государства). Начиная с избрания Лукашенко в Белоруссии в 1994 г., страна за страной последовательно скатывались к авторитаризму.

— Несмотря на титанические усилия советников.

— Советы обычно даются в отношении экономики. И тоже не всегда успешно. Советников можно слушать или не слушать. И даже если власть хочет слушать наших советов, то система институтов — судов, управлений, регулирующих органов, — устроена в постсоветских странах таким образом, что закон плохо работает. Но то же самое угрожало странам Центральной и Восточной Европы. В последние десятилетия ряд этих стран преодолел угрозу тоталитаризма. Их спасла перспектива присоединения к Евросоюзу и НАТО, а затем и членство в них. Как раз такой перспективы не хватило государствам бывшего СССР. А также Ближнему Востоку.

— В Египте вы тоже были советником перед революцией.

— Ранее, летом 2003 г., я работал в Ираке для Всемирного банка, подготавливал проект либерализации цен, отхода от нормирования продуктов и топлива. Но у американцев не хватало смелости для таких перемен. Они опасались выдвигаемых американской прессой обвинений в том, что хотят навязать Ираку шоковую терапию по примеру России или Польши.

— С Мубараком у вас получилось лучше?

— В Египте я не был советником Мубарака. Я содействовал институциональным преобразованиям государственного консультативно-информационного центра в современный публичный «мозговой центр». С точки зрения компетентности сотрудников, условий их работы, уровня оплаты это было элитарное учреждение. Люди были открыты, настроены прореформаторски. Двое глав этого центра стали министрами в послереволюционных, технократических правительствах. Молодые сотрудники активно участвовали в событиях на площади Тахрир. То есть с сегодняшней перспективы нечего стыдиться.

— Но вы это знаете только теперь. А тогда вам приходилось втемную решать дилемму, которая стоит перед каждым, кто помогает советом или делом авторитарным режимам. В Польше мы, естественно, не имели понятия, чем был режим Мубарака, пока «арабская весна» нам этого не показала. Но кое-что было известно. Как вы с этим справлялись?

— Большинство стран, нуждающихся в технической помощи в сфере экономической и общественной политики, — это развивающиеся страны, в которых существуют проблемы с демократией и правами человека. При оценке такой деятельности имеют значение два критерия. Во-первых, в каких делах даются советы. Если кто-то помогает диктатору укреплять тайную полицию или учит эффективным методам пыток заключенных, то это, несомненно, проблема. Но я никогда не занимался такого рода консультированием. Мы давали советы, касающиеся решения экономических, институциональных, общественных проблем, которые нужно преодолевать невзирая на политическое устройство.

— Если власть и в самом деле этого хочет.

— Разумеется, не все рекомендации экспертов принимаются, а если и да, то не сразу. Такова природа этой деятельности. Но нельзя говорить, что она бесцельна и безрезультатна. Даже недемократические государства вынуждены решать социальные и экономические проблемы. Как бы ни оценивать

политические системы России, Украины или Казахстана, в общественном и экономическом отношении это совершенно другие страны, чем 20 лет назад. Так же и на Ближнем Востоке.

— А второй критерий?

— Соблюдение профессиональной этики.

— В смысле?

— Представлять взгляды, в которых ты действительно убежден. Разумеется, нужно учитывать экономическую, политическую и общественную ситуацию в конкретной стране, но нельзя говорить власти то, что она хочет слышать.

— Например?

— В стране, где имеется постоянный дефицит бюджета, нельзя делать вид, что это не проблема. Например Египет в годы наибольшего экономического благополучия (2006-2008) при росте в 7—8% имел дефицит бюджета порядка 8% ВВП. Главная причина в огромных дотациях на энергию, топливо и продукты. Честный экономист должен говорить власти, что это неприемлемо.

— С другой стороны, если вы будете давать хорошие советы деспотии, то этим вы ее укрепите и продлите ее дни. Вы помните дилемму польской оппозиции 80-х? Чем лучше, тем хуже, потому что глубокий кризис скорее победит плохую власть; или чем лучше, тем лучше, так как экономический успех облегчает жизнь людей, которые и так страдают от дурной власти. Если бы Ярузельский добился экономического успеха, ПНР, возможно, никогда не пала бы. Как КНР.

— Это очень серьезная дилемма. Она касается не только работы советников, но и экономических санкций в отношении стран, нарушающих права человека. Из моих наблюдений, однако, следует, что в долговременной перспективе санкции, налагаемые из соображений «чем хуже, тем лучше», не дают результата, а только ведут к болезням, от которых потом трудно и долго выздоравливать. Хороший пример — санкции против бывшей Югославии. Прошли годы, санкций давно нет, Югославии тоже нет, а преступные структуры, сформировавшиеся благодаря санкциям, организовавшие тогда нелегальную торговлю, и сегодня остаются проблемой балканских стран.

— Лучше помогать деспотам хорошо управлять экономикой?

— Тезис, что крепкая экономика продлевает жизнь режимам, не столь очевиден. Общество, в котором растет уровень жизни, начинает требовать большей свободы. Так было, в частности, в Грузии в 2003 г., на Украине в 2004-м или недавно в арабских странах. Революции произошли не в период краха экономики, но в период активного роста. Новый средний класс потребовал гражданских и политических свобод, борьбы с кумовством и коррупцией, устранения различных несправедливостей. Вот и в России растущий средний класс начинает бунтовать против системы «ограниченной демократии».

— Когда в конце 80-х в ПНР появились сотрудничавшие с властью советники Всемирного банка и МВФ, у нас были смешанные чувства. Консультируя власти Египта, Йемена или Сирии, думает ли эксперт о том, как это воспринимают противники режима?

— Во-первых, адресаты технической помощи — это не исключительно органы высшей государственно власти, но и разные технические структуры, занимающиеся, например, образованием, здравоохранением, экологией, наукой, коммунальной сферой, местным управлением, а также негосударственные учреждения и организации. Таким примером может быть мой проект в Египте, который финансировался Еврокомиссией. Во-вторых, режим Мубарака не был самым худшим ближневосточным режимом. И, может быть, поэтому рухнул достаточно быстро.

— В Сирии уже не было так легко, как в Египте.

— В Сирии я работал в рамках крупной программы Евросоюза, но относительно недолго. В декабре 2006 г. меня попросили отрецензировать доклад, подготовленный другими экспертами, я участвовал в обучающем семинаре в Дамаске для местных экспертов и управляющих экономическими ресурсами, а также в брифинге для тогдашнего вице-премьера по поводу экономических реформ — бывшего сотрудника ПРООН (Программы развития ООН. — *Пер.*), единственного члена команды Асада, который не принадлежал к правящей партии БААС и который сразу после начала революции примкнул к оппозиции. Темой консультаций был отход от государственного центрального планирования экономики (названного когда-то арабским социализмом) и перспективы приватизации.

— Вы верили, что если таким людям удастся наладить экономику Сирии, то возрастут шансы на демократизацию и соблюдение прав человека? Хантингтон убедил когда-то Запад в том, что демократия — побочный эффект достижения обществом определенного уровня доходов.

— Статистика это подтверждает, как указывал также Роберт Барро, экономист из Гарварда. Хотя есть исключения — в основном нефтедобывающие страны, — что в числе прочего объясняет дефицит демократии в России, Казахстане или арабских странах. Это, разумеется, можно трактовать как аргумент в поддержку тезиса, что консультирование в недемократических странах имеет смысл. Однако не менее важен довод о том, что это дает странам, или по крайней мере их верхам, возможность контакта с людьми и идеями свободного мира. То, что Польша в 1989 г. концептуально была готова к проведению реформ, в значительной мере было обусловлено возможностью международных контактов и большей свободой дискуссии во времена ПНР. В странах, где такой возможности не было (напр. в Румынии или на Украине), не хватало подготовленной элиты и программ. Груз преобразований лег на плечи местной номенклатуры и экспертов провинциальной школы, которые не имели понятия о внешнем мире.

— Следует ли из этого, что даже если авторитарная власть не слушает рекомендаций иностранных советников, то одно их присутствие в поле зрения местной элиты создает капитал демократии?

— Так мне представляется. Если эксперты сотрудничают с местной элитой, то баланс может быть положительным независимо от того, чем завершится проект.

Конечно, ни один диктатор не сдался, подчинившись иностранным советникам, однако программы технической помощи способствуют экономической и общественной реформе, которая со временем может привести к демократизации.

Разумеется, не все рекомендации экспертов принимаются, а если и да, то не сразу. Такова природа этой деятельности. Но нельзя говорить, что она бесцельна и безрезультатна. Даже недемократические государства вынуждены решать общественные и экономические проблемы.

POLITYKA

В БЛИЖАЙШИХ НОМЕРАХ

- Эльжбета Савицкая о фестивале российских театров в Польше
- Беседа с Моникой Ярузельской, Войцехом Ярузельским
- Анджей Стасюк специально для «Новой Польши» о культурном наследии, которое не признает границ

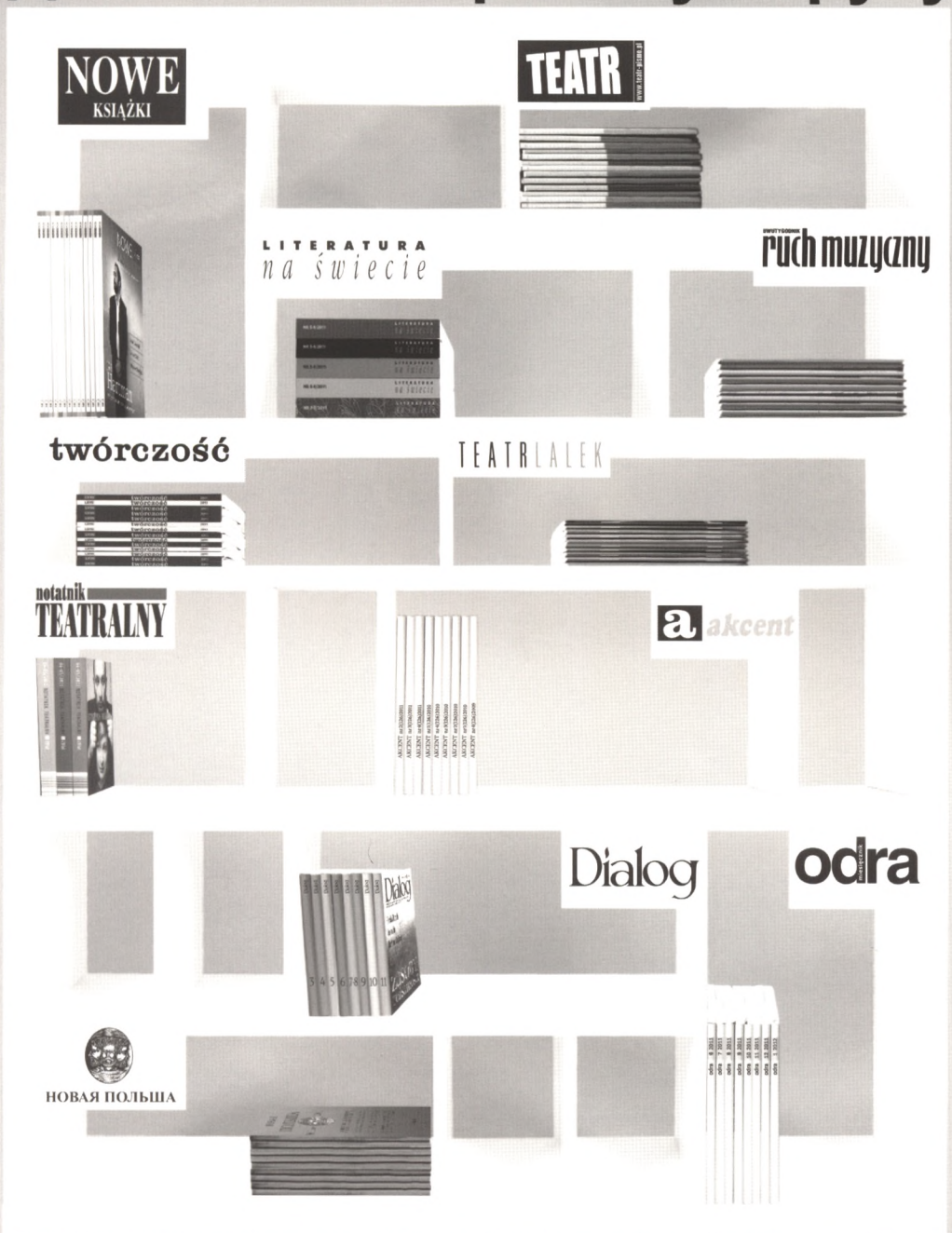
Проза
Зыта Орышин

Стихотворения
Антони Павляк

Журнал «Новая Польша»
допущен к распространению на территории Российской Федерации
Решением Министерства Российской Федерации по делам печати,
телерадиовещания и средств массовых коммуникаций
(Свидетельство регистрации средства массовой информации ПИ №77-1063 от 3 ноября 1999 года)
Приглашаем всех читателей посетить интернет-сайт «Новой Польши»: **www.novpol.ru**

INSTYTUT KSIĄŻKI
©POLAND

Достаточно протянуть руку



Instytut Książki Dział Wydawnictw
al. Niepodległości 213, 02-086 Warszawa, tel. +48226082374, tel./fax +48226082488
e-mail: czasopisma@instytutksiazki.pl
www.instytutksiazki.pl

Cena 8 zł. w tym 5% VAT
ISSN 1508-5589